

LE MESSENGER

ВЕСТНИК

РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО
ДВИЖЕНИЯ

167

ПАРИЖ — НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА

№ 167

I - 1993

ВЕСТНИК РХД — № 167 = VESTNIK-LE MESSENGER

*Publié par l'Action Chrétienne des Etudiants Russes
en collaboration avec les éditions «YMCA-Press»*

*

Редакционная коллегия:

Архиеп. Сильвестр, прот. Николай Озолин, С. Аверинцев,
А. Богословский, В. Библин, Ю. Кублановский, Д. Поспеловский,
К. Сигов, П. Струве.

—
Ответственный редактор: Н.А. Струве

ВЕСТНИК Р. Х. Д.

№.В. в 1993 году выйдет только 2 выпуска

Условия подписки на эти 2 номера (с пересылкой):

(Sea Mail) 200 фр.

(AIR MAIL) 250 фр.

Цена отдельного номера: 90 фр. (без пересылки)

Число подписчиков: R »
(is)

Изданы

вижения

А

ER,

А

ESS,

LE MESSENGER

БИБЛИОТЕКА - ФОНД
«РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ»
Н. РАДИЩЕВСКАЯ 2
915-10-73

ВЕСТНИК

РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

167

БИБЛИОТЕКА-ФОНД
«РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ»
МОСКВА, НИЖНЯЯ РАДИЩЕВСКАЯ 2
инв. н. 710

ПАРИЖ — НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА

№ 167

1 - 1993

Отпечатано в Христианском издательстве
117192 Москва, Мичуринский пр-т, 1

Copyright © Le Messenger. Paris 1993

COMMISSION PARITAIRE
N° d'inscription 620 16

От редакции

Обложка одного из недавних выпусков «патриотической» газеты *Литературная Россия* (11.06.93) изображает уголок не то деревни, не то городишки — немощеную улицу и бабу, идущую по воду с коромыслом; к фотографии — умиленная надпись: «тихая родина моя...»

Кто из проезжающих по ухабам сегодняшней России не умилялся, когда в дали дорожной мелькал силуэт крестьянки с коромыслом! Ведь так было вероятно и в XV веке, и в XVII, и в XIX, и вдруг та же картина на пороге XXI-го! Какая поразительная остановка истории, какое, действительно, затишье, как бы сказочная замороженность... Но в этом эстетическом умилении праздного туриста из машины или патриота-фотографа из московской квартиры с горячей водой кроется тонкий соблазн. Образ бабы, идущей за водой (с коромыслом — красиво, с ведрами — куда меньше), — символ не столько тихой родины, сколько трагедии, обрушившейся на Россию.

Эстет Константин Леонтьев мечтал «подморозить Россию», чтобы сохранить ее своеобразие перед натиском материального и технического нивелирующего прогресса. Мечта неосуществимая: полнокровную страну, здорово живешь, не подморозить; историю просто так не остановить. Кровь бурлит и кипит: в конце XIX—начале XX века Россия стремительно догоняла Запад. Купцы-капиталисты, почти все старообрядческого корня, овладевали современной техникой, возвращали родине икону и старину, первыми открывали западное передовое искусство...

Но безумную леонтьевскую мечту осуществили уродливо большевики: сами того не желая, они подморозили Россию, но прежде чем ее подморозить, они выпустили или высосали из нее всю ее живую кровь. Оказалась подмороженной не Россия, а обескровленный ее двойник. Причем, одновременно, в отдельных

отраслях, догонялась-таки Америка, ускоренным темпом возводилась тяжелая индустрия, ковалась военная мощь. Получилось уродливое соседство коромысла с байконурскими ракетами, почти без промежуточных бытовых и культурных звеньев.

Сегодня идет уже не очередная оттепель, временная и частичная, обещающая новые заморозки, а бесповоротное размораживание истощенного организма, которому надо «снова научиться жить», заново придумать и здоровую рыночную экономику (в один день не делается), и государственный строй (вырабатывается десятилетиями, если не веками!), и запущенную бытовую культуру, начинающуюся с мытья стекол...

Без накопленного Западом опыта России не обойтись. Как при этом сохранить самобытность, когда ослабленный организм естественно более падок на легкое и пошлое, что приносит современность?

Одно ясно: коромыслом или бадьей от Запада не отгородиться. Волей-неволей идя «на выучку к Западу», своё следует искать в тех пластах национального бытия, которые времени не подвластны, в глубинах религиозного духа, в неистощимом богатстве великой культуры и великого русско-эллинического языка.

Своеобразие России в ее принадлежности к византийско-православной культуре, освоенной, обогащенной соприкосновением с Западом. В новейшем неизбежном «озападнении» Россия останется собой только в верности изначальному призванию византийско-европейскому, не чураясь и не отгораживаясь, а копая вглубь, не оглядываясь назад, а простираясь вперед и устремляясь ввысь.

Никита Струве

БОГОСЛОВИЕ — ФИЛОСОФИЯ

Прот. Сергей БУЛГАКОВ

ПРОРОЧЕСТВО (Тезисы к докладу)*

В первый раз суждено мне отсутствовать на конференции Fellowship (Содружества св. Албания и св. Сергия), но духовно я и теперь на ней еще присутствую. Шлю свою любовь и приветствие всем друзьям и членам, русским и английским, его преосвященству, нашему председателю епископу Дэрби, членам и посетителям из разных стран и конфессий. Да благословит Бог труд наш.

Мне было выражено желание, чтобы я дал хотя бы краткие тезисы своего доклада. Я могу это сделать в самой несовершенной форме. Основная мысль моего доклада такова, что пророчество есть акт религиозной жизни как личная встреча с Богом, которая совершается, может и должна совершаться в жизни каждого человека, по образу и в меру ее. Ибо говорит Моисей народу Божьему: «...о, если бы все в народе Господнем были пророками, когда бы Господь послал Духа Своего на них!» (Числа, 11, 29).

Жизнью своею человек призывается к пророческому ее восприятию, он может внять или не внять этому к нему обращению. Оно бывает различно, от великого до малого. Бог призывает избранных своих для великих своих откровений, для возвещения воли своей, но и малым сим дается коснуться десницы Божией.

* По-русски печатается впервые, по случайно найденной рукописи в одной книге о С. Булгакова, принадлежавшей Ю. Рейтлингер. По-английски было напечатано под заголовком The Spirit of Prophecy в журнале Sobornost, 1939, № 19.

Если бы я чувствовал себя в силах, то первым моим делом при этом возвращении в вашу среду было бы поведать о том, что было пережито и открывалось мне в эти страшные и вместе дивные дни болезни, на грани смерти. Милосердной десницей Божией я возвращен к жизни в этом мире, и мне даны эти новые встречи с братьями. Излить и осмыслить это пережитое, так или иначе поведать то, что было послано Богом, является для меня трудной и ответственной задачей в дальнейшей жизни. Однако подобная задача неизбежно является одним из образов пророчесственного откровения о жизни, каково бы оно ни было в своем содержании и как бы ни было немошно немотствующее слово. Каждому из нас неминуемо идти этим путем к пророчесственному откровению о жизни и смерти. Каждый призывается к последнему откровению в смерти, к личной встрече с Богом на грани жизни, если не на путях ее. Я хотел бы поведать и это чувство открывшейся на обе стороны грани жизни и смерти. Но это есть неизреченное.

Однако и по сию сторону этой грани, в нашей земной жизни мы имеем уже достаточное свидетельство того, что встреча с Богом и слышание Его гласа совершается человеком, и это и есть основа пророчества. И об этом свидетельствует нам само Откровение. Оставляем здесь в стороне Ветхий Завет и останавливаемся лишь на Новом. Пророчество в Новом Завете не было общим даром, который подавался при возложении рук апостольских. Он является нарочитым, свойственным лишь определенным лицам, наряду с другими дарами: «Все ли апостолы? все ли пророки? все ли учителя?...» (I Кор. 12, 29).

«И Он поставил одних апостолами, других пророками, иных евангелистами, иных пастырями и учителями». (Еф. 4, 11). Мы имеем особое выделение пророческого служения, как относящегося преимущественно к предведению будущего (например, Д.А. XI, 28; XXI, 4; XXIX, 11, в особенности в Откровении о том, «чему надлежит быть вскоре» 1,1), а также к особому дерзновению в проповеди (как, например, в обращении к

проповеди язычникам: Д.А. XIII, 46, или вопрошании и пророчестве (ап. Павел о судьбах Израиля, Р. 9-11). Но наряду с этим особым служением пророческим Откровение знает и всеобщее пророчествование, о котором без всякого ограничения говорится: «...ревнуйте о дарах духовных, особенно же о том, чтобы пророчествовать». (I Кор. 14, 1, ср. с. 39). Апостол предусматривает случай, «когда все пророчествуют в церкви»: «...все один за другим можете пророчествовать, чтобы всем поучаться и всем получать утешение». (31). Здесь пророчествование возводится как бы в богослужебный чин, подобно современной проповеди, хотя оно, видимо, не связано с каким-либо рукоположением, но есть общий харизматический дар, во всей его силе, но и во всей неопределимости. Такой дар есть сила Пятидесятницы, по истолкованию, данному ап. Петром пророчеству Иоиля: «И будет в последние дни, говорит Бог, излию от Духа Моего на всякую плоть, и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши, и юноши ваши будут видеть видения, и старцы ваши сновидениями вразумлены будут; И на рабов моих и на рабынь моих в те дни излию от Духа Моего, и будут пророчествовать». (Д.А. 11, 17-18; Иоиля 2, 28-29). К этому тексту примыкают и вышеприведенные слова Моисея: 11, 29. Согласно этому тексту, в даре пророчества заключается самая *сила* Пятидесятницы. Здесь говорится не о частном даре пророческого служения в ряду других даров и служений, но об общем и основном даре Пятидесятницы. Те, которые приняли этот дар, производили на окружающих впечатление находящихся в состоянии безумия или одержания: «они напились сладкого вина» (Д.А. 11, 13). Дар пророчества делал человека как бы *иным самого себя*, живущим в себе не своей жизнью, которая однако воспринимается как своя собственная. Это одновременно есть и выходжение из себя, экстаз, исступление, и вхождение в человека нового начала жизни. Иными словами, пророчество есть *встреча* и соединение человеческого духа с иным, божественным началом (причем возможно и лжепророчество, или встреча с ложным духом, но все же встреча). Поэтому пророчест-

вание есть *активное* состояние духа, в котором он устремляется навстречу высшему началу, чтобы, приняв его, оплодотвориться от него, отождествиться с ним. Оно есть в этом смысле предельно творческое состояние духа. Оно есть то, что мы называем вдохновением, более того, оно тождественно с ним, как радость и восторг этого вдохновения. Печальна и пуста жизнь «без божества, без вдохновенья» (Пушкин). Для пророчествования не имеет решающего значения, каков его предмет или тема, и библейские пророки пророчествовали о разном. Существенно же для него творчески-вдохновенное отношение к жизни, осуществление ее внутренних задач и возможностей, духовная активность, принятие истории как творческого акта и задачи. Дар пророчества, как дар Пятидесятницы, означает, что христианский человек вдохновенно-пророчески делает историю и за нее ответственен. Пятидесятница по смыслу этого истолкования именно и есть всеобщее посвящение к пророчеству, для которого каждый получает свой основной дар в таинстве миропомазания: «печать дара Духа Святого», и в этом смысле в церкви нет вовсе не одаренных, благодатного дара лишенных. Дары эти могут быть различны, но пророчественный дух в них остается неизменным, как особая окачественность этих даров. И именно в этом качественном смысле говорится у апостола: «дары различны, но Дух один и тот же, и служения различны, но Господь один и тот же, и действия различны, но Господь один и тот же, производящий все во всех». И в разъяснение этой общей мысли апостол прибавляет перечень различных даров: «каждому дается проявление Духа на пользу: одному дается Духом слово мудрости (философия), другому слово знания (наука) тем же Духом, иному вера тем же Духом; иному дары исцелений тем же Духом; иному чудотворения, иному пророчество (очевидно в нарочитом смысле), иному разные языки, иному истолкование языков. Все же сие производит один и тот же Дух, разделяя каждому особо, как Ему угодно». (I Кор. 12, 7-11). Здесь указывается многообразие даров единого Духа, а вместе и присутствие Его самого в каждом из

даров. Однако является необходимым различить и даже противопоставить пророчествование как общий дар Св. Духа, выражающийся в способности к приятию откровения, и пророчество — как это самое откровение. Пророчествование означает поэтому всеобщую духоносность христианского человечества после Пятидесятницы, которое в своем тварном, человеческом вдохновении способно принимать дар Св. Духа и им вдохновляться. Человеческое вдохновение при этом становится богочеловеческим... Различие даров означает многообразие видов пророческого вдохновения, среди которых выделяется особо пророческое служение как творческая устремленность к будущему: «и грядущее возвестит вам» (Дух Святой) (Ин. 16, 13). Это есть изнутри происходящее обожение человеческого духа чрез соединение тварного и нетварного естества в нем. Разумеется, эту мысль нельзя никоим образом понимать в том смысле, что после Пятидесятницы *всякое* человеческое вдохновение пророчественно и богочеловечно, и что это есть как бы сама собой разумеющаяся данность. Совсем наоборот. Это есть высшая, предельная *задачность*, которая, однако, не только задана, но тем самым внутренне и дана, как возможность, в Пятидесятнице. В ней Дух Св. сошел на человеков, не лишая их человеческой свободы и собственного человеческого вдохновения. Пророчествование вообще есть творчество, окрыляемое дерзанием и воспламеняемое вдохновением. Как такое оно обращено к будущему, однако не поверх и не вне настоящего, а *чрез* это настоящее, которое чревато будущим.

Вспомним, в какой мере насыщена историей, обращена к окружающей действительности мысль ветхозаветных пророков, которую даже нельзя уразуметь без особого исторического комментария. Оно было существенно *исторично*, т.е. исходило из живого чувства современности, ее нужд и проблем. Таким образом истинный предмет пророчества есть *история*, понята в ее внутреннем содержании как апокалипсис, и даже более того, как то, что лежит за пределами истории самой, т.е. эсхатология. История, как апокалипсис, есть

«последнее время», которое включается в сверхвремя, в эсхатологию. Оно и есть истинный предмет пророческого созерцания, и оно должно не только просто истечь, но и творчески совершиться.

Пророчествованию свойственно, наряду с прозрением в будущее, постижение вещей божественных, боговедение. Откровение о Боге подавалось через пророков, и оно отливало в догматические кристаллы учения о Боге. Догматические откровения сообщались человечеству ветхо- и новозаветному чрез пророков, как его носителей: Моисей, Давид и Соломон, великие и малые пророки, апостолы и учителя, и даже до дня сего. Что составляет общую черту их догматического служения? Как открывается и возвещается божественная истина этим избранныкам Божиим? Являются ли они пассивным орудием, чрез которое как бы диктуются божественные слова? Или, напротив, и здесь откровение сохраняет характер богочеловеческий, при котором человеческое искание и вопрошание получает божественный ответ: «ищите и обрящите»? Конечно, последнее. Откровение дается не холодному сердцу, равнодушному уму, но огненному Илии, вопрошающему Господа о праведном остатке, и пламенному Павлу, мучающемуся о тайне отвержения и спасения Израиля, и страдающему Иову, вопиющему пред небом о своих страданиях. Оно дается тайнозрителю Даниилу, в покаянии о грехах своего народа и в долгом сетовании вопрошающему Господа. Но если так было у великих пророков и духовных вождей, то не иначе, хотя бы и в неизменно слабейшей степени, это должно быть и у малых сих. Настойчивая мысль и искание неизменно предшествуют тому просветлению разума, которое содержит в себе зерно откровений. Это-то и есть пророчествование как догматическое творчество и откровение.

Но даже на этом божественном озарении разума не может и не должно остановиться [пропуск в рукописи] пророческого ведения. Оно призывается и к дальнейшему постижению и уточнению уже ранее данного или вновь явившегося откровения. Иными словами, пророчествование включает в себя — не для всех, но

для избранных — и труд богословского выявления, и формулирование открывшегося. Иными словами, оно захватывает собой и богословие, не только или не столько как рассудочное изучение, сколько как восприятие разумом.* Так было в иудейском богословии, в талмуде и так это остается в нашем новозаветном богословии. Не будем преувеличивать, но не будем и умалять пророчесственного характера богословия. Без него оно теряет свою вдохновенную силу и становится отвлеченной схоластикой. Разумеется, богословию не свойственна безошибочность, но даже тогда, когда оно уводит на ложные пути, оно сохраняет свою вдохновенность, а постольку и пророчесственный характер. Ветхозаветное благочестие знало пророческие школы, «сонм пророков», в соединении с которым отдельное лицо, как Саул, также пророчествует, «становится иным человеком» (I-ая Царств, X, 6). Но не сходны ли наши богословские школы, и насколько они поднимаются до высоты своего призвания, этим школам пророческим, не должны ли и они искать «сошествия Духа Божия»? (I-ая Царств, X, 10). И не применимо ли это далее и к тому богословскому общению, которым ныне являются многообразные конференции, а в частности нам столь близкие и дорогие англо-русские конференции? не становятся ли они для нас по-своему «пророческими школами» сравнительного богословия и христианского откровения? Вспомним о том, что ныне стало уже для нас привычным и как бы само собою разумеющимся, наше литургическое общение. Каким огненным потоком неожиданных откровений явились для нас эти взаимные литургические касания в первые дни конференций! И в продолжении нашей работы наши богословские касания не являются ли источником новых вдохновений и — надо прямо сказать — откровений? Не возникают ли на наших глазах эти новые пророческие школы? Однако такой характер их возможен лишь при наличии одного условия: они должны быть напоены духом вдохновляющего искания и верующей любви. Для иных наше общение является сомни-

* Вариант: сколько как разумное усвоение.

тельным и даже опасным, как измена чистоте своего исповедания, им не нужны пророческие школы, они довольствуются замкнутостью схоластической школы. Но для нас, уже ощутивших воздух благодатного общения, становится насущным этот пророческий дух, который дышит, где хочет. Опыт жизни предшествует догматической формуле, он ее подготавливает. Он зовет к новому разумению вселенской истины. Он обещает не новые догматы, но их новое ведение, в котором становимся мы *иными* самих себя, оказываемся, подобно царю Саулу, в сонме пророков.

А.Н. ШУСТОВ

«Постепенно расширяя область безусловного и общеобязательного знания о поэте, мы расчищаем дорогу его посмертной судьбе».

О. Мандельштам.

ИСКАНИЯ

(1914 – 1916)

(глава из документального повествования
о матери Марии)

В своих воспоминаниях о Блоке Елизавета Юрьевна писала: «Осенью 13 года по всяким семейным соображениям надо ехать на север, но в Петербург не хочу. Если уж это неизбежно, буду жить зимой в Москве... Кстати, в Москве я никого почти не знаю». «Семейные соображения» были связаны у Кузьминой-Караваевой с рождением 18 октября 1913 г. внебрачной дочери, которую она назвала символическим именем Гаяна. Она считала, что в Москве ей удастся «отсидеться» в тишине и неизвестности, забыть шум пестрых и безалаберных петербургских встреч, забыть о Блоке.

Поэтесса сняла скромную квартиру на Дурновском переулке, 4, на Арбате, который был ее своеобразным «родовым гнездом». Здесь в свое время жили Делоне — ее дед с бабкой по материнской линии; там же неподалеку, на Воздвиженке, жил когда-то и другой предок — М.А. Дмитриев-Мамонов.

Однако намеченным ею планам не суждено было исполниться. Вскоре после приезда Елизавета Юрьевна случайно встретила на улице со своей старой знакомой, художницей С.И. Дымшиц-Толстой. Оказалось, что Толстые живут совсем рядом, на Зубовском бульваре. Пришлось заглянуть к ним в гости. И «в первый же вечер все петербургское, отвергнутое, сразу нахлы-

нуло». Толстые пригласили Елизавету Юрьевну с собой к Вяч. Иванову, который к этому времени также перебрался в Москву и организовал у себя на Смоленском бульваре салон по подобию своей петербургской «башни», — только теперь у него все стало «тише и мельче».

В душе Кузьминой-Караваевой вспыхнул острый протест против пустословия и «предательства главного», против бесцельности жизни. Ее активная бойцовская натура не могла мириться со всем этим: «еду в боевом настроении», «чувствую потребность *борьбы*», «*бой* начинается», — так она описывает эту первую встречу у Иванова и поясняет, что борьба идет... за Блока, поскольку виновными в его «гибели» она считает именно Иванова и его окружение. Блока же она представляет себе в виде «ребенка» русского народа, которого безумная мать Россия «нам на руки кинула». Столь необычное представление о Блоке, вероятно, было принятым в узком приятельском окружении поэта: не случайно же и С.М. Городецкий на своей книжке «Царевич Малыш» сделал такую дарственную надпись: «Любимому ребенку Руси Саше Блоку» (2 марта 1911 г.). Итак, Елизавета Юрьевна намерена вступить за этого «ребенка», она решает «вольнo и свободно свою душу (отдать) на его защиту». Однако, жертва ее тогда не понадобилась, никто не собирался «обижать» Блока.

В ноябре поэтесса пишет письмо Блоку в Петербург, в котором сообщает ему о рождении дочери и своем душевном смятении. Этим письмом начался второй период их общения.

Осенью 1913 г., когда Кузьмина-Караваева часто встречалась с Толстыми, С.И. Дымшиц создала в свойственной ей манере портрет поэтессы. На нем Елизавета Юрьевна изображена словно бы слушающей какого-то собеседника и в то же время глубоко погруженная в свои мысли. Художнице удалось передать не только заинтересованность и внимание, но и внутреннее напряжение и затаенную грусть в глазах своей модели. По психологической выразительности портрет

этот может быть отнесен к явным удачам Дымшиц-Толстой.*

Уже в первом письме к Блоку Кузьмина-Караваева вскользь упомянула о том, что хочет издать очередную книжку стихов. С этой целью она пытается наладить связь с издательством «Альциона» и 3 декабря пишет письмо поэту Б.А. Садовскому: «Многоуважаемый Борис Александрович, хочу напомнить о Вашем обещании познакомить меня с издателями «Альционы». Просматривая свои тетради, я пришла к заключению, что книжка вместит по крайней мере 70 стихов».** То есть по объему эта новая книга должна была стать вдвое больше «Скифских черепков», в которых было 34 стихотворения. Обращение к Садовскому было не случайно. Творчество Кузьминой-Караваевой ему было хорошо знакомо: в декабре 1912 г. он поддержал ее первую книжку.

* Портрет выполнен пастелью на бумаге, размер его 67 x 84,5 см. Хранится в Омском областном музее изобразительных искусств. Атрибутирован А.Н. Гонтаренко.

** Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).

Кузьмина-Караваева оказалась в затруднении при отборе стихов и решила обратиться за помощью и советом к Блоку, чьим мнением и чьему вкусу она безоговорочно доверяла. 19 января 1914 г. она пишет ему второе письмо, в котором говорит: «Месяц тому назад я решила издать вторую книгу стихов; тогда мне уже приходили в голову мысли попросить Вас посмотреть книгу до того, как я отдам ее в печать... Теперь я выдалась на днях с Толстым, который знает, что в своих стихах я не умею разбираться, и он мне сказал, что видел Вас, что он Вам говорил о моей второй книге, и Вы ничего не имеете против, если я Вам ее пошлю в рукописи. В книгу эту, как я ее Вам посылаю, вошла четвертая часть написанного за это время... Сегодня же посылаю Вам мои стихи и буду ждать Вашего ответа».

Если поэтесса предполагала издать книгу, включавшую около 70 стихотворений, а это составляло четверть написанного ею, то можно сказать, что 1913-й год был для нее в творческом отношении весьма плодотворным.

Круг ее московских встреч в зиму 1913-14 гг. был весьма разнообразен: только у А.Н. Толстого она встречается с К.В. и М.П. Кандауровыми (художником и балериной), начинающим армянским художником М.С. Сарьяном, поэтессой М.П. Кювилье (вскоре ставшей женой племянника Н.А. Бердяева, во втором браке — женой Р. Роллана), матерью поэта М.А. Волошина Еленой Оттобальдовной, П.Я. и Е.Я. Эфронами (деверем и золовкой М.И. Цветаевой) и многими другими. Но из всех своих современников-литераторов выше всех Кузьмина-Караваева ставила Вяч. Иванова, которому она посвятила немало слов признательности в очерке «Последние римляне» (1924): «...считаю его индивидуально наиболее крупным представителем последних римлян, значение которого, может быть, главным образом личное даже значение, а не только значение его книг, — еще недостаточно оценено. [...] с именем Вячеслава Иванова у меня ни в какой степени не связано ни малейшего отрицания. Я его принимаю целиком, очень ценю, люблю даже, — и на этом основании, говоря

именно о нем, совершенно отвожу от себя всякий упрек в стремлении кого-либо унижить и развенчать...».

Блок просмотрел рукопись, переданную ему через Толстого, довольно быстро и вернул ее автору. 15 февраля 1914 г. Елизавета Юрьевна вновь писала поэту: «Я читала Ваши заметки на полях рукописи, и за ясными и определенными словами, почти всегда техническими, я узнавала то, что заставило меня написать Вам тогда, осенью... У меня сейчас опять, — всю эту зиму, — перепутье. Поэтому мне необходимо исключительно для себя издать книгу, попытаюсь переработать ее соответственно Вашим указаниям и издам».

В то же самое время Елизавета Юрьевна обращается в умеренно-футуристическое издательство «Центрифуга». 27 февраля 1914 г. она пишет известному литератору С.П. Боброву, одному из основателей этого издательства: «Посылаю Вам и те стихи, о которых говорила; но Вы дали мне возможность свободно выбрать, что посылать, — и я этим воспользовалась».* С Бобровым Кузьмина-Караваева могла познакомиться еще в Петербурге в обществе художников «Союз молодежи», где участвовала в совместной выставке в январе 1912 г., поскольку Бобров был не только поэтом, автором книги «Виноградари под розами», но и художником.

В мае в издательстве «Центрифуга» вышел в свет первый сборник стихов и критики «Руконог», в котором наряду с произведениями самого С. Боброва (он же был и автором обложки), Б. Пастернака, Н. Асеева, Р. Ивнева и других было опубликовано три стихотворения Кузьминой-Караваевой. При отборе стихов она наверняка воспользовалась «указаниями» Блока.

1913-й и первая половина 1914 года являлись периодом повышенной активности футуризма, громких и скандальных диспутов о нем, критической брани по его адресу. Так что обращение Кузьминой-Караваевой в «Центрифугу», видимо, было не совсем случайным, оно соответствовало «духу времени».

* Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).

Но главного своего намерения поэтесса тогда все же не выполнила: книга ее стихов в свет не вышла. А сама она весной 1914 г., как обычно, уехала в Анапу, решив не возвращаться в большие города в течение нескольких лет. Е.О. Волошина сообщила сыну о том, что Кузьмина-Караваева «хочет два года пожить без людей в уединении, затем ехать в Мидию». Блоку же сама Елизавета Юрьевна написала: «...буду жить чужой жизнью, говорить о революции, о терроре». Столь резкий поворот от творчества к «революции» можно объяснить все той же раздражавшей ее интеллигентской «говорильней»; тем, что позже сама она назвала последним актом национальной трагедии — разрывом между народом и интеллигенцией.

Летом этого года на Черноморском побережье Кавказа и в Прикубанье произошло несколько стихийных бедствий: в мае от обильных дождей и града пострадал город Ейск; в июне был сильный разлив реки Кубани и ее притоков, вызванный продолжительными дождями, шедшими в горах. Такого подъема воды старожилы не припоминали: наводнение длилось более недели, затопив поля, сенокосы, жилища. Материальный ущерб был весьма значительным. В июле на Кубани установилась сильная жара: в Екатеринодаре температура достигала 40 градусов. Имелись случаи солнечного удара. Вечером 3 августа при нормальном атмосферном давлении в Анапе произошло землетрясение, длившееся одну минуту. Сотрясения почвы сопровождались сильным подземным гулом и настолько сильным толчком, что со столов падали предметы. 8 августа (в «черный день» недели — пятницу) днем было солнечное затмение, продолжавшееся два часа. Был закрыт почти весь солнечный диск, наступили светлые сумерки...

Эти природные катаклизмы рассматривались кубанцами как предвестники чего-то страшного, катастрофического. Они несколько отвлекли внимание Елизаветы Юрьевны от ее тягостных дум и надолго запомнились ей. Позже, в воспоминаниях о Блоке, она писала: «Весной 14 года, во время бури на Азовском море погрузились на дно две песчаные косы с рыбацки-

ми поселками. В это время у нас на Черноморском побережье земля стонала. [...] А летом было затмение солнца. От него осталось только пепельно-серебристое кольцо. Запылали небывалые зори, — не только на востоке и на западе, — весь горизонт загорелся зарею. Выступили на пепельно-зеленом небе бледные звезды».

Летом 1914 г. А. Толстой и С. Дымшиц гостили в Коктебеле у Волошина. В мае София Исааковна побывала у Елизаветы Юрьевны в Джемете под Анапой, а в июне туда же приезжал Толстой. Вернувшись в Коктебель, Алексей Николаевич написал рассказ «Четыре века». В этом рассказе он использовал отдельные эпизоды из жизни Кузьминой-Караваевой: «В семейной жизни у них было неладно, хотя внешне все казалось благополучным»; муж повышался по службе; дома он был «скуповат, скрытен, осторожен», завел игру в винт; Наташа (героиня рассказа), родив дочь Гаяну, «на третью зиму» разошлась с мужем... Действительно, Елизавета Юрьевна прожила с мужем — Д.В. Кузьминым-Караваевым — с зимы 1910 по весну 1913; официальный развод они оформили в самом конце 1916 г. Не совсем тактично обыгрывает Толстой в своем рассказе и редкое христианское имя, которым Елизавета Юрьевна назвала свою дочь: «Окрестили ее Гаяна, что значит Земная, имя не то адское, не то собачье».

В середине июля 1914 г. Кузьмина-Караваева на несколько дней приезжала в Коктебель, но ни Волошина, ни Толстых в это время там уже не было.

17 июля в России была объявлена мобилизация, а 19 июля Германия объявила войну России. 20 числа Николай II подписал Манифест о вступлении в войну, а 24 июля войну России объявила Австро-Венгрия. Мрачные предчувствия обрели реальные черты, началась первая мировая война.

Двоюродные сестры Кузьминой-Караваевой поступили на курсы сестер милосердия. В частности, Е.А. Чистович — «сестра милосердия военного времени» — была направлена Петроградской общиной св. Георгия в городской лазарет имени Короля Бельгийского. Брат Елизаветы Юрьевны Дмитрий, студент-юрист, весной

1914 г. был отчислен из университета «за невзнос платы» за обучение. В ноябре 1914 г. было опубликовано специальное правительственное «разъяснение» о льготах студентам, уходящим добровольцами на фронт, и Дмитрий записался в армию.

Сама Кузьмина-Караваева душой «приняла» войну, считая, что наконец-то пришла хоть и кровавая, но живительная гроза, которая разрядит затхлую атмосферу. По ее тогдашнему мнению, война — это «преддверие конца» старого мира. В туманной надежде она пишет стихи о войне:

Все горят в таинственном горниле;
Все приемлют тяжкий путь войны...
Только в сердце тайная тревога, —
Знак, что близок временам исход.
Разве нам страшны теперь утраты?
Иль боимся Божьего суда? —
Вот, — благословенны иль прокляты, —
Мы впервые шепчем: навсегда.

Многим из нас, переживших ужасы второй мировой войны, сегодня кажется по меньшей мере странным: как можно видеть в войне какой-то «очищающий» смысл. Но в сознании многих современников Кузьминой-Караваевой первая мировая война, особенно в самом ее начале, рассматривалась именно как «разрядка», с ней связывали надежды на социальные и даже политические перемены. Многие стремились тогда определить духовный смысл войны, считая, что она не только приносит «озверение» и потрясения, но является духовным испытанием и духовным судом нации. Сама поэтесса писала позже в очерке «Последние римляне»: «...в некоторых кругах русской интеллигенции остро выросло чувство какой-то мистической веры в путь войны и очищение через этот путь». Тогдашние газеты, брошюры, сборники были полны «патриотическими» идеями, прославлявшими героизм русского солдата во «Второй Отечественной» войне (в Петрограде в 1914 г. даже выходила газета «Великая Отечественная война»), а также «философским» осмыслением проис-

ходящего. Соратница Кузьминой-Караваевой по «Цеху поэтов» поэтесса М.Л. Моравская писала:

Быть может, это будет последняя война?
Всю злобу мировую вытравит до дна,
И порешит вражду, и разрешит все узы,
Всю землю примирит, весь мир обезоружит,
Все горе мировое высушит до дна
Последняя, великая, всемирная война!

Не только поэтическая молодежь, но и умудренный жизненным опытом В.Я. Брюсов также считал тогда, что «По пажитям Европы древней / Идет последняя война». Однако, полного единогласия в оценке войны, конечно же, не было, — даже в лагере разрушителей-футуристов. Если И. Северянин стоял на ура-патриотических позициях и сочинил «Благословение войне», то Вл. Маяковский громко проклинал войну.

Уже начало 1914 г. ознаменовалось в России правительственным рескриптом о сокращении злоупотребления спиртными напитками и борьбе с пьянством. С началом войны запрещение продажи спирта, вина и водочных изделий «для местного потребления в империи» продлевалось впредь до окончания военного времени, которое ожидалось достаточно быстро. Различные слои русского общества восприняли эти постановления как призыв к «утверждению начал трезвости в народной жизни» и всячески поддерживали правительственные циркуляры.

Однако, мероприятия, направленные на борьбу с алкоголизмом, естественно затронули хозяйственные интересы винодельческих хозяйств юга России, в том числе и Кубанской области. Многие виноделы пытались доказать, что виноградные вина не относятся к крепким алкогольным напиткам, что их следует приравнять к «гигиеническим напиткам» и пищевым продуктам, приносящим несомненную медицинскую пользу организму. Проблема оказалась весьма острой, — она несла убытки и разорение не только владельцам виноградников, но и рабочим, поскольку по своему хозяйственному

значению виноградарство для многих районов было равно полеводству. Страдали и виноделы Анапы, но, используя традиционные связи, они изыскивали пути для поставки своих вин в крупнейшие рестораны Петрограда, Москвы, Киева, Одессы и других городов.

18 сентября 1914 г. было опубликовано следующее объявление полицмейстера Анапы: «На основании обязательного постановления о торговле виноградным вином отпуск такового разрешается только из ренсковых погребов (винных подвалов. — *А. Ш.*) не распивочно, а исключительно на вынос в бутылках, запечатанных с этикетками и капсулами или бандеролями склада или винодельческого заведения. Продажа же вина садовладельцами в развоз и разнос без соблюдения вышеуказанных требований не разрешается; равным образом и хранение такового вне места выделки, т.е. не в садовом участке, строго запрещается».

Все это должно было прямо коснуться и Кузьминой-Караваевой — ведь основным (если не единственным) источником ее дохода в то время были именно доходы с доставшихся ей по наследству от деда и отца виноградников. Но похоже, что экономические проблемы в этот период ее мало волновали; она почти не принимала участия в хозяйственно-экономической деятельности, во многом положившись на тетку Е.Д.Цейдлер и двоюродного дядю В.И. Пиленко, — известных анапских агрономов-виноделов.

«Мучительной» осенью первого военного года Елизавета Юрьевна с матерью, С.Б. Пиленко, и дочерью Гаяной уехала из Анапы в Петроград. Свой первоначальный план — пожить вдали от столиц — она скорректировала, поставив перед собой новую четкую «программу»: «надо по своим путям в одиночку идти»; «учиться жить в норе, со старыми знакомыми по возможности не встречаться». Никаких связей с Блоком она поддерживать не собиралась. Во всяком случае стремилась убедить в этом саму себя.

Но чувство любви к поэту оказалось гораздо сильнее, чем она думала, и в первый же день (25 октября 1914 г.), даже не оправившись как следует после

дальней дороги, она уже пошла к нему на Офицерскую улицу. При первой же встрече она повела с Блоком беседу о том, что «надо сейчас всей России, в войне, в труде и в молчании искать своего Христа и в нем себя найти». И вновь разговор о самом Блоке, о его пути, о боли за него.

На следующий день — новая встреча с Блоком... Так начался третий этап их общения, «пик» которого приходится на зиму 1914–15 годов. В этот период они встречаются очень часто, разговаривают по телефону, но по существу это был «единый разговор, единая встреча, прерванная случайными внешними часами пребывания дома для сна, пищи, отдыха».

Блок не разделял любви Кузьминой-Караваевой. Временами он просто «уставал» от разговоров с ней и старался тактично уклониться от общения. Но он все же вел с ней продолжительные беседы «о пути», «о сроке». Жизненные и поэтические пути Елизаветы Юрьевны и Блока расходились все дальше, но что-то еще удерживало их до поры до времени от разрыва, и они продолжали свои не всегда легкие общения. Можно согласиться с мнением известного специалиста по русскому серебряному веку Д.Е. Максимова: общим у них было то, что поэтесса, подобно Блоку, «несла в себе острое чувство кризиса и надвигающейся катастрофы»; она «услышала в поэзии Блока нужные и близкие ей слова о «страшном мире» и не могла их забыть. Так же, как и Блок, она была полна бунтарским духом и сочувствовала революционному движению эпохи». Блока и Кузьмину-Караваеву роднило ощущение «вины перед народом».

В этот период у Елизаветы Юрьевны укрепляется острое чувство жертвенности во имя любимого человека. Это чувство являлось нравственной основой характера поэтессы. В середине 1910-х годов она работала над большой поэмой о Мельмоте. Тема эта была навеяна чтением романа английского писателя Ч.Р. Метьюрина «Мельмот скиталец».

Повышенный интерес русской публики к английскому роману (он был издан на русском языке в 1894 г.)

объяснялся не только занимательностью и запутанностью сюжета, но в первую очередь тем, что в нем во главу угла ставились нравственно-этические проблемы о добре и зле, любви и ненависти, смерти и бессмертии; об искупительной жертве. Все эти проблемы остро волновали русское общество начала XX века. В период расцвета декаданса тема «Мельмота» слилась с другими, религиозно-мистическими темами: рока, судьбы, неминуемой гибели.

Уже в первый свой поэтический сборник «Скифские черепки» Кузьмина-Караваева включила две небольших миниатюры: «Песнь» героини романа Иммали и ее своеобразный «монолог».

Можно без преувеличения сказать, что поэма о Мельмоте, над которой Елизавета Юрьевна работала в 1914–15 годах, является не только самым пространным, но и самым сложным из ее известных поэтических произведений, имеющим к тому же глубинные связи со многими произведениями мировой литературы на аналогичные темы. Поэма состоит из четырех глав-песен и композиционно делится на две части: жизнь героини до встречи со Скитальцем и после нее. Поэма во многом автобиографична.

Особенно остро звучит трагическая тема обреченности человека, который ищет того, кто бы взял на себя его муки. Мельмот, прежде чем прилететь к Иммали, обращался ко многим, пытаясь найти «заместителя» своей судьбы, но, несмотря на то, что в мире «боли много, скорби много», он не добился успеха:

Неужели на земле неплодной
Средь усталости и нищеты,
Среди тленья, тленья и тщеты
Все спокойны духом и святы,
В выборе дорог своих свободны?

Мельмот, прилетая к Иммали, просит ее обменяться с ним душами. Девушка готова отдать изгнаннику все — даже жизнь, но не душу: душа принадлежит Богу, а не дьяволу. Отвергнутая Иммали становится кем-то вроде настоятельницы общины или монастыря.

Она уединенно живет в своем «белом доме» у отрогов гор и стережет людской покой. Но и в эту обитель прилетел Мельмот. «Владычица» Иммали просит его успокоиться, прекратить свои вековые скитания, а Мельмот вновь умоляет ее обменяться душами. Владычица советует ему повиниться перед Богом, вернуть Ему свою судьбу. Но Мельмот не в силах сделать это. И тогда ради любви, ради спасения любимого существа Иммали Владычица берет грех Мельмота на себя, ибо только таким образом можно избавить его от адского огня:

Мне блага не надо;
Я согласна нести твой грех.
Благословенна отрада
Пасть за любовь ниже всех.
В любви мне сияет награда.

Эти плечи слабые мои несут
Всю судьбу твою чрез скрежет и пожары
В край, где завершится суд.

Позже поэтесса вернулась к той же теме в пьесе-мистерии «Анна»:

За душу душу дам в обмен, —
Приму навеки вражий плен,
Спасу тебя, себя губя.

Несмотря на протесты архангела Михаила, Владычица обменивается судьбой с Мельмотом, и тот тихо и счастливо умирает.

Иммали продолжала жить в «белом доме». Она постарела, но ничего не просила и не ждала от жизни, а только заботилась и молилась об усталых. Время текло незаметно. Но подошел срок и ее кончины. Душа Владычицы сироту стучалась у райских дверей, пока не предстала наконец перед небесным судом. Но торжество дьявола было преждевременным. Ведь Владычица отдала свою душу даром, а не ради богатства и власти. Она так и объяснила на суде, что поддалась просьбе Мельмота во имя Бога:

Он так тогда устал,
А Ты мне силу дал,
И я могла нести спокойно бремя кары.
Пусть отдыхает он...
Уходит на покой
Усталый путник мой, —
И кару за него приму я без боязни.
В любви моя награда!

Чаша греха оказалась перевешенной чашей добра, победила любовь и великая жалость. Небесный суд оправдал Иммали-Владычицу. Елизавета Юрьевна не раз еще возвратится к этой теме, опираясь на слова Христа: «...потерявший душу свою ради Меня сбережет ее» (Матф. 11. 28).

Образ Иммали-Владычицы автобиографичен. Поэма о Мельмоте — это отголосок безответной любви поэтессы к Блоку, который ассоциировался у нее с Мельмотом не только своим «демонизмом», но и тем, что он, подобно Мельмоту, вкусил от древа познания. По мнению поэтессы, он много (может быть, даже всё!) знает. Не случайно она считала его «символом» всей России.

В поэме намечен и тот путь, который Елизавета Юрьевна пыталась предложить Блоку. Подобно героине английского романа, она считала, что религия должна быть системой, дух которой заключается во всеобщей любви. Такую систему любви к ближнему, построенную на евангельской заповеди, на идее соборности, духовного братства, она неустанно осуществляла позже в течение всей своей нелегкой эмигрантской жизни. В свою «общину», в «белый дом», она стремилась привлечь и Блока: «Я знаю, что Вы будете в доме; я верю, что Вы этого захотите» (письмо от 10 июля 1916).

Елизавета Юрьевна ошиблась — Блок этого не захотел. Он не желал никакого стеснения своей свободы: ни личной, ни творческой: «Я рабства не люблю» (стихотв. «В дюнах»). Пути, предлагаемые Кузьминой-Караваевой, были абсолютно чужды художественно-утонченной натуре Блока. В этом одна из главных причин «утомленности» Блока и разрыва их отношений.

Вероятно, и самой поэтессе тогда еще не совсем ясен был путь, который она стремилась выбрать для себя и предложить другим. Поэма о Мельмоте осталась у нее технически недоработанной и, если не считать небольшого отрывка в «Руконоге», не была опубликована при жизни автора, — она увидела свет лишь в 1987 г.

Осенью 1914 года Елизавета Юрьевна понесла очередную утрату: 8 ноября скончался муж ее родной тетки академик-архитектор В.П. Цейдлер. Цейдлер построил много зданий в Петербурге и других городах по собственным проектам. Его последняя постройка — корпус Высших женских курсов на Васильевском острове, которому не суждено было служить по прямому назначению — в связи с начавшейся войной он был передан под госпиталь для тяжелораненых воинов. Похороны Цейдлера состоялись 11 ноября на Новодевичьем кладбище в Петрограде. Это кладбище являлось своеобразным семейным пантеоном поэтессы. На нем были похоронены: ее «бабушка» (крестная мать) А.Я. Яфимович рядом с мужем — генералом В.М. Яфимовичем, дядя А.Я. Чистович и теперь вот — В.П. Цейдлер, ее учитель и наставник в художественном образовании.

Война принимала все более затяжной и кровавый характер. Она не оправдала надежд на социальные перемены. Более того, все противоречия в военное время резко обострились. Елизавета Юрьевна, подобно многим своим современникам, обращает свои взоры к религии, надеясь через веру, через христианские заповеди добиться изменения человеческих отношений. Ее мать С.Б. Пиленко приводит такие слова поэтессы. «Покупаю толстую, свинцовую трубку, довольно тяжелую. Расплющиваю ее молотком. Ношу под платьем, как пояс. Все это, чтобы стяжать Христа, вынудить его открыться, помочь, нет, просто дать знать, что Он есть. И в Четьих-Минях, в свинцовой трубке, в упорных, жарких и бесплодных молитвах на холодном полу, — мое военное дело.. Это для чего-то нужно, для войны, для России, для народа моего любимого... Для народа нужен только Христос, — я это знаю».

Одновременно с работой над «Мельмотом» Кузьмина-Караваева писала книгу, которую выпустила в свет весной 1915 г. Это — философская повесть «Юрали», названная по имени главного героя.

Само имя Юрали этимологически достаточно сложно и многозначно. По всей вероятности, оно образовано автором по тюрко-язычной модели от русского имени Юрий и распространенного у мусульман имени Али (Возвышенный, Мудрый): Юрали = Юрий + Али. Имя Юрий было очень дорого Елизавете Юрьевне как память о любимом отце.* В своей изначальной форме Юрий = Егорий = Георгий в переводе с греческого означает Земледелец. Постоянная тяга Елизаветы Юрьевны к земле известна — ведь и дочь ее тоже была Гаяна = Земная. Кроме того, имя Юрий импонировало ей еще одним своим скрытым значением: в прибалтийских языках (а она была родом из Латвии и жила там свои первые четыре года) оно означает «море». Море Кузьмина-Караваева очень любила... Позже она назвала Юрием своего сына, используя затем его имя и отчество для своего литературного псевдонима — «Юрий Данилов».

Создавая образ Юрали, Елизавета Юрьевна заимствовала у мусульман-шиитов (она общалась с ними, живя в Анапе) не только имя, но и саму идею появления нового пророка, учителя мудрости. Согласно мусульманскому учению, где-то существует таинственно исчезнувший, сокрытый от людей некий имам (духовный глава), которому предстоит объявиться на Земле в роли махди (мессии). Однако в целом Юрали предстает перед читателем не мусульманским, а христианизированным проповедником.

* Вскоре после смерти мужа С.Б. Пиленко через Темрюкский крестьянский банк часть принадлежавших ей земель продала переселенцам с Украины, которые по соседству с селом Пиленковым (названо в честь деда поэтессы — генерала Д.В. Пиленко) в 35 километрах от Анапы основали новое селение и по просьбе Софии Борисовны в честь ее мужа называли Юровкой. Долгое время оба селения жили самостоятельной жизнью, а затем слились в одно с общим названием — Юровка. Западную часть Юровки еще и сегодня старики зовут Пиленковкой.

Повесть написана ритмической прозой, она состоит из многих аллегорий и притч. Главный герой ее — певец, сказочник, мудрец, новый учитель-проповедник. Искания его противоречивы и непоследовательны, он во многом полагается на судьбу, на предопределение. Характерно, что в один из периодов жизни своего героя Елизавета Юрьевна «поселила» его в монастырь.

Монастырская тема в русской поэзии 1910-х годов была довольно распространенной. Авторы трактовали ее по-разному. Для одних поэтов — это был желанный уход от действительности:

...убиваю гордый ум
Тупой и ласковой смирностью.
.....
Живу без мысли и без боли я,
Без упований и скорбей,
В одной блаженности — безволия.

(З.Н. Гиппиус)

Другие поэты, напротив, показывали бунтарский дух, не смирившийся под рясой монаха. Молодой инок, герой одной из поэм, упрекает Бога:

О, Боже! Как Ты равнодушен
К Земле, несущейся в крови!

На попытки старца смирить подобные мысли, юноша отвечает:

Нет, мук Земли не оправдает
Твой мудрый, но жестокий Бог.

(Т. Львов)

Кузьминой-Караваевой было неприемлемо пассивное кредо поэтов, подобных З. Гиппиус. Ее Юрали — добр по натуре: он «расточал душу свою всем», «расколол сердце свое на куски, ... растопил любовь свою» на многих грешников. За это он получил упрек от старого монаха: «Кто хочет быть свободным и справедливым, должен выжечь из души своей любовь... Только суровая справедливость должна владеть» помыслами. Во имя этой справедливости, а не любви, и заступился старый монах за людей перед судьями. Но Юрали, как

и автор, считал совершенно иначе: где нет любви, там нет и жизни, ибо «призваны люди любить и лелеять жизнь». Так по своим убеждениям Юрали невольно оказался нарушителем устава и был вынужден покинуть обитель.

По справедливой оценке Д.Е. Максимова, «Юрали» — это повесть, в которой «искания преобладают над решениями». В тяжелые военные годы молодая писательница устами своего героя дала клятвенное обещание: «Отныне я буду нести и грех, и покаяние, потому что сильны плечи мои и не согнутся под мукой этой». Вспомним, что и героиня ее поэмы Иммали также брала всю судьбу мира на свои «плечи слабые».

Вскоре после выхода в свет повести Елизавета Юрьевна, как обычно, уехала в Анапу. Но книга эта была очень дорога ей, и 1 июня 1915 г. она пишет в Петроград историку И.С. Книжнику-Ветрову: «Как мой Юрали принят у Вас? Думала начать большую новую вещь: мне казалось, что она в большой степени поправит юралины недостатки. А получается скверно: вроде какого-то романа для юношества. Думаю, что это происходит потому, что каждый пишущий должен проникаться не только теоретически идеями своего труда, но и подчинить им жизнь. [...] Юрали был тесно связан с моею жизнью; а то, что теперь пишу — так трудно выполнимо. Можно даже сказать парадокс: гораздо легче создать что-нибудь и проникнуться этим, чем подчинить себя чужому, даже такому, что теоретически принято».*

Это письмо является редчайшим документальным свидетельством, раскрывающим творческое кредо писательницы. С одной стороны она — теоретик, философ (по образованию), рационалист, а с другой — художник, чувствующий глубоко и сильно. Те ее произведения, которые «пропущены» через сердце, поразительны своей высокой духовностью и душевной обнаженностью. Те же, что «прошли» только через разум, суховаты

* Российская национальная библиотека, бывшая Публичная, архив Дома Плеханова (С.-Петербург).

и дидактичны, они именно — сочинены. В дальнейшем мы еще убедимся в этом.

Пока еще не известно произведение, о котором Кузьмина-Караваева сообщала в письме Книжнику. Но по всей вероятности, это были лишь наброски, не удовлетворившие автора, и безвозвратно погибшие в бурной пучине лет.

Обращает на себя внимание следующая фраза из того же письма Елизаветы Юрьевны Книжнику-Ветрову: «Вот продолжаю я заниматься своими академическими учениями и так ясно чувствую, что это самое главное из того, что надо делать». Дело в том, что именно в этот период Кузьмина-Караваева решила углубить свое образование путем изучения специальных богословских предметов. Естественно, о поступлении ее в Духовную Академию, как сугубо мужское закрытое учебное заведение, не могло быть и речи. И тогда она берется за обучение самостоятельно, после чего осенью экстерном сдает экзамены профессорам Академии. Экзамены она, судя по всему, сдала успешно — лишь один из преподавателей отказал ей в испытании, приняв ее за «террористку». Случай этот во всей истории русского духовного образования беспрецедентный. Однако, следует помнить, что еще в 1912 г. Синод принял решение об открытии высшего женского Богословского института. Таким образом, экстернат Кузьминой-Караваевой был весьма своевременным.

Разойдясь с Д.В. Кузьминым-Караваевым, Елизавета Юрьевна мечтала о встрече с идеалом своей юности «лейтенантом Гланом». Еще в ноябре 1913 г. она писала Блоку: «...снова человека полюбила, и полюбила по-настоящему. (Я сейчас с дочерью в Москве), а потом буду с ее отцом жить».

Очевидно, Кузьминой-Караваевой виделось в образе крайнего индивидуалиста Томаса Глана из романа К. Гамсуна «Пан» нечто мельмотическое. Роман этот в начале века был чрезвычайно популярен в России. И хотя, по словам Блока, образ Глана нереален, поскольку Гамсун «не воплотил героя», многие русские женщины влюбились в него и даже специально ездили в Норве-

гию, чтобы повидаться с автором; его засыпали письмами, фотографиями, засушенными цветами. В противовес Главу, героиня романа Эдварда — независимая и цельная натура, чистая от природы и совершенно не испорченная цивилизацией. Она тщетно ожидает того, «кто должен прийти и взять ее, увезти ее отсюда, властвовать над ее телом и душой». Иммали из поэмы Кузьминой-Караваевой о Мельмоте во многом напоминает Эдварду.

Аналогичное душевное состояние испытывала и сама Елизавета Юрьевна. В романе Гамсуна она находила отклик своей судьбы: возлюбленная Глава также жила на берегу моря в «белом доме». Интересные сведения приводит Ю.Я. Эйгер (Мошковская), одноклассница Елизаветы Юрьевны, со слов другой их гимназической подруги — А.А. Афанасьевой, посетившей летом 1915 г. в Анапе Кузьмину-Караваеву: она «полюбила простого человека, охотника, гамсуновского капитана (так у автора. — А.Ш.) Главу». Но любовь эта быстро прошла, не затронув глубоко сердца Елизаветы Юрьевны, которое было занято лишь одним избранником — Блоком.

Осенью 1915 г. поэтесса по обыкновению приехала в Петроград. С каждым приездом она замечала, как изменялась столица: жизнь становилась дороже, появились продовольственные карточки; художественная деятельность затихала, «мелела»; во всем ощущалось напряжение — ведь за полтора военных года только людские потери России составили свыше трех миллионов человек.

Теперь Кузьмина-Караваева решает наконец издать свой второй поэтический сборник. В апреле 1916 г. вышла книжка ее стихов «Руфь» (97 стихотворений, обложка работы автора). В нее наверняка вошло что-то из написанного ранее, еще в 1913–14 годах, и прошедшее «редактуру» Блока, но появились и новые стихи, например, цикл «Война».

«Руфь» гораздо более зрелая и стройная книга по сравнению со «Скифскими черепками». В то же время, — это, пожалуй, и самый трудный для понимания сборник Кузьминой-Караваевой. Некоторые литературо-

веды считают, что в этом сборнике автор выступает уже как вполне сложившийся христианский, религиозный поэт. Иные высказываются более осторожно: это — сборник, в котором помещены стихотворения на религиозные темы... Нам представляется, что несмотря на наличие в книге стихотворений религиозного содержания, она все же религиозной в полном смысле этого слова не является. Автор ее пока еще находится на распутье, ищет свой путь к Богу. Не следует забывать об особой склонности Елизаветы Юрьевны в этот период не только к религии или религиозной философии, но и к философии вообще, что и нашло свое отражение в книге «Руфь».

Как писал в свое время (в 1916 г.) историк русской литературы С.А. Венгеров, в тяжелые 1910-е годы «многие подходили к религиозным темам со стороны историко-культурной, эстетической, археологической». Не избежала этого и Елизавета Юрьевна. На наш взгляд, можно согласиться с общей оценкой книги, данной петербургским искусствоведом А.С. Сытовой: это — «размышление о своем месте в жизни, о предопределенности выбранного пути, религиозная устремленность сочетается в этом сборнике с утверждением радости земного труда и бытия. Душевная энергия, страстная любовь к жизни, к людям прорывается в стихах «Руфи» с особенной силой. Это своеобразное выражение жизненного и философского кредо поэтессы: отдавать всю себя людям, нести на своих плечах бремя мук человеческих, переживать их как свою собственную боль».

Но почему именно «Руфь»? Трудно принимать за программное стихотворение, открывающее весь сборник. Оно не связано тематически с другими стихами и не объясняет названия книги. Из авторского предисловия этого также не следует. Своим построением, делением на циклы с собирательными заголовками «Руфь» напоминает книги С.М. Городецкого «Ива» (1913) и «Цветущий посох» (1914).

В начале XX века библейская книга «Руфь», в которой раскрывается человеколюбивый характер простой

женщины, расценивалась как «одно из благоуханнейших созданий семитического гения... Вот степень привязанности, которой не знают филантропы; но, однако, к кому же привязанность — к свекрови — старухе? Конечно, нет, но к памяти мужа, и по ней — к этой ненужной старухе, его матери» (В.В. Розанов, 1901). Руфь — поэтический образ Библии — всегда привлекала поэтов. Связь между библейской книгой и сборником Кузьминой-Караваевой нужно искать через красоту слова и образа. Как память о прошлом, как книгу настроений следует рассматривать сборник Елизаветы Юрьевны. Стихи этого сборника не имеют датировок (что является одним из характерных свойств творческого метода поэтессы), многие из них могли бы быть помечены не серединой десятих, а тридцатыми годами.

Открывающее книгу заглавное стихотворение — это память поэтессы о любимом юге, о родном доме:

И ушла через синий туман
Далеко от равнины Вооза;
И идет среди неведомых стран,
Завернувшись в платок от мороза.

В стихотворении говорится о безвозмездной, подвижнической работе по сбору опавших колосьев, не попавших в снопы. Но его можно рассматривать и шире — как аллегорию о спасении всех отпавших и заблудших; ведь само имя Руфь означает «подруга», «помощница», «благодетельница». Напомним также, что библейская Руфь, ставшая женой Вооза, осталась с ним в Вифлееме, а героиня стихотворения Кузьминой-Караваевой, как видим, ушла от него.

Основной мотив многих стихотворений «Руфи» — разочарование в жизни, безнадежность, усталость:

На пыльной земле все то же,
И я скитаюсь опять.
Вы не стали ни лучше, ни строже,
Но мне вас уже не понять.
Мой корабль озаряли дали,
И ближе казался срок;
Но паруса опали,
И не пылает восток.

И здесь, среди пыли дорожной,
Людей узнавая с трудом,
Мечусь я мечтою тревожной,
Ищу мой заброшенный дом.

Мои корабли все уплыли,
Далек огневеющий срок;
Усталая, жду я средь пыли
Земных, бесконечных дорог.

В своих стихах Елизавета Юрьевна создает подлинный гимн Земле:

Земные дети плоть от плоти,
Поток земных, единых сил,
Мы спали с ней в ее дремоте;
Земной нас голос разбудил.
Питая всех деревьев корни,
Лелея зерна средь полей,
О, мать, ты солнца чудотворней,
И звезд пылающих мудрей.

Поэтесса сознает себя частицей этой единой земной жизни:

...куда тропа земная
Не вела б меня теперь, —
Я сынам земным родная,
Брат мне — каждый дикий зверь.
В небо чуждое не манит
Путь к пылающей звезде:
Здесь зерно звездою канет
В каждой взрытой борозде.
И земля, — но не планета,
А земной единый мир, —
В синий плащ небес одета,
Будет править долгий пир.

Поистине, это был один из самых «земнолюбивых» русских поэтов, что вскоре отметил и С. Городецкий.

В отдельных стихах «Руфи» звучит на первый взгляд весьма странная тема:

Где ты, родина-мать, затерялась?
Ни в одной не сказали избе,
Как ждала ты меня, не дождалась,
И вручила с молитвой судьбе...

Чужой мне снова будет горек хлеб,
Не утолит вода чужая жажды...

Эти строки кажутся написанными гораздо позже, в 1930-е годы, когда поэтесса жила на чужбине. На самом деле речь здесь идет о середине 1910-х годов, об отрыве от народа, от родных корней. Об этом Елизавета Юрьевна писала и спустя двадцать лет в воспоминаниях о Блоке.

В «Руфи» Елизавета Юрьевна поместила стихотворение, посвященное Блоку. Она вспоминала позже об одной (фактически последней) его просьбе, относящейся к их весенней (1916 г.) встрече: «Я хотел бы знать, что часто, часто, почти каждый день вы проходите внизу под моими окнами. Только знать, что кто-то меня караулит, ограждает. Пройдете, взглянете наверх. Это все». Как ответ на эту просьбу, родились ее стихи:

Смотрю на высокие стёкла,
А постучаться нельзя;
Как ты замерла и поблёкла,
Земля и земная стезя.
Над западом черные краны
И дока чуть видная пасть;
Покрыла незримые страны
Крестом вознесенная снасть.
На улицах бегают дети,
И город сегодня шумлив,
И близок в алеющем свете
Балтийского моря залив.
Не жду ничего я сегодня...

Фактически это — вид из окон кабинета Блока. Слова о близости моря навеяны самим Блоком, который, выбирая квартиру на Офицерской улице, радовался именно близости моря, а не его виду, поскольку оно было закрыто домами и из окон его квартиры не просматривалось.

«Руфь» — книга мучительных раздумий и мрачных предчувствий приближающегося конца, — эсхатологические настроения в обществе были усилены затянувшейся войной. Во многих строках ее звучит тема обреченности: «Мы все полны святой тревоги», «Близится

звонящий миг», «Настанет час последний», «Близок белый слепительный срок», «Последние сроки горят», «Надеяться сердце устало», «Близок наших дней исход», «Духом приготовимся к исходу», «Мой дух к мучению готов»... Только вера в «вечный путь», в причастность чуду еще дает силы держаться:

Брат, верь: язык Святого Духа
Огнем прорежет вечный мрак.

Лишь Святой Дух, как ипостась Божественной Троицы и как высокое устремление к трансцендентному, может дать человеку возможность подняться над вечным мраком, поэтому у нее так часто можно встретить обращения к Святому Духу. Позже она «посвятила» Ему отдельные произведения: «Жатва Духа» и «Духов День».

Сама по себе структура книги уже говорит о попытке автора выделить в ней циклы стихов религиозного содержания: «Исход», «Вестники», «Последние дни». Но, естественно, духовная тема не ограничивается лишь рамками этих циклов. Есть в «Руфи» и молитвенно-покорные обращения к Богу, но не они определяют ее общий внутренний фон.

Обращаясь к Богу в предисловии к «Руфи», поэтесса говорит о своем духовном прозрении: «...не ослепляй взора моего, который прозрел по Твоей воле». В то же время четко определить свою религиозность в то время она и сама, видимо, не умела, не случайно в июльском (1916 г.) письме к Блоку она оговорила: «Еще весной Вам показалось, что у меня есть только какая-то неопределенная (! — А.Ш.) вера». И далее: «...в церковности Вы, я — пассивны». Во всяком случае в душе ее происходила какая-то мучительная перестройка. Весной она пытается сочетать «В один и тот же Божий час / Дорогу, что приводит к раю, / И жизнь, что длится только раз» («Руфь»). Осенью ту же мысль она высказала в письме к Блоку: «Наступает сочетание, дающее полную уверенность в вере и полную жизнь».

20 апреля 1916 г. Елизавета Юрьевна подарила экземпляр «Руфи» Блоку с характерной для нее надписью: «Если бы этот язык мог стать совсем понятным

для Вас — я была бы обрадована». Это была одна из последних безуспешных попыток поэтессы наставить Блока на свой духовный путь.

Несмотря на то, что «Руфь» была разослана для отзывов в редакции многих журналов,* откликов на нее не последовало. С выпуском своего сборника Елизавета Юрьевна опоздала на несколько лет. В 1916 году уже требовались книги иного содержания, иного общественного звучания, что хорошо ощущал, например, Маяковский, писавший в то время свою «Войну и мир». Лишь один Городецкий, старый знакомец поэтессы, отозвался об этой книге летом 1917 г. из далекого Тифлиса: «В плеяде поэтов, выдвинутых петроградским «Цехом поэтов», Е. Кузьмина-Караваева занимает не последнее место... Принципы коллективной поэтической школы, господствовавшие в «Цехе», пошли на пользу и создали еще одного поэта», — пишет он и продолжает: «После книги «Руфь» о Кузьминой-Караваевой можно говорить как о вполне определившемся работнике на черноземе поэзии. Именно слово «чернозем» вспоминается, когда читаешь ее стихи. Она вся близка земле, природе, глубоким и темным ее силам... Нельзя сказать, чтобы книга «Руфь» была легка для чтения. В ее образах много бывает стихийной грузности, земной тяги. Пытливая мысль часто идет путями извилистыми и дальними. Любители «легкого» чтения, иначе говоря книгоглотатели, не берите этой книги. Но все, кого беспокоит, тревожит и волнует психическая жизнь современной женщины, заблудившейся в противоречиях между свободным чувством и лицемерным бытом, все, для кого жизнь человеческая не кончается с последним ударом молотка в последний гвоздь, забиваемый в крышку гроба, найдут в стихах «Руфи» немало откликов и отзвуков на свои думы».**

* Характерно, что в 1916 г., в разгар «военного патриотизма», слово «Руфь» не воспринималось даже наборщиками: в некоторых изданиях в библиографических отделах вместо «Руфь» было ошибочно напечатано «Русь».

** «Кавказское слово», 21 июля 1917.

Эта оценка, пожалуй, наиболее объективная и глубокая, хотя Городецкий и подчеркнул лишь одну (самую заветную зато!) — «земную» сторону книги.

Летом 1916 г. Кузьмина-Караваева по обыкновению жила в Анапе.

Летние месяцы 1916 г. ознаменовались успехами на юго-западном фронте: русские войска под командованием генерала А.А. Брусилова осуществили разгром австро-германских армий и прорыв в Восточной Галиции. Однако в целом это не изменило положения на русско-германском фронте. Для коренных изменений требовались новые ресурсы, в том числе и людские. 7 июля 1916 г. был подписан высочайший указ о призыве в действующую армию ратников ополчения I и II разрядов. Первым днем призыва было установлено 15 июля. Согласно этому указу, на военную службу призывался и Блок. И хотя спустя неделю было обнародовано «высочайшее соизволение» о переносе срока призыва на 15 августа, Блока успели призвать и вскоре он выехал в расположение своей части в Белоруссию. О призыве ратников Елизавета Юрьевна узнала из газет и тотчас же написала Блоку в Петроград: «Мне кажется, что могла бы воскресить Вас, если бы Вы умерли, всю свою жизнь в Вас перелить легко»; «Поймите, что я давно жду Вас, что я всегда готова»; «Я чуть было не решила сейчас уехать из Дженета разыскивать Вас».

Свою связанность с Блоком Кузьмина-Караваева сравнивала с «братованием», с «орденом», считая, что он еще может откликнуться. И вновь, как в поэме о Мельмоте, у нее возникает образ «белого дома», где живет некая «женщина», напоминающая одновременно и мать-игуменью, и проповедницу. Она подбирает «указанных ей» и приводит в свой «дом» (монастырь?). «В белом доме они получают *всю* силу *всех*». Это была впервые достаточно четко высказанная ею идея соборности, которую в дальнейшем Елизавета Юрьевна последовательно развивала в своих сочинениях и осуществляла в практической деятельности.

Блок откликнулся коротким письмом: «Я теперь табельщик 13-й дружины земско-городского союза. На

войне оказалось только скучно. О Георгии и Надежде, — скоро кончится их искание. Какой ад напряженья».

Кузьмина-Караваева быстро ответила письмом от 26 июля, в котором вновь высказала все свои чувства к поэту. Составной частью письма являлось стихотворение:

Увидишь ты не на войне,
Не в бранном, пламенном восторге,
Как мчится в латах на коне
Великомученик Георгий...
Пусть длится напряженья ад...
Нет славного пути назад
Тому, кто зван для битвы чудной...

Интересно отметить, что письма к Блоку, написанные Кузьминой-Караваевой в 1916 г. из Джемета, — ее имения под Анапой — имеют адресную пометку «Дженет». *Дженетом* в Коране называется рай. Очевидно, свой «белый дом» вдали от столичной суеты на берегу Черного моря она считала «раем», местом душевного уединения и отдохновения. Вспомним, ведь и Петр Великий называл свой новорожденный Петербург парадизом — раем.

Июль-август 1916 г. — это последний всплеск ее лирической эпистолярной «экзальтации». В последующих письмах этого года Елизавета Юрьевна пишет Блоку не только о своей любви, но и сообщает ему о некоторых обязанностях своей «земной» жизни, которые она выполняет механически: «И виноделие мое сейчас, где я занята с 6-ти утра до 1 часу ночи, — все нарочно» (27 августа); «И жизнь впустую идет; и эти жизненные ценности, — побрякушки какие-то» (14 октября); «...идут какие-то нелепые дела: закладываю имение, покупаю мельницу и кручусь, кручусь без конца. Всего нелепее, что вся эта чепуха называется словом «жить» (22 ноября). Реального смысла в такой жизни портесса не видит, она находится в глубокой душевной депрессии.

Если в «Руфи» она подчеркивала свою «земность», глубинную связь с землей, то в письмах, как видим,

звучит тема неприятия реальной повседневной жизни. Объяснить это противоречие можно, пожалуй, опираясь на мнение Н.А. Бердяева. В «Самопознании» он как раз раскрывает смысл слова «жизнь»: «То, что называют «жизнью», часто лишь обыденность, состоящая из забот», поэтому она полна тоски и скуки. Выше такой «жизни» философ считает «творчество», которое является «прорывом и взлетом из мглы быта к трансцендентному» (высшему, потустороннему). Елизавета Юрьевна как раз и была в этот период вся в *творческом* порыве. При этом творчество не следует понимать лишь в узком литературно-художественном смысле. Любовь — это ведь тоже творчество. Творчество души!

В целом, однако, «бытовой пессимизм» не мог быть подлинным, точнее — длительным состоянием Кузьминой-Караваевой. Это выходило за рамки ее натуры. Позже сама она подытожила так:

Господь мой, я жизнь принимала,
Любовно и жарко жила.

Осенью 1916 г. к Елизавете Юрьевне в Анапу приехал из действующей армии на побывку ее брат Дмитрий. Он воевал где-то на Западном фронте. Зимой 1914-15 гг. Дмитрий участвовал в кровопролитных изнуряющих боях на реке Бзуре в Польше: атаки немцев на русские позиции были почти непрерывными, с применением отравляющих газов. Противник потерял тогда десятки тысяч своих солдат, но ни на шаг не приблизился к Варшаве. Позже Елизавета Юрьевна писала о военных настроениях этого периода: «...война все настойчивее говорила о том, что скоро ничего не будет, что мы все обнищаем, обнищаем до конца, что останется только голый человек на голой земле». Апокалиптический образ голого человека заимствован ею из пьесы Л. Андреева «Савва». Андреевым она увлекалась еще будучи ученицей Таганцевской гимназии.

Получая письма Кузьминой-Караваевой, Блок не отвечал ей. Их нелегкие отношения фактически подошли к своему логическому завершению. «Любовь Лизы», не ищущая царств, а сама создающая «царство

добра», как она объяснила в одном из летних писем, оказалась не востребовавшей Блоком. В стихотворении этого периода она устало спрашивала: «Как нести любовь, чужую ношу?» И сама же ответила: «Этой ночью, гневной и лихой, / Я мой груз на перекрестке брошу». Писатель Е.М. Богат, много сделавший для возрождения памяти матери Марии на ее Родине, сказал по этому поводу: «Трагизм неразделенной любви в том, что невозможно понять, как это пропадут даром те сокровища, которые хочешь передать другому человеку и которых, как кажется тебе, достаточно для счастья, равного которому не было на земле...»

Душевные переживания, неопределенность, неустроенность, отвергнутость — все это привело Кузьмину-Караваеву к нервному расстройству. В октябре, проводив брата, она съездила в Кисловодск, чтобы «поправить сердце», о чем сообщила Блоку: «Начинается моя любимая осенняя тишь [...]. На зиму окончательно остаюсь в Анапе».

В первых своих хроникальных повестях эмигрантского периода (1924–25 гг.) Елизавета Юрьевна описывает многие реальные события, в том числе и из собственной жизни. И в этом отношении повести можно считать во многом автобиографическими. Отдельные строки их читаются как откровенные дневниковые признания автора. Говоря о себе в третьем лице, Кузьмина-Караваева подвела итог своей жизни до революции: «Она вообще ничего не замечала, — ни того, что война уже третий год продолжается, и по улицам то и дело полки на фронт идут, ни того, что еще что-то новое надвигается на Россию» («Клим Семенович Барынькин»); «пережив очередное увлечение [...] событиями личной жизни, — впервые оглянулась вокруг. Она неожиданно поняла, что война гремит, и это значит — гибель» («Равнина русская»). Подобно героине одной из повестей, она словно бы очнулась от затяжного сна: «Что было в жизни? Была любовь, большая любовь, — и ничего не осталось» («Клим Семенович Барынькин»).

И все же зимовать в Анапе поэтесса не стала. В декабре 1916 г. она приехала в Петроград. Искания ее

закончились. Результат их был весьма скромным: семейная жизнь с «Гланом» (отцом Гаяны?) не получилась, Блок ее любви не принял, поэзия не принесла ни успеха, ни удовлетворения, религия еще не заняла всю ее душу и не дала облегчения... Все надо было начинать заново. И она сделала первый шаг — оформила развод с Д.В. Кузьминым-Караваевым.

К столетию со дня рождения

Геннадий ЗВЕРЕВ

АЛЕКСЕЙ ФЕДОРОВИЧ ЛОСЕВ (1893–1988)

А.Ф. Лосев в 1921 году.

23 сентября 1893 года в семье потомственного казака Федора Петровича Лосева и его жены, Наталии Алексеевны, дочери настоятеля храма Михаила Архангела, что в Новочеркасске, родился мальчик, которого нарекли при крещении Алексеем. Когда ребенку было три месяца, отец навсегда оставил семью. Воспитанием и образованием сына занималась мать. Алексей Федорович до конца своих дней хранил о ней самые добрые воспоминания.

Сначала Алексея определили в школу, а затем в гимназию, которую он и окончил в 1911 году с золотой медалью. «В то время, — вспоминал Лосев, — я уже был готовый философ и филолог-классик». В чем немалая заслуга прекрасного преподавателя гимназии И.А. Микша — друга Ф.Ф. Зелинского.

Будучи гимназистом, Лосев брал уроки у итальянского скрипача-виртуоза Стаджи — страсть к музыке передалась ему, очевидно, от отца. Увлечение театром, фантастические романы Фламмарiona, немецкие романтики, русская классика, современники-символисты, — все это дало богатую пищу для размышлений юной душе. Математика замыкает круг интересов будущего студента историко-филологического факультета Московского Императорского университета. Но было имя, которому Лосев остался верен всю свою жизнь. Это имя — Владимир Сергеевич Соловьев, с трудами которого он познакомился еще в гимназии. Была и первая любовь — переписка с Верой Знаменской, возможно, первая глава его философской биографии, но тем она и прекрасна в столь романтическом обрамлении.

Получив от матери благословение, Алексей Лосев отправляется в Москву продолжать образование. Юные увлечения осмысливаются в академической школе, библиотеке, экзаменационной поверке. Знакомство с блестящим кругом религиозных философов: Бердяевым, Булгаковым, И. Ильиным и др. помогает лосевскому духу подняться на высоту тех исканий, которыми жили корифеи отечественной культуры XX века. Он участвует в заседаниях религиозно-философского общества, выступает с докладами, появляются первые публикации.

Некоторое время Лосев совершенствует свои знания в Германии. Но в 1914 году его занятия были прерваны войной. Там же в 1919 году увидел свет его очерк «Русская философия» (на немецком языке). Со времени написания этого очерка до фундаментального труда «Диалектика мифа» ученый проходит сложную духовную эволюцию, во многом предопределившую его дальнейшую судьбу. За это время Лосевым были написаны и опубликованы крохотными тиражами: в 1927 году: «Античный космос и современная наука», «Музыка как предмет логики», «Философия имени», «Диалектика художественной формы»; в 1928 году: «Диалектика числа у Платона»; в 1929 году: «Критика платонизма у Аристотеля»; и наконец, в 1930 и роковом году — первый том «Очерков античного символизма и мифологии» (второй том не был издан) и... «Диалектика мифа». По сути эти работы были тем магическим кругом, который Лосев начертал, как один из гоголевских персонажей — философ Хома Брут. Недаром именно в «Диалектике мифа» воспроизводится заклинательная молитва из Требника Петра Могилы: «Бойся, бежи, бежи, разлучися, демоне нечистый и скверный...» Лосев заклинал себя от зла. Заклинал и боролся с ним разными доступными философу его уровня способами. Некоторые называют диалектический метод философствования, применявшийся с изощренностью и артистизмом в трудах ученого, клоунадой. Мне же хочется соотнести работу Алексея Федоровича в условиях сталинского режима с таким феноменом русской культуры как юродство.

Итак, «внутри» магического круга была философия имени, диалектика числа, символа, мифа... а «снаружи» — то, что называлось «пролетарской культурой», выражавшейся краткой формулой Вл. Маяковского: «Единица — ноль». «Ученая Москва занималась больше мешочничеством, чем Платоном и новой литературой о нем», — писал в свое время А.Ф. Лосев. Но нельзя сказать, чтобы он идеализировал типологию так называемой «буржуазной культуры», вульгарно материалистической по своей сути, как бы предостерегая от тех мистических «игр», которыми мы занялись в последнее время. Теория относительности Альберта Эйнштейна, вечное и временное, провалы и разломы в истории и культуре становятся для Лосева не темой отвлеченных размышлений, а теми «проклятыми вопросами», на которые требует ответа собственная жизнь, и немедленно. «Я, лично, очень хорошо знаю, какими путями душа уходит в пятки», — пишет он в «Диалектике мифа». Начало подобной «диалектике» положил октябрьский переворот.

Лагерная фотография.
А.Ф. и В.М. Лосевы

До своего ареста Алексей Федорович некоторое время читал лекции в Нижегородском университете, а затем преподавал в Московской консерватории. Арестован же он был в 1930 году вместе со своей женой Валентиной Михайловной — ученым-астрономом. Поводом послужила публикация «Диалектика мифа», на которую с гневной критикой в газете «Правда» обрушился М. Горький. Точку в этом периоде жизни и творчества Лосева поставил Коганович на съезде партии. В недрах ГПУ безвозвратно погиб архив, а сам он и Валентина Михайловна были отправлены в лагеря, где оба очень скоро стали инвалидами. Их лагерная переписка — отдельная глава русской философии XX века. Возможно она и послужила толчком к написанию романов.

По ходатайству Красного Креста, Алексей Федорович и Валентина Михайловна были освобождены и даже снята судимость, но было запрещено заниматься философией. «Я никого не проклинаю, ни от кого ничего не требую, ни от Бога, ни от людей. Знаю и то, что мои страдания нужны миру и мировой истории, что не только Бог, но и отец Давид и моя мать знают и видят, что все осмысленно и что я должен быть послушным и смиренным. Все это я знаю, знаю, тысячу раз знаю. И все-таки столько мути в душе, столько бессмысленного животного страдания, такое отсутствие радости, ласки, молитвы, такая богооставленность и безблагодатность, что в конце концов, невольно встает вопрос, не грозит ли это чудовищной и непоправимой духовной катастрофой и полным жизненным крушением всех идеалов?» (Из лагерной переписки А.Ф. и В.М. Лосевых). Через это состояние прошли многие и многие гулаговцы, что в той или иной форме выразилось в творчестве тех, кто стал писать. Здесь же истоки «художественно-философских» сочинений Алексея Федоровича Лосева. Но это и граница, разделяющая экзистенциальную прозу Запада, в частности, интеллектуальные романы Германа Гессе, с прозой ума, «стоящего» в страдающем сердце, когда попытка сохранить «лица необщее выражение» грозит гибелью художнику. Вот почему для подлинного понимания культуры и мира, по Лосеву,

мало знания языка того или иного народа. Необходимо понимание мифического «языка», т.е. тех или иных символов, знаков, а это понимание, в свою очередь, невозможно без Слова и Имени. Язык же абсолютной мифологии — религии «познается» лишь церковно, когда вся жизнь человеческая становится обрядом. Лишь тогда жития святых и иконы, как символы мира горнего, открывают для обратившихся к ним смысл иного мира. Вот почему лосевская философия, как традиционно практическая, является религиозной, т.е. философией жития. Недаром он особенно почитал святых Кирилла и Мефодия: «Что же со мной делать, если я не чувствую себя ни идеалистом, ни материалистом, ни платоником, ни кантианцем, ни гуссерлианцем, ни рационалистом, ни мистиком, ни голым диалектиком, ни метафизиком, если даже все эти противоположения кажутся мне наивными? Если уж обязательно нужен какой-то ярлык и вывеска, то я, к сожалению, могу сказать только одно: я — Лосев!... Нельзя, однако, наперед приказать себе стать тем или другим философом. Это решает жизнь: и тут состояние мозга, состав крови, физическое тело и социальная обстановка имеет гораздо большее значение, чем какие-нибудь приказания, хотя бы и свои собственные». Но ему приказывали...

Короткое время после освобождения Алексей Федорович преподает в Московском университете, но благодаря стараниям «доброжелателей» его переводят в Педагогический институт им. Ленина, где и работал до конца своих дней.

«Историю античной эстетики» в 8 томах — огромный и поистине энциклопедический труд — он начинает публиковать в 1963 году, издание это растянулось до сего дня. Подобного, по охвату и осмыслению культуры античности, труда новая и новейшая история человечества еще не знала. В нем можно найти лишь отголоски прежних философских работ Лосева. Философу, получившему возможность публиковать свои работы лишь после смерти Сталина, было предписано заниматься античностью в пределах марксистско-ленинской методологии. Но справилась ли «система» с

Лосевым? Ответ нужно искать в его романах, написанных по понятным соображениям «в стол»...

Лосева занимает прежде всего «анализ эстетических движений в человеческой душе». Раскрытие «существенной внеморальности этих движений». Как пишет вдова философа, профессор Московского университета Аза Алибековна Тахо-Годи, родители которой были уничтожены режимом, когда она была еще ребенком, «в трудах ученого по истории эстетики характерно сочетаются строгое научное исследование и художественно-литературная манера изложения. Если вспомнить, что Лосев постоянно объединял мировоззрение и стиль, что пафосом этого синтеза отличались последние книги Лосева 20-х годов, что его перу принадлежит ряд беллетристических сочинений, то становится понятен выразительно-творческий потенциал, заложенный в этих ученых трудах, и огромное влияние, которое они оказывают на читателя. Слово ученое и слово поэтическое объединяется здесь органически — совсем как в античной философской традиции».

На этом органическом объединении слова поэтического и ученого мне и хочется остановиться. Речь пойдет о двух, казалось бы, таких разных, на первый взгляд, сочинениях: «Очерках античного символизма и мифологии» (1930) и романе «Женщина-мыслитель» (1933), который готовится к печати. Вот что он пишет в романе: «Слишком привыкли все понимать под женственностью всякую неустойчивость и плавучесть, капризность и слабонервную податливость. Но это разве женственность? Это истерия и глупость, отсутствие мысли и смысла — и больше ничего. Не лучше ли считать женственностью те основания жизни, которые вообще призваны воплощать, давать матерью и давать ее также и всему великому, пророческому, магическому». Тем самым философ опровергает довольно распространенную мифологему о «вечно бабьем в русской душе» как явлении, выражающем общую неустойчивость русской культуры и истории. Другое дело, что эти «исторические» проявления в роковые, переломные моменты русской и мировой истории начинают выра-

жаться в поисках неведомого. Когда же «ищущий» сам не знает, куда он идет и что ищет, ему хочется спрятаться под покров так называемого «Богородичного центра». И вот «уже некоторым является Богородица и кормит своими сосцами, а при явлении Христа сладостный огонь проходит по телу. Что, конечно, не молитва и не общение с Богом. Это — очень сильные галлюцинации на почве истерии, то есть прелесть». Подобная истерия была подготовлена 74-мя годами советчины, когда делалось все, чтобы опустошить душу, которая в отсутствии того или иного мифологического окормления настойчиво требует утоления «экзистенциального голода» в моменты бурного «смятения бытия». Это главная тема интеллектуальных романов Лосева.

По трагическому стечению обстоятельств, в истории русской философии ее последний представитель известен лишь тем корпусом своих произведений, которые выходили в условиях жесточайшей цензуры, да и те стали уже библиографической редкостью. Из ранних работ Лосева переизданы лишь «Философия имени» и «Диалектика мифа». Конечно, множится число журнальных публикаций из архива ученого, но в основном это проза, письма. Еще очень не скоро читатель познакомится с полным собранием сочинений мыслителя. Естественно, отсутствуют серьезные аналитические работы о Лосеве и его месте в русской культуре. Ждут своего исследователя работы Алексея Федоровича по музыкальной эстетике от античности до нашего времени, а также его проза.

Настоящая публикация, приуроченная к 100-летию религиозного философа, лишь немногим восполняет пробел в изучении жизни и творчества оригинального мыслителя, писателя и педагога, который окончил свой земной путь 24 мая 1988 года в день святых равноапостольных Кирилла и Мефодия — славянских просветителей.

А.Ф. ЛОСЕВ

ОСНОВНЫЕ КАТЕГОРИИ АБСОЛЮТНОЙ ДИАЛЕКТИКИ

(из рукописи)

Публикация и комментарии А.А. Тахо-Годи

В абсолютной диалектике *каждая мельчайшая* категория должна играть роль первенствующей категории, роль перво-единого, из которого вытекают все прочие потенции. Относительная диалектика как раз тем и страдает, что она берет только *некоторые* категории в качестве основных, остальные же оставляет в том их невыразительном, одномерном виде, в котором они предстали при первом прикосновении диалектической мысли. Так, например, «диалектик» берет категорию «объекта» и категорию «субъекта». Пусть даже он их вывел одну из другой (что, впрочем, не всякий диалектик умеет делать). Все-таки этого еще мало. Если он хочет быть действительно конкретным, он должен 1) объект рассмотреть как субъект и 2) объект рассмотреть как объект, а еще лучше, если кроме того он 3) субъект-объектное тождество рассматривает как объект и 4) субъект-объектное тождество рассматривает как субъект. Тогда этот диалектик увидел бы, как категория «личности», а вместе с тем категория «искусства» и «религии» *вытекают с полной диалектической необходимостью* (как это мы видим в конце Гегелевой «Энциклопедии»), и никто не посмел бы тогда считать эти категории ложными или несущественными. А что делает эту диалектику истинной и существенной? Именно то, что здесь категории не просто выведены одна из другой, а еще и *рассмотрены одна в свете другой*, т.е. каждая категория повторяет внутри себя весь ряд, в котором она занимает в одномерной диалектике лишь одно из многих мест. Это и есть абсолютная диалектика.

А.Ф. Лосев. 1986 г.

Сделавши теперь ориентировку в достигнутой нами диалектической стадии, мы теперь сразу же видим, что мы действительно вступили на путь абсолютной диалектики и что мы проработали из нее *первые три категории*, т.е. достигли трехмерности. Сначала мы дали одномерную диалектику в виде дедукции пяти основных категорий (которые можно представить, в связи с теми или другими намерениями, и как триаду и как тетрактиду). Очевидно это есть та диалектика, где основную роль играет *Одно*, так как наши пять категорий ничего иного и не представляют собою, как именно диалектическую эволюцию этого Одного. Далее, мы перешли к интеллигенции. Это и значит, что мы поставили здесь в центр и основу уже не одно, а *Сущее*, вторую категорию из одномерного ряда. Чистое Одно как одно — порождает из себя Бытие, Сущее, но Бытие, если *его*, это самое Бытие, принять за одно, даст в качестве второй категории уже, очевидно, не просто Бытие, ибо в этом случае не было бы и никакого диалектического процесса. Оно даст другое бытие, которое будет с ним соотноситься так же, как в первом ряду Бытие соотносилось с Одним. Но там Одно было абсолютно раскачественно, здесь же оно заполнено бытийственной качественностью. Это и заставляет нас трактовать новое Бытие уже не просто как Бытие, но как Сознание, как Интеллигенцию. Равным образом наш третий ряд или трехмерная диалектика, очевидно, построена по типу *третьей* категории первого ряда, Становления, получая общую характеристику как Стремления, или Влечения.

Тут нам становится воочию ясно, чего еще не хватает нашей диалектике, чтобы она стал *абсолютной* (пока в пределах полученных пяти категорий). А именно, *необходимо, чтобы полученная третья плоскость Стремления (Влечения) перешла в четвертую*, по типу перехода Становления в Ставшее (в Факт, Субстанцию), т.е. *чтобы в центре всех пяти категорий была поставлена четвертая категория ; и необходимо, чтобы эта четвертая плоскость перешла еще в пятую*, по типу перехода Ставшего в Символ, т.е. *чтобы в центре всех пяти категорий была поставлена пятая категория*. Это и приведет нас к

желанному концу, к построению *абсолютной диалектики Субстанции*.

II. *Две последние плоскости, завершающие абсолютную диалектику (персонализм и онматизм)*. 1. Начнем с первой плоскости. В чем ее центральный и основной смысл? Интеллигенция, т.е. чистый ум и абсолютное самосознание, перешла у нас в некое новое становление, где ум погрузился в стихию Стремления. В дальнейшем диалектика требует противоположения этой категории еще новой, которая была бы ей *противоположна*. Просто Фактом, или Субстанцией, т.е. просто Ставшим эта категория, конечно, не может быть, ибо тут мы вернулись бы к первой, одномерной, диалектике и игнорировали бы все наши достижения в двухмерной и в трехмерной диалектике. Надо подыскать такое Ставшее и такой Факт, которые бы вместили в себя и чистый Ум и чистое Стремление, которое было бы сразу и Телом и Живым Существом, и Пониманием, и Словом. Я думаю, что это есть, вообще говоря, категория *Личности*, получающая разный вид в зависимости от преломления в разных категориях ряда.

В прямом и чистом виде эта категория относится к *четвертому* началу. Вспомним предыдущие формы этого четвертого начала. Сначала, в наиболее абстрактной и формальной плоскости мы имели просто *Ставшее*. Когда это Ставшее мы стали мыслить как носителя Ума, абсолютной интеллигенции, мы уже не могли продолжать называть его Ставшим просто. Оно предстало перед нами как Тело. Далее, это Тело наполнилось еще более глубоким содержанием: оно стало мыслиться как рождающее или рождаемое. Другими словами, оно превратилось уже в *Живое Существо*. Теперь же, наконец, оказывается, что это Живое Существо берется с точки зрения законченности и определенности всех своих жизненных устремлений. Оказывается, что его ум и его стремления даны не просто сами по себе, но в своей полной *определенности*, завершенности, *ставшести*. Это значит, что Живое Существо берется во всем своем историческом развитии, со всеми своими судьбами, которые только ему свойственны. Живое Существо,

оказывается, осуществило здесь свой индивидуальный лик, и весь его ум, вся его жизненная энергия дали полную картину своего собственного существа. По-моему, это есть то, что обычно называется *Личностью*. Личность есть конкретная осуществленность всего внутреннего, всей, какая только свойственна данной субстанции, интеллигенции. Однако, это уже четвертое начало; и мы еще ничего не сказали о новой модификации первых трех начал.

Первое начало, Одно, Рождающее и Нерожденное, в аспекте противопоставления своему инобытию, т.е. в аспекте *результата* этого Рождения и Нерожденности, даст Власть. Делать, творить, рождать — в аспекте личностном и завершительном, это значит быть *в состоянии* делать, творить и рождать, быть достаточно могущественным и властным для этого. Но это есть *результат* и ставшее *Ума*, что тоже Ум сам внутри себя, но в аспекте завершенности и законченности. Мне кажется, это есть Ведение (или, может быть, Вера, если ее понимать как умное Ведение). Влечение и стремление, данные в аспекте личностного завершения, есть Любовь. Однако, мы уже видели, как полезно и как в то же время необходимо рассматривать первые три ипостаси, с одной стороны, и четвертую, с другой, — как нечто целое и неделимое. Ведь первые три начала есть не только чисто смысловые начала, которые реально существуют только на четвертом начале, т.е. когда есть соответствующие факт или субстанция, которая их осуществляет и реально, телесно носит на себе. Что же даст нам Личность (полученное нами в этом ряду четвертое начало), как именно осуществится и носитель Могущества, Ведения и Любви? Что такое эта абсолютная Личность, которая законченно осуществит и реализует и Власть, и Ведение, и Любовь? Что такое Власть как *Личность*, Ведение как *Личность*, Любовь как *Личность*? Что такое Власть как живой организм Личности, Ведение как живое существо Личности, Любовь как субстанция и тело Личности? Тут мы подходим к великой диалектической тайне христианского учения о троичности, которая только сейчас начинает немного приоткрываться

для нашего изумленного взора. Рождающее и Власть имущее, Рождающее и Нерожденное, Власть как Личность есть *Отец*, довлеющий себе: Рождающее как Личность есть Отец, и Нерожденное как Личность есть довление, и Нерожденное, но Рождающая Власть как Личность есть *самодовлеющий Отец*. Рожденное как Личность есть *Сын*, и Ведение как личностная завершенность есть *Мудрость*. Пневма и Жизнь как Личность есть Дух, и Любовь как личностная завершенность и законченность есть *Святость*. Субстанциально-личностная завершенность Жизни как умного ощущения и влечения, как неиссякаемого Стремления и Творчества есть *Дух Святой*. Дух Святой — организм Любви и Святости, Любовь и Святость как организм.

Наконец, в пятой категории, в Символе, который уже дошел у нас в предыдущей диалектике до степени Понимания и Слова, становится в этом общеличностном аспекте, очевидно, Словом Личности, Словом, открывающим сущность Личности. Такое Слово, которое исходит от живой Личности, очевидно, есть Имя, а это имя, открывающее и выражающее вовне и довление Власти, и мудрость Ведения, и Святость Любви, есть не что иное, как *Добро, Истина и Красота*. Добро, Истина и Красота есть *внешнее выражение* Довлечения, Мудрости и Святости, подобно тому, как эти три есть внутренняя осуществленность тайных внутритроичных процессов Власти, Ведения и Любви.

Такова эта общая плоскость *персонализма*, возникающая под главенством четвертого начала, Ставшего, получающего здесь форму Личности. Укажем и то, что получается на второй из указанных плоскостей, т.е. там, где главенствует не четвертое, а пятое начало, не Ставшее, но Символ, и где с точки зрения этого Символа не растриваются все пять основных категорий. Прежде всего необходимо зафиксировать общий смысл этой новой плоскости. Если Личность соответствовала Ставшему и была как бы устойчивым, остановившимся бытием Стремления, то с Символом мы, очевидно, переходим еще в новое становление, ибо и всякая категория, противопоставляясь своему инобытию, синтезируется с

нею в своем становлении. Тут будет становление уже самой *Личности*, не просто, конечно, становление как таковое. Однако тут мы еще не перейдем в самое инобытие. Личность отождествится с этим инобытием в своем смысле, умно; и потому она не перейдет в свое инобытие как факт, чтобы там заново утвердиться или, быть может, рассыпаться, но будет умным же становлением, смысловой энергией, эманулирующей в инобытие, но не становящейся самим инобытием. Три ипостаси, выведенные нами раньше, в аспекте этого чистого «для иного», станут Силой, Светом и Благодатью. Четвертое начало, дошедшее в предыдущей диалектике до степени Личности, превратится здесь в такую сферу, которая будет местом осуществления и овеществления инобытийных энергий Личности. Я ее называю *софийной* сферой, а основную триаду, в ее воплощении на Софии, я мыслю как Царство, Славу, Церковь. Наконец, пятая категория в свете конструируемой здесь диалектики, т.е. Символ в свете Символа же, есть *Магическое Имя*, а триадическое разделение в нем дает Энергию Спасения, *Эвхологическую* (откуда — *молитва*) и *Мистериальную* (откуда — *Таинство*).

12. *Необходимые и основные разъяснения.* Только теперь мы пришли к некоторому более или менее осязательному концу в смысле своего первоначального задания (получить абсолютную диалектику, кончая категорией Магического Имени) и только теперь мы можем ставить реально вопрос о том, что такое абсолютная мифология и как она получается на деле. Но и полученный нами все-таки порядочный диалектический материал все же не везде одинаково ясен; и не вполне ясны общие выводы, которые надо сделать для нашей теории абсолютной мифологии. Все это заставляет нас еще и еще пересматривать этот материал, выделяя то, что осталось тут в тени, и стремясь дать по возможности цельную и единую, а также простую и ясную систему диалектики. Я попросил бы при дальнейших разъяснениях пользоваться прилагаемой мною тут таблицей.

При первом взгляде на нашу таблицу мы, прежде всего, обращаем внимание на то, что по горизонтальной

линии сверху мы имеем пять основных категорий (Одно = «В-себе», Сущее = «Для себя», Становление = «В себе-и-для-себя», Ставшее, Субстанция = «Для-себя-и-для-иного» и Выражение, Символ = «Для-иного»), по вертикальной же линии справа — только три категории — Одно, Сущее и Становление. Хотя этот факт и должен быть сам собою понятен из предыдущего изложения, но, чтобы не было никаких неясностей, разъясним это здесь еще раз. Мы хотели построить *абсолютную* диалектику. Абсолютная диалектика в пределах данного ряда категорий есть конструкция всех и каждой категории из этого ряда в свете всех и каждой, т.е. *повторение всех категорий в каждой из них еще раз*. Поэтому наша таблица должна была бы иметь пять категорий в горизонтальном расположении и пять в вертикальном, чтобы на схождениях линий от каждой из них и получались искомые сложные категории. Почему же наша таблица содержит в вертикальном направлении только первые три категории? Тут мы должны вспомнить, что по нашей основной диалектической конструкции, *три первые начала резко противостоят четвертому началу*. Четвертое начало не есть сфера чистого смысла, каковой являются первые три начала. Четвертое начало есть начало *осуществления, реализации, овеществления смысла*. Таким образом реально существуют не эти три начала сами по себе, но — лишь вместе со своей осуществленностью, вместе с своей реализацией. Равным образом, *пятая категория также не может мыслиться единосущной с первыми тремя*. Пятая категория, Выражение, или Символ, уже предполагает первые три начала и только определенным образом *выявляет их возне*, выносит их наружу. Таким образом, первые три начала являются совершенно своеобразными категориями; и они, как чисто смысловые, могут быть противопоставляемы решительно каждой, любой категории и всем категориям, взятым вместе. Все прочие категории есть не что иное, как то или другое *усложнение* первых трех, их разрисовка и углубление. Первые три начала в аспекте четвертого суть *осуществленные* три начала, а в аспекте пятого суть *выраженные* три начала. Та и другая модификация, как

видим, нисколько не нарушает ни самого количества «три», ни их существенного взаимоотношения. Вот почему необходимо в вертикальном направлении нашей таблицы говорить именно о трех ипостасях. Это, однако, нисколько не мешает тому, чтобы мы не только рассматривали три ипостаси сами по себе, но и их модификации в направлении четвертой и пятой категории. Наоборот, это различие необходимо, если мы вообще хотим получить диалектическое исследование; и потому я отвожу этим модификациям вполне определенное место в своей таблице, но только место это не по вертикали, но — параллельно трем первым началам в каждом отделе, соответствующем той или иной горизонтальной категории.

Далее, наш взор падает на самую эту *первичную триаду*. Мы видим теперь воочию, что *христианское учение о троичности Лиц Божества вовсе не есть что-то противоразумное и не-логичное и какой-то набор бессмысленных слов*, каковым любят его изображать лица, невежественные в этом вопросе. Даже не «верующий», но просто честно мыслящий должен сказать, что тут содержится *самое обыкновенное диалектическое учение, самая обыкновенная диалектическая триада*, какую можно найти в любой диалектической системе. Правда, и честно мыслящих и диалектиков достаточно мало, чтобы учению о троичности была отдана вся дань по справедливости. Мы воочию убеждаемся, что опять-таки *не логика, не знание и не наука заставляют людей восставать на троичность*. Наоборот, если бы люди рассуждали диалектически, то убедились бы, что *божество только и может быть триединым*, не иным. Разумеется, чтобы вообще утверждать реальность чего бы то ни было, нужно иметь соответствующее ощущение этого предмета; а чтобы иметь ощущение, надо иметь орган ощущения. И это, как я уже много раз говорил, есть сфера именно не логики и не диалектики, но *жизни*. Человек ощущает и имеет объект для ощущений — в зависимости от того, как он живет. Одна жизнь предрасполагает к одним ощущениям, другая — к другим. Чтобы воспринять и ощутить Божество, нужна соответствующая

жизнь, не только внутренняя, но и внешняя. Ощутить Божество тому, кто раньше не имел этого ощущения, значит изменить свою жизнь; и, самое главное, это значит измениться *физически*, ибо какое же это изменение жизни без физического ее изменения? Итак, логика триединства имеет под собой некоторый вне-логический опыт, который нельзя насадить и воспитать никакой логикой и который, равным образом, нельзя и опровергнуть никакой наукой и диалектикой. Но допустим на одну секунду, что Божество существует, допустим хотя бы только в мысли, хотя бы только гипотетически, — вы обязаны будете применить к Нему диалектические схемы. Вы обязаны будете ответить на вопрос: если Бог есть, то *чем* Он отличается от всего прочего? И если Он чем-нибудь отличается, Он есть нечто. А если Он — нечто, то это нечто имеет определенную границу и очертание и т.д. и т.д. Словом, вся диалектическая схематика неминуемым образом окажется реальной также для Божества, и вы должны будете учить в первую голову о триаде: Одно, Сущее и Становление. Из этого видно, какая клевета и какой вековой обман существует в отношении Средних веков и христианского вероучения. Люди, потерявшие веру в Бога, уверяют нас, что ни в нео-платонизме, ни в средневековом богословии и философии нет ровно никакой логики и никакой диалектики, что там область «тьмы и невежества», а вот-де изображение Богоматери в виде своих возлюбленных есть, действительно, *возрождение*, и внутренне-прогнившее духовное мещанство и слепота, этот жалкий салонный блуд Вольтера и Дидро есть, действительно, *просвещение*. Но явно эта преступная клевета рассчитана на полную безмозглость и на то, что люди не станут проверять подобных утверждений самостоятельным изучением исторических периодов. Конечно, лучше всего запретить изучение антично-средневековой мысли, чтобы никто не имел даже и возможности выявить тот свет ума и ту диалектику, которая там фактически существовала. Но такое запрещение слишком уж явно дискредитирует само себя и выявляет свое подлинное лицо. Итак, в учении о Триединстве,

кроме стихии ощущений (или, как говорят, «веры») есть еще *полнейшее требование мысли*; это — *самая обыкновенная триада*, которая существовала у всех «верующих» и «неверующих», кто только занимался *диалектикой*.

КОММЕНТАРИЙ

Здесь печатается фрагмент из рукописи (с. 77–124), находящейся в архиве А.Ф. Лосева и относящейся, судя по всему, ко времени написания «Диалектики мифа». Рукопись хорошо сохранилась и представляет собою сложенные в виде тетради листы большого формата, исписанные черными чернилами (кроме первых двух с половиной — фиолетовыми); почерк достаточно ясный, характерный для двадцатых годов. По содержанию эта рукопись, трактующая о проблемах троичности, примыкает к таким материалам, как «Первозданная сущность» («Символ» № 27, Париж, 1992) и «Миф — развернутое магическое имя», связанным, в свою очередь, тоже с «Диалектикой мифа», I изд., М., 1930). Предлагаемую здесь рукопись можно условно назвать «Основные категории абсолютной диалектики». Эта диалектика отождествляется у А.Ф. Лосева с абсолютной мифологией. Стр. 117 рукописи прямо указывает на намерение автора построить абсолютную мифологию. На с. 121 речь идет об идентичности абсолютной диалектики и абсолютной мифологии. К рукописи приложена довольно сложная схема, которую целесообразно поместить, когда весь текст будет напечатан в полном виде.

А.Ф. ЛОСЕВ

О МЕТОДАХ РЕЛИГИОЗНОГО ВОСПИТАНИЯ

Публикация и комментарии А.А. Тахо-Годи

Доклад в Педаг. Кружке Н.Г.У.

29 марта 1921 г.

I.

1. Из всех вопросов педагогики эта проблема имеет *наиболее плачевную судьбу*.

а) Когда в семье творится что-нибудь *важное и необычное*, то тут же проявляется все наиболее безобразное и глупое. Последнего не видно, когда все ладно.

Но если неладно, то вся человеческая глупость и безобразие вылезает из тайных уголков души.

Так при тяжело больном.

б) Так в проблеме религиозного воспитания проявилась вся глупость и безнадежное мещанство интеллигентских душ.

Все это *домашние грязь и пересуды* болтунов и кумушек, еще так недавно *владевших русской печатью*, русскими университетами, русским самосознанием.

Слава Богу, что большевики закрыли газеты.

с) Вместо *психологических проблем* русская печать и университеты с апломбом доказывали *свободу совести*, истерически кричали:

1. Вы нас не заставите верить.

2. Есть Бог или нет?

3. Можно ли верить в Бога? Или:

4. Меня мучит безверие; научите верить.

5. Вы мою веру у меня не отнимете.

д) Все это предрассудки и интриги политиканствующего интеллигента, усыпавшего свой дух в оппозиции.

2. Довольно всего этого безобразия.

а) Я не буду говорить, *есть Бог или нет*. Не буду говорить даже о *важности и нужности религии* и религиозно-просветления конкретно животного инстинкта.

го воспитания. И самые эти вопросы считаю для себя кощунственными и недостойными.

б) Поэтому, кто не умеет ответить на эти вопросы, тот напрасно пришел меня слушать, и с ним у меня* не о чем разговаривать.

с) Я имею в виду тех, кому религия знакома не из «Русских Ведомостей» или «Русского Слова», но по деятельному опыту собственного сознания, для кого она жизненная, порою революционная сила и факт, о котором нет сомнений, как — в необходимости питания, сна и физической жизни.

3. Однако с этими людьми религиозного опыта тоже, вероятно, у меня будут расхождения. Но здесь есть почва для соглашения. Именно, в преддверии анализа методов, я считаю необходимым выдвинуть следующие 3 тезиса, необходимых для ясной и раздельной постановки вопроса.

а) Религия не есть часть чего-нибудь, мировоззрения, жизни, творчества. Если она есть, она захватывает все. И в Мировоззрении (не может быть не-религиозной науки, например), и в жизни (не может быть не-религиозной любви, ненависти, не религиозной пищи и питья, и т.д.). Это — принцип мистической всепроникновенности. Отсюда: религиозное воспитание есть вопрос вообще о религиозном устройении жизни, об особой организации просвещения ума и сердца и, следовательно, всего жизнеощущения и жизнедействия.

б) Религия не есть обязательно что-нибудь законченное и завершенное, данное как известное достижение в мировоззрении или в жизни. Она вечно течет и творит, влечется и стремится. Под оформленным догматом или обрядом кроется пучина религиозного опыта, часто религиозной тьмы и самораспятия, мгла религиозного инстинкта и бездна благодатных осенений. Это — принцип творческой текучести чистого религиозного опыта. Отсюда: вопрос о религиозном воспитании есть вопрос о религиозном устройении корней религиозной жизни, инстинкта и аффекта, хаоса, кроющегося под догматом, а не только это устройство законченных форм религиозной мысли и жизни.

* В оригинале — «у меня».

Аффективный и инстинктивный корень религиозного мифа, образа и догмата под его интеллектуальной оболочкой.

с) Религия не есть известное построение ума и продукт логических операций. Можно также сказать, что она — продукт животной и физиологической жизни, ибо отвлеченно-логические понятия и спутанные общие ощущения жизни и смутные животные аффекты одинаково близки (далеки) от религии. Религия объемлет и то и другое (может в них проявляться). Религия глубже сознания и его форм и функций. Но: религия не глубже жизни вообще, ибо последняя — не только одна из известных нам форм ее проявления, но и есть — существенный образ ее психологических судеб и глубинный символ конкретного религиозного самочувствия. В религии есть жуткая близость сокровенных мировых судеб, животное касание к таинственному телу Вечности. Есть нечто биологическое в ликованиях и страстных вожделениях религиозной души. Есть содрогание и мгла инстинкта и его целесообразно-направленная сила в жизни. Эту жуткую конкретность касаний к живому Богу и связанность с конкретным духовно-телесным самочувствием назовем *духовной телесностью*, а все предыдущее указание на этот пункт принципом *духовной телесности, основанной на просветлении конкретного животного инстинкта*. Отсюда: вопрос о религиозном воспитании есть вопрос о воспитании такого же жизненного и конкретного самочувствия в религии, какое переживается нами в телесной и инстинктивной сфере (с ее питанием, ростом и размножением) и — воспитание сознания зависимости всего высшего и духовного от плоти и ее религиозного просветления и спасения [Вл. Соловьев о Царствии Божиим].

4. Таковы эти три принципа, которые, взятые вместе, констатируют проблему религиозного воспитания и являются ее постановкой.

1. Принцип мистической всепроникновенности.

2. Принцип творческой текучести чистого религиозного опыта.

3. Принцип духовной телесности, основанной на просветлении конкретно-животного инстинкта.

Следовательно, цели религиозного воспитания:

1. Воспитание *всей и цельной* жизни в религиозном смысле.

2. Воспитание *аффективных и инстинктивных* корней религиозного мира и богосознания.

3. Воспитание аффективных и инстинктивных корней религиозного миро- и богосознания, как данных во всей животной конкретности инстинкта, просветленного, но не умаленного в своей животной конкретности.

4. Это — постановка вопроса и отчасти предвосхищение метода, а теперь — к самому методу.

II.

1. Необходимость согласования с *психологией* ребенка — аксиома. И прежде всего — дифференциация по возрастам.

2.1. До 6-7 лет	—	возраст инстинктов.
7-12	—	возраст привычек.
13-18	—	возраст инстинктов.

III.

До 6-7 лет

1. Итак: возраст инстинктов. Если религия — *тоже инстинкт*, то, очевидно, ей главное место в I и III возрасте.

II возраст менее доступен религиозному воздействию. Это — период *автоматизмов и дрессировки*, а не *свободного творческого сознания* (а без этого нет религии).

2. Однако, каково же *состояние мышления* в этом возрасте? Ответивши на этот вопрос, мы сумеем быть тогда на почве *психологии* ребенка.

а) И у первобытного человека и у ребенка *три* стадии в развитии мышления и языка.

1. Эволюция *психики* — до образования центров переживания.

2. Эволюция *мышления* — до степени чувственного образа.

3. Эволюция *языка* — до степени *ритмических жестов*, становящихся в координацию с *чувственным образом*. Слов еще нет, но — центры переживания.

Вторая стадия:

1. В психике — *осознание этих центров переживания*, сознание, что образ отражает действительность.

2. В мышлении образ образа и различение образа на суждения и понятия.

3. В языке — слово (Конь! конь-ворон, конь вороной).

Третья стадия:

Развитие грамматических категорий.

б) Общий вывод: 1. *эмоциональность* мышления.

2. *мифологизм* мышления (в смысле мифологической гносеологии Вяч. Иванова). Везде — символы.

3. *Сопряжение символов*, очевидно, не логическое, но *психофизиологическое*.

3. Что же мы должны употребить здесь в качестве *основного метода*?

а) *Надо*: 1. конкретно-чувственное, но не внешнее, а — наиболее духовное и сокровенное.

2. Лично и животнo-близко переживаемое, и в то же время — всеобще-объясняющее и универсально-причинное.

3. Зависимое и разделенное, и в то же время — глубинно-сопряженное и друг без друга бытийственно не существующее.

4. Таковыми и являются *семейные отношения*, понимаемые в их *интимной глубине и чревной близости* к нам.

Фребель (1, 109)

«Проникновение в чисто духовно человеческие, истинно отеческие, детские родительские отношения есть единственный ключ к познанию, узрению и предчувствию божественно-человеческих отношений, отношения Бога к людям, людей к Богу».

«Если бы мы ясно по-человечески созерцали человеческое, то мы чувствовали бы и даже познавали бы Божественное» (108).

5. В красоте и тайне семейных отношений кроется истинное познание Бога.

а) Если нет этого, — то бесплодно натаскивать возраст 7-12 и трудные вывихи ожидают юную душу в 13-18 лет.

б) Рационализм и бесплодие наших обычных рассуждений о религиозности.

в) Дикое мнение о позднем преподавании религии. Это — хитрая уловка атеиста. Ложный гуманизм и политико-социальная хитрость.

6. Рассмотрим более подробно. Что именно приобретает для будущего?

а) Истинно-христианское (в отличие от языческого) понимание отношения Бога и сотворенного мира и все трудное учение о промысле. Здесь оно — чревато, до логики, и потому без противоречий.

б) Отношения и различия в Самом Божестве. Как Жизнь и Любовь, Оно должно содержать в себе взаимоотношение отцовства и сыновства, ибо нет большей любви, как эта.

в) Это — в метафизике, но еще более — в этике. Много говорят о базировании этики на религии, но безнадежный рационализм портит даже умные рассуждения. Воспитание нравственной стойкости только и возможно во всей конкретности при этом методе.

1. Любовь даже до смерти и до страдания, не только до мук рождения, но, быть может, еще горьких мук воспитания и образования.

2. Ничто не волнует так взрослого, как забота матери и страдания ее о ребенке. Это она нуждалась и — воспитывала. Это она отдавала в школу и радовалась успехам. Это она ставила вас на колени перед образом и вы читали за ней «Отче наш» и «Богородицу». Это ее вечно-милое и святое лицо улыбается вам в кроватку и вы слышите ласковый голос ее всю жизнь. Что может уничтожить вас и унижить, если в душе живет ласка вечной матери и живое касание пресветлому телу вечности в Материнстве?

3. Что создает мелочность жизни? — Отсутствие узрения другого субъекта в личности и ее большого

«я». Всякая порочность и безобразие есть нечто божественное, но задавленное и искаженное. Мы и не видим этого божественного. Где же узреть личность? Любовь не всегда дается. Только сохранение в душе любви отцов и к отцам дает возможность разделить эмпирический и умопостигаемый характер. Из-за этого стоит жениться и выходить замуж.

7. Итак, в метафизике узрение тайны промысла и истинных отношений внутри Божества, в этике воспитание нравственной стойкости и узрения божественного величия человеческой личности, — этого уже достаточно для религиозного воспитания, не говоря о дальнейшем.

8. Приложение трех исходных принципов.

IV.

7-12 лет.

1. Возраст — привычек.

2. Я не знаю, как воспитывать тех, у кого не было семьи и которые не восприняли узрения отцовства и материнства.

3. Но если было, то здесь

1. без всякого принуждения и насилия и без всякой догмы

2. возможно полное исключение религиозного воспитания и обучения. И тут я случайно схожусь с атеистами.

3. Здесь не будет казуистических вопросов со стороны ребенка, а если и будут, — на них легко ответить. Суховатый ум пригоден для позитивного материала; рассказы из истории и истории религии.

4. Однако для возраста привычек и внешних устремлений полезно:

1. Изучение молитв,

2. привыкание к богослужению и обрядовой стороне.

1. Колоссальная роль культа.

2. В нем переход от чувственности раннего детства к отвлеченному мышлению позднейшего детства.

3. Возражают: ребенок не понимает. Не понимает деталей и логики, но понимает все истинно

религиозное. У Чехова: «доньдеже». Достоевский. Дневник писателя, 1876, май, гл. 2:

«Пяти-шестилетний ребенок знает иногда о Боге или о добре и зле такие удивительные вещи и такой неожиданной глубины, что поневоле заключишь, что этому младенцу даны природою какие-то другие средства приобретения знаний, не только нам неизвестные, но которые мы даже, на основании педагогики, должны бы были отвергнуть. О, без сомнения, он не знает фактов о Боге, и если тонкий юрист начнет пробовать шестилетнего насчет зла и добра, то только расхохочется. Но вы только будьте немножко потерпеливее и повнимательнее (ибо это стоит того), извините ему, например, факты, допустите иные абсурды, и добейтесь лишь сущности понимания, и вы вдруг увидите, что он знает о Боге м.б. уже столько же, сколько и вы, а о добре и зле, и о том, что стыдно и похвально, м.б. даже и гораздо более вас».

3. *Религиозно-духовные устои в семье.*

Пирог по воскресеньям. Родительское благословение перед путешествием, трудным делом. Молебен перед большим делом и т.д.

V.

13-18 лет.

1. Инстинкты и сознательно-критическая мысль.
2. Это должно соединиться в *историко-психологический метод* изучения религии.

3. а) Несколько разных типов религиозного Богочувствия.

б) Историко-психологическая концепция христианства.

с) Осознание себя в религиозной жизни человечества.

4. Примеры:

а) *Мать-Земля* и языческие ипостаси. *Христианские ипостаси* :

1. *Дева Мария* (Достоевский. «Бесы»).

2. *Церковь* — тело Христово, организм любви и истины.

3. *София*, Премудрость Божия, Полнота веков и память Божия.

Все это можно понять только с нашим методом.

б) *Култ предков* — полнота веков.

с) *Христианские обряды*: крещение, миропомазание, причащение.

5. Примеры всеобщего значения религии в мировоззрении.

а) Проблема времени. Вечный миг. Связанные с этим проблемы субстанции, пространства и т.д.

б) Ипостаси Матери-Земли и — Душа миров.

V. 1.

1. Я — фантазер и мечтатель, скажете вы.

2. И *правда*: как же жить в этом мире с такой религией и таким Богом.

3. Жить нельзя: Жизнь — жертва. Поэтому христиане всегда чувствовали конец мира. Выстрадать все противоречия жизни и встретить после страданий и тоски — новое снисхождение Христа, Иисуса Сладчайшего, — в этом последнее оправдание религии и, следовательно, религиозного воспитания.

V. 2.

Старший возраст.

I.

1. Тяжело и скорбно говорит теперь о *религиозном воспитании* и в особенности *старшего* возраста.

а) У ребенка многое не видно и доступно лишь острому психологическому взгляду.

б) От старших уже не спрячешься.

с) Всю остроту чувствуем на этом возрасте.

2. Существенно *разнится* вопрос, с *какими* детьми имеем мы дело.

а) *Невоспитанные* раньше в религиозном отношении являются уже *воспитанными* в известном направлении. И трудно перевоспитать.

б) И — уже воспитанные раньше в религиозном смысле. И тут опять разница —

1. воспитанные *по-моему*,
2. воспитанные обычно, в смысле узкой морали и подневольной религии.

3. Поэтому, разные методы для детей *религиозных и нерелигиозных*.

4. Кроме того, в этом возрасте два момента:

а) *сумбурный*, неустойчивый, смесь развитого и отсталого, детского и взрослого.

б) Более *уравновешенный*, идеалистически-созерцательный.

с) Это — моменты хронологические (13-15, 16-18), и часто они заходят друг в друга и смешиваются.

5. Принцип религиозного воспитания и обучения *первого возраста*, более *сумбурного*.

а) Неустойчивость *ума*, так как уже он разбит новыми инстинктами. Следовательно, нельзя на него опираться, надо дать *твердый материал извне*, не просто на основе собственных конструкций. Но, в связи с возрастом, — материал не из внешнего, но из *внутреннего опыта*.

- б) Итак: 1. твердость и определенность,
2. не просто на основе *самостоятельного мышления*, а нечто *извне данное*, как факт.
3. Это *извне данное* должно быть *внутренне-переживательным*.
4. Соединение всего этого дает материал *исторический и психологический, историко-психологический*.

с) Все это комбинируется в *историю религии особого рода*. Этот материал, таким образом, выведен нами на основе *психологического анализа* этого возраста.

д) Однако тут же возникает вопрос об этом особом типе истории религии. Ибо это не чистая, конечно, наука.

е) Это такая дисциплина, которая должна, в согласии с возрастом,

1. не базируясь на мышлении и чувстве,

2. однако принять во внимание и то и другое,

3. давши толчок к развитию того и другого.

4. Возникает двоякая задача:

- а) *критико-аналитическая* и
- б) *расширение внутреннего опыта*.

5. Первая сторона *не является главной целью религиозного воспитания*, хотя последнее имеет его в качестве одного из оснований.

6. Поэтому достаточно, если будет *открыт путь к свободному анализу исторических фактов* и не будет затруднен.

7. *Следовательно, история религии, основанная на расширении внутреннего религиозного опыта* и имеющая его своей целью.

Г) Тут же и вторая особенность этой *истории религии*.

1) не столько *история*, сколько погружение в *различные типы* религиозного мироощущения.

2) И наоборот, подчеркнутый *историзм* в области *христианства*, 1) как самого по себе, так и
2) в связи с определяющими его принципами *язычества* и *иудаизма*.

3) Нет ничего губительнее *системы догматов*, о которых говорится, что они — выше понимания. Это — конец мысли и запрет для мистики.

4) Наиболее яркие примеры христианской догматики, мешающие *педагогически* правильному развитию этого возраста [Так в тексте]. 1. Рождение Христа от Девы. 2. Троичность. 3. Воскресение. 4. Таинства, из них в особенности *причащение, крещение и миропомазание*.

6. И так: Твердость и определенность материала,

2. *до-критическое* (в смысле полной научности) восприятие этого твердого материала (с оставлением пути для самостоятельной критической работы в этом отношении).
 3. Внутренне-переживаемое восприятие этого материала.
 4. *Отсюда: История религии с двумя основными особенностями: а) не столько история, сколько типология; б) подчеркнутый историзм в сфере христианства и религии, от которых оно исторически зависит.*
7. Теперь, второй возраст, *более уравновешенный, идеалистически-внутренний и по тенденции углубленно-систематический.*

а) Если там — *исторический разрез*, то здесь — *систематическое строение.*

б) Опыт, полученный *в детстве*, закрепленный внешней обстановкой жизни и мысли *в отрочестве*, расширенный иными опытными границами в ранней юности, теперь должен быть закреплен внутренней формулой, чтобы стать базой для *личного жизненного дела.*

с) Мы находим, следовательно, такую периодичность и колебательный характер *периодов* религиозного развития, наблюдаемый (ср. Лай) и в других отношениях.

1. Период *религиозного роста* до 6-7 лет.

2. Период внешнего закрепления этого опыта, 7-12 лет.

3. Период *нового религиозного роста* — на основе вновь пробуждающейся инстинктивной жизни — 13-15/16.

4. Период *нового закрепления* — во внутреннем анализе и формуле — 16-18/19 лет.

д) Ясно, что должна быть некоторая *философская дисциплина*, своего рода *философская пропедевтика.*

1. Существующие формы философской пропедевтики *скудноваты и отвлечены.*

2. Они дают *терминологию* и некоторую умственную выучку.
3. Однако их *безрелигиозный характер* мешает принять их в качестве *настоящей философской пропедевтики.*
4. Неоднократно приходилось выслушивать жалобы учеников на *отвлеченность* психологии: «Ну, какая же это психология».
5. Не вполне годится и т.н. введение в философию, по — *безрелигиозности* и гуманистической светскости, и — отсутствию и часто даже боязни перед *самостоятельной системой философии.*
6. Поэтому, и здесь философская пропедевтика должна
 - 1) *исходить* из религиозного опыта и
 - 2) *приходить* к нему,
 - 3) пройдя путь критического всматривания в глубину религиозного переживания и трепета.
7. Эта философская пропедевтика должна подвести итоги *тысячелетним взаимоотношениям* мистики и безрелигиозного сознания.
 - а) Мы задумываемся *религиозно* над тем, что еще недавним нашим предкам казалось простым и понятным. Такова — религиозная проблема *пола*, проблема *психических аномалий*, разного рода маний, бредовых идей и т.д. (Достоевский).
 - б) За нами эпоха великого индивидуализма, мистицизма, титанизма и мрачного героизма (Ницше, Достоевский, Мережковский и «символизм»).
 - с) Без религиозного коэффициента непонятна *мука* Гоголя, жертвенное безумие *Достоевского* и *Лермонтова*, светлое и имморально-эстетическое оправдание языческого мира у Пушкина.
 - д) Как же отбросить все это великое и многообразное и не подвести ему *итогов*? Такова философская пропедевтика.
 - е) Осознание себя на всечеловеческом древе религии и истории.

8. Подводя итоги всему нашему рассуждению, мы можем сказать, что

- а) исходя из психологии ребенка, мы *конструировали область знания и опыта*, потребную для этого возраста.
- б) Эта область знания и опыта оказалась *наиболее важной и нужной объективно*.
- с) Тут как бы некая таинственная предназначенность детского и юношеского возраста, и интимное общение психологии ребенка и глубинных основ религиозного сознания.
- д) Всю силу своей концепции я вижу именно в этом — в совмещении свободы психологического исследования и необходимости (для меня) религиозных импульсов и переживаний.
- е) Тут обыкновенно две точки зрения: 1) безрелигиозная объективная научность психологии ребенка. 2. *Религиозная субъективность психологических построений и напояливание религиозных схем на живую душу*.
- г) Но есть другая — вместо механического совмещения схем религии и психологии *свободное и живое* трепетание единства сознания, религиозного и объективно-психологического.

II.

1. Необходима *конкретизация* всех этих педагогических принципов.

2. *Первый* период юности допускает колебание в *критико-аналитическую сторону* и в *мистическую* (сторона расширения опыта). Тут — такт педагога.

3. Но конкретизируем прежде всего на одном пункте из намеченной нами *программы*, именно *язычество*.

4. Воспитание понимания язычества.

- а) Надо уничтожить этот *рационализм и просветительский гуманизм* в области религиозных переживаний.
- б) Отношение раннего христианства и Средних веков к чертям и ведьмам было истинно-рели-

гиозным. Здесь боролись *два мира*, и они прекрасно чувствовали всю глубину друг друга.

- с) Просветительское освобождение есть затмение религиозного сознания и *беспомощное* его непонимание. Язычества оно не понимает и говорит, употребляя *пустые слова*.

- д) Кругом *бездна*, а они гипнотически твердят о законах, правилах, нормах, о морали, прогрессе и революции:

«Как океан объемлет шар земной,
Земная жизнь кругом объята снами».

(Тютчев)

«И мы плывем, пылающею бездной
Со всех сторон окружены».

5. Ребенок должен жить среди *таинственного мира*, и язычество должно быть ему не чуждо, как не чуждо оно нам.

- а) Это затаенная мечта каждого из нас. Далекое *небо*, покрывающее нас роковыми и тайными шумами Вечности. Усталый *вечер* и ликующие просторы полдня. Женская *красота* и правда идеализации. В *довольстве и бытовой устойчивости* всегда есть нечто языческое. И тянемся мы к нему, заменивши *беспринципную, вечно-музыкально-текущую* сущность религии, бесстрастием *науки*, а религиозное возбуждение чувственности — гигиеной.

- б) Язычество, в его бытийственном отличии от христианства, есть извечное стремление к тайне, *ставшей телом вечного*, благословение всего живущего. *Афродита* — богиня сладких мук, перед постелью супругов:

Сафо : «На персях подруги усни,
На персях усни сладостно»

Плоть зацветающая.

- с) Поэтому, язычество неизбежно кончается

- 1. Тьмой и бездной,
- 2. Апофеозом личности и героя.

6. Типы языческого мироощущения.

- а) более светлое и оформленное — Гомер.

- b) мутное и бурное — дионисийское.
- c) блаженное успокоение в небытии — *буддизм*.
- d) религиозный материализм и своеобразное соединение строгого монотеизма и чувственного язычества в *иудаизме*.

7. Важны именно психологические, а не внешне-исторические типы язычества.

8. Наибольшее значение имеет проблема отношения *язычества и христианства*.

- a) Это самая жуткая и самая современная проблема. Я не знаю других.
 - b) Что такое Ницше? Это — *язычество*, живущее без христианских подвигов и без еврейского морализма. *Сверхчеловек* — есть просто воскресение языческого самочувствия героя. *Вечное возвращение* — это скорбная проблема Гераклита, который есть для нас вечный созерцатель «гармонии противоположностей». Имморализм и биологизм, воскрешение античной религиозной этики, где скорбь самодовлеет и имеет эстетическое оправдание.
 - c) Что такое Достоевский? Жизнь стихий в душе героя и *гибель индивидуальности* в море бытия. Воскресение и стремление к нему — тайная радость Достоевского.
9. Влияние язычества на христианство.
- 1) *обряды* — причащение и крещение.
 - 2) *догматы* — учение о Логосе.
 - 1. платоновские логические *сущности*.
 - 2. Стоические причинно определяющие *идеи*.
 $\lambda\acute{o}\gamma\omicron\varsigma \ \acute{\epsilon}\nu\delta\iota\alpha\upsilon\epsilon\tau\acute{o}\varsigma$
 $\lambda\acute{o}\gamma\omicron\varsigma \ \pi\rho\omicron\phi\omicron\upsilon\epsilon\beta\varsigma$
 - 3. Гераклитовский *мировой ритм* и божество, играющее само с собою.
 - 4. Народная языческая вера в *демонов*.
 - 5. Еврейское учение об ангелах — посланниках с неба.
10. Ребенок не может не заинтересоваться всем этим.
11. Общий пример: Мать-земля.
- a) Языческие ипостаси.

- b) Христианские ипостаси. «Дева Мария» («Бесы»). *Церковь* — тело Христово, организм истины и любви.
София — Премудрость Божия, полнота веков. К ней *восходим*.

12. Историческое изучение христианства. *История догматов*.

13. *Второй возраст*.

онтология

этика

гносеология

эстетика

Пример: проблема *времени* (из онтологии); проблема эстетической формы (из эстетики).

- 1. Чистая феноменология.
- 2. Психология.
- 3. Эстетика форм.
- 4. Художественное мифотворчество.

III.

Воспитание безрелигиозных детей.

- 1. Тут — царство случайности.
- 2. Я могу только на *литературе*.

- a) **Темы сочинений.** Народная словесность и «Светлые и темные стороны городской и деревенской жизни». Уже — разница природы и культуры. «Если ты молишься, если ты любишь, если ты страдаешь, ты человек». «Личность Руссо». (Тут уже прямо проблема христианства и язычества).
- b) **Личное общение и споры.** Ничто так не воспитывает, как это. Благоговение перед тайной. Два выпуска (Пичинская и Алфер.)
- c) Одну я обратил на «потоке сознания» Джемса (Четверикова). Другую (Русанову) на Карамзине и «Бедной Лизе». Третью (и мн. др.) на Тютчеве и т. д.
- d) Главное — личная убежденность и вера в свое дело и его правоту.

3. Такую школу трудно осуществить. Но и *всякую* трудно. А все-таки единственная цель, из-за которой стоит жить в обществе, это — воспитание и собственная религиозная заинтересованность в нем.

4. Одна великая цель одушевляет нас, и одна тайна влечет. Часто трудности жизни мешают видеть. Но — блаженны видевшие и уверовавшие.

Выводы для конкретной действительности.

1. Все предыдущее, скорее, для того, чтобы показать, до *какой степени затруднено теперь религиозное воспитание*.

а) Религия всегда связана с *бытом*, иначе она — сдавленное пламя и ежеминутно готовящийся взрыв.

б) Религия — воспитывает *всего* человека; мы же — разменяли человека на *экспериментальные проблемы* и исследование всяких пустяков.

с) Религии *не место в европейской культуре*, борьба за религию есть борьба против культуры, и *ничего нам этого скрывать*.

д) Активность и безрелигиозное дело углубляют положение.

2. Предположим, что вы все-таки захотите идти против культуры, однако не открыто, а *поскольку возможно*, — что делать?

3. Тогда это — *царство случайности*.

а) детские вопросы.

Пенциг. Серьезные ответы и детские вопросы.

Фребель. Воспитание человека.

б) преподавание и мифология.

КОММЕНТАРИЙ

Доклад А.Ф. Лосева «О методах религиозного воспитания» был прочитан им в Педагогическом кружке Нижегородского Государственного Университета 29 марта 1921 года. В Нижегородском Университете в трудные и голодные годы работало много молодых московских ученых. А.Ф. Лосев пробыл там несколько лет с 1/II-1919 г. и до 1/VI-1921 г. Именно там, в 1921 г., А. Ф. получил звание профессора, которое в дальнейшем

было подтверждено ГУСом и ВАК СССР. А.Ф. Лосев глубоко интересовался проблемами преподавания и психологии, оставаясь сам вдохновенным преподавателем до последних лет жизни. Учительство было его истинным призванием. Достаточно сказать, что едва окончив Московский Императорский Университет в 1915 г. (по двум отделениям — классической филологии и философии) он начал преподавать древние языки в частной мужской гимназии А.Е. Флерова (16/VIII-1915 г. — 1/VIII-1916 г.). У А. Ф. сохранился «Календарь для учителя», в котором помечено, что первый свой урок латинского языка он дал в гимназии 20 авг./2 сент. 1915 г. (четверг, 4 основной класс). Именно там у него учился сын Ю.И. Айхенвальда Борис Айхенвальд и сын крупного предпринимателя Вальтер Филипп, домашним воспитателем которого по рекомендации своего товарища по Университету Б.Л. Пастернака и после него стал А.Ф. Лосев. Одновременно А. Ф. преподавал литературу в женской гимназии Е.П. Пичинской и в женской гимназии А.Д. и А.С. Алферовых. После реорганизации гимназий работал в 23 сов. трудовой школе (1/VIII-1918 г. — 1/VIII-1925 г.), уже будучи профессором Московской Консерватории (лекции по истории эстетических учений), действительным членом Госуд. Академии Художественных наук. Следует сказать, в России известные ученые отнюдь не чуждались преподаванию в средней школе. Так, вместе с А.Ф. Лосевым в гимназии Алферовых преподавал философ П.П. Блонский, в гимназии Пичинской проф. Н.Н. Фатов, в гимназии Флерова известный географ А.С. Барков и психолог П.А. Рудик, в женской гимназии Хвостовой крупный славист В.Ф. Ржига, в гимназии Ржевской проф. И.Н. Розанов, в гимназии Константин фольклорист Ю.М. Соколов и т.д. и т.д. Среди законоучителей были также выдающиеся священники: в женской гимназии Фишер преподавал И.И. Фудель, у Ржевской — канд. богословия Н.Н. Соколов, у Образцовой законоучителем был о. Иоанн Кедров, строитель храма Воскресения Христова в Сокольниках; в гимназии Винклер — законоучитель — знаменитый о. Алексей Мечев.

Однако, не только гимназическая, но и вообще вся система образования была разрушена в годы революции, и если педагогика и психология вынужденно приспособлялись к новой советской трудовой школе, то уж о религиозном воспитании не могло быть и речи. Начиналось время воспитания атеистического, антирелигиозного.

Для нынешнего читателя тем более представляет большой интерес доклад, прочитанный молодым профессором А.Ф. Лосевым в Нижегородском Университете, поднявшим тяжелую и безвыходную проблему методов религиозного воспитания. Практические выводы из этого доклада сделаны быть не могли в силу сложившихся обстоятельств. Да и сам докладчик, выступив в Педагогическом кружке 29 марта, уже 1 июня 1921 г. перестал работать в Нижегородском Университете, и никогда больше из Москвы туда не возвращался. Интересно, что уже в программе своего курса «Введение в классическую филологию»* А.Ф. Лосев высказал мысли, прозвучавшие не только в докладе 1921 г., но и отразившиеся на всем творчестве их автора. В программе курса А.Ф. Лосев пишет: «История есть организм, и ее бытие — рождение, рост и смерть национальных организмов. Нас интересуют не вещи, но процессы; не бытие, но становление; не машины, но организмы. Догматы веры, граненые и высеченные воспринимаются нами, начиная с их зародышевого состояния и — их граненость и сталь, растворяясь и расчлняясь, уходят в мглу религиозных инстинктов»... (с. 17). Потому «изучение завершенных форм литературы, религии, философии, языка, мифа и искусства не может отвечать духу современной мысли, если оно не предваряется историко-психологическим анализом этих форм и не рассматривает их как живой, единый организм, как живое тело истории»... (с. 17).

В докладе А. Ф. вполне ощутимы горькие размышления в связи с упадком живого религиозного

* О курсах лекций, читанных А.Ф. Лосевым, см. сб. «Историко-филологический факультет» Н.-Новгород 1919. (Учебные планы и программы Нижегородского Гос. Университета 1918-1919 гг.).

сознания еще в дореволюционное время. Отсюда и «безнадежное мещанство интеллигентских душ», которое выражало себя в либеральной печати («Слава Богу, — читаем у автора, — что большевики запретили газеты»), ибо для «просвещенного и политиканствующего» интеллигента всегда было характерно антиномическое противопоставление веры и разума, почему и религия оказывалась врагом науки и изгонялась из самых основ воспитательского процесса. Докладчик считает для себя «кощунственным и недостойным» говорить о важности и нужности религии или о наличии бытия Божия. Он выдвигает цели и принципы религиозного воспитания, подробно останавливаясь на самом методе, согласованном с психологией ребенка, дифференцированной по возрасту: от младшего до 6-7 лет и кончая старшим, юношеским, 18-летними.

А.Ф. Лосев выступает в своем докладе как враг всяких механистических односторонностей, как принципиальный диалектик, для которого вера и разум, знание и вера едины. Уже здесь можно найти зерна тех идей, которые были открыты и громко высказаны А.Ф. Лосевым в его знаменитой «Диалектике мифа» (1930 г., переиздана в 1990 г.).*

Некоторые темы и мотивы, намеченные здесь, проходят через многие сочинения А.Ф. Лосева, как, например, зависимость высшего, духовного от плоти и ее религиозного просветления у Вл. Соловьева; религиозное чувство Лермонтова, Гоголя, Достоевского, Тютчева, мрачный титанизм и героизм Ницше (ср. «Эстетику Возрождения» А.Ф. Лосева, М., 1978, 1982 об обратной стороне титанизма); поклонение Земле и исповедь земле в «Бесах» Достоевского, учение о Софии — Премудрости Божьей (ср. А.Ф. Лосев «Вл. Соловьев и его время» М., 1990 о роли земли в поэзии Вл. Соловьева, о разных типах Софии в философии Вл. Соловьева, о

* См. письмо А.Ф. Лосева к В.М. Лосевой (из лагеря на Беломорско-Балтийском канале в Сиблаг), где он вспоминает о словах своего духовника, афонского старца о. Давида, ответившего А. Ф., когда тот ради церкви и веры хотел бросить науку: «Зачем же науку бросать? Ты страсти свои брось». (9/III-1932 г. «Наше наследие» 1989 № 5, с. 87 «Из лагеря в лагерь»).

хтонической мифологии в «Античной мифологии» М., 1957); апофеоз героизма в античности (ср. А.Ф. Лосев «Гомер», 1960, «Двенадцать тезисов об античной культуре» в журнале «Студенческий меридиан» 1983, №№ 9–10, «История античной эстетики. Поздний эллинизм». М., 1990); учение о логосе у Платона, стоиков, Гераклита (ср. «История античной эстетики». т.1, Ранняя классика. М., 1963, «Высокая классика» М., 1973; «Ранний эллинизм» М., 1979); учение о ритме у Гераклита (см. «История античной эстетики» т. 1, М., 1963, доклады о ритме в ГАХН: «Гегель о ритме», «Шеллинг о ритме», 1927; «О понятии и структуре ритма» 1928; «Музыка как предмет логики» М., 1927 — переизд. М., 1990); о вечном возвращении в платонизме, неоплатонизме и античной философии истории («История античной эстетики» тт. I–VIII, М., 1963–1988, «Античная философия истории» М., 1977); проблема язычества и христианства (ср. А.Ф. Лосев «Очерки античного символизма и мифологии» М., 1930, «История античной эстетики. Последние века». М., 1988). Пункт 3. Религиозные духовные устои в семье (раздел IV), где говорится о быте в религиозной семье (пироги по воскресеньям, родительское благословение, молебны), можно сравнить с замечательным рассуждением о масленице и блинах, об устойчивости и надежности православного быта (см. письмо А.Ф. Лосева — В.М. Лосевой от 11/III–32 г. — «Вопросы философии» 1989 № 7, стр. 156). Идеи А.Ф. Лосева (раздел VI) «Жизнь — жертва» — «чувство конца мира у христиан», «выстрадать все противоречия жизни» находят уверенное подтверждение в последних беседах А.Ф. Лосева с Ю.А. Ростовцевым в документальном фильме «Лосев» режиссера В. Косаковского (приз «Серебряный кентавр» на международном фестивале неигрового кино в Ленинграде 1991 г.). А.Ф. говорит там о страданиях и ожидаемой смерти. «Это акт любви Божьей ко мне», это — «трагическое христианство».

А.Ф. Лосев строит доклад на широком историческом материале, сочетая проблемы православного богословия, религиозный опыт, практику школьного педагога, труды по детской психологии, русскую

классическую литературу с ее религиозными исканиями, материалы античной мифологии, философии и поэзии.

В тексте доклада есть ссылки на выдающихся европейских педагогов. Среди них В.А. Лай (Lay, 1862–1926), труды которого были переведены на русский язык перед революцией: «Методика естественно-исторического преподавания» (СПб 1914), «Экспериментальная дидактика» (1914), «Экспериментальная педагогика» (1912). Главная идея Лая была — объединение всех культурных наций «для создания единой всеобщей педагогики, ставящей своей целью чистую гуманность, царство Бога на земле». Деятельность Лая имела много противников и критиков.

Ссылается А. Ф. на Ф. Фребеля (Fröbel, 1782–1852), теоретика дошкольного воспитания (работал в 1810 г. у И.Г. Песталоцци), создателя детских садов и дошкольной педагогики как самостоятельной науки. Его «Педагогические сочинения» в 2-х томах были изданы в то же время, что и книги В. Лая (М., 1913 г., 2 изд.). Указывает А. Ф. и на Р. Пенцига (Penzig, 1855–1931), доктора философии, писателя, педагога. Его книга «Серьезные ответы на детские вопросы» (Ernstc Antworten auf Kinderfragen 1892 г.) выдержала в 1928 г. шесть изданий. В 1921 г. вышла в Германии другая уже малодоступная для советского читателя книга «Религиозные уроки для наших правнуков» (Die Religionstunde unserer Enkelkinder).

Учитель А.Ф. Лосева, Г.И. Челпанов, основатель Института психологии при Московском Императорском Университете, требовал от своих учеников серьезной теоретической и экспериментальной работы, так что начитанность А. Ф. в новейшей литературе по психологии и педагогике была бесспорна. Достаточно сказать, что все 20-е годы, будучи членом ГАХНа, А.Ф. Лосев выступал с сообщениями не только в Музыкально-психологической комиссии (он ею заведовал), в Музыкальной секции, в Комиссии по изучению эстетических учений философского отделения (зав. Комиссией), в Комиссии по изучению художественной терминологии, но и в Комиссии по изучению художественного воспи-

тания. Известен доклад Лосева о проблеме художественного слова и его педагогического значения 23 января 1928 г. (ср. работы Лосева над проблемами слова, а именно «Философия имени» 1927, переиздана дважды в 1990 г.; «Знак. Символ. Миф». М., 1982, «Языковая структура» М., 1983).

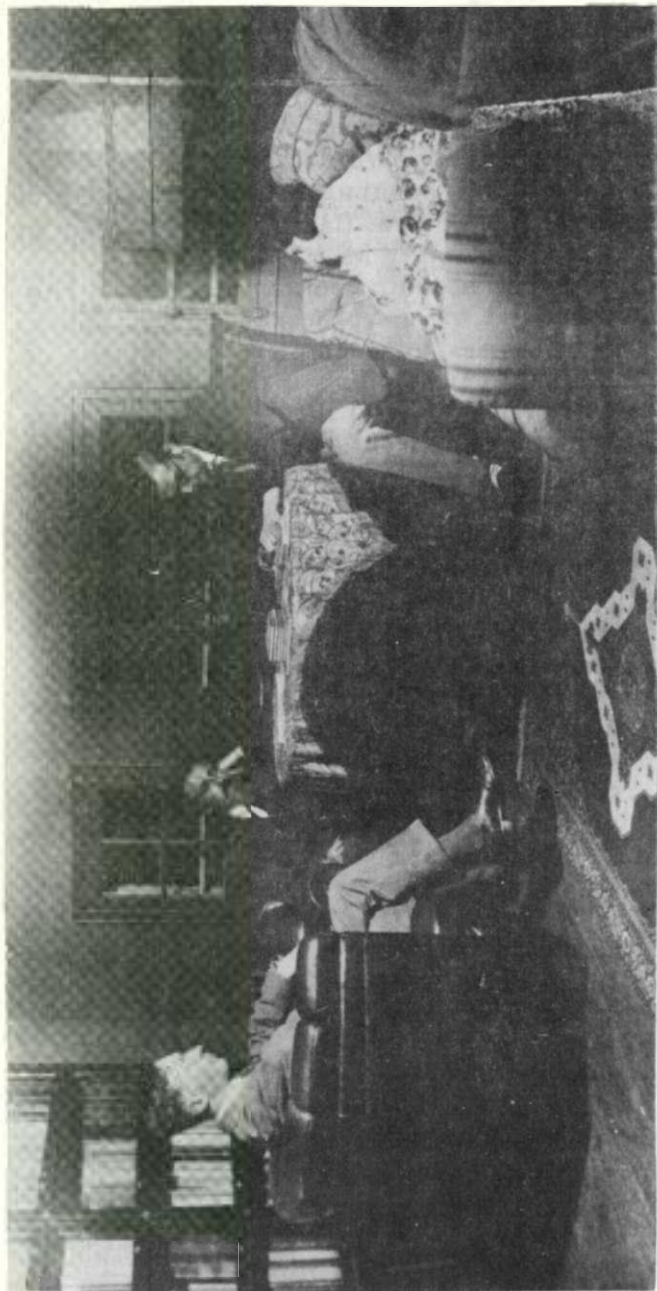
Так, им была подготовлена статья в сборник об эволюции идеи художественного воспитания в античном мире (ср. также тезисы А.Ф. Лосева в его архиве «Греческое воспитание»). Сохранилась часть рукописи в архиве А. Ф., посвященная новейшим психологическим исследованиям «Обзор и критика основных учений Вюрцбургской школы» (250 маш. стр., как указано в архиве ГАХН, судя по статье изучавшего этот архив А.Г. Дунаева «Лосев и ГАХН» в сб. «Лосев и культура XX в.» М., 1991). В архиве А.Ф. Лосева мною найдены развернутые тезисы 20-х гг. в 60 рукописных страницах формата тетради под названием «Общая методология истории религии и мифа», тезисы «Мать-Земля», с обзором мифологии Земли от II тысячелетия до Р.Х. через Византию к Руси XV–XVI вв. и, наконец, к Тютчеву и Достоевскому (ср. в публикуемых тезисах раздел V 13–18 лет, где даны христианские ипостаси Матери-Земли). Среди тезисов есть «Основные принципы детского сада» + о воспитании детей до 7–8 лет со ссылками на теорию игр Лая и со специальной библиографией по отдельным разделам (искусство, детский рисунок, физическое воспитание, детские сады, игра, труд, эстетическое воспитание), приводятся работы по религиозному воспитанию М. Рубинштейн «О религиозном воспитании» (Вестник воспитания, 1913 г., № 1), Н. Смирнов «Эстетическое воспитание и религия» (Вестник воспитания, 1912 г., № 6).

В докладе отразился опыт личного преподавания А.Ф. Лосева. См. раздел «Личное общение и споры». Здесь упоминаются выпуски двух женских гимназий — Пичинской и Алферовых, где А. Ф. преподавал литературу (античную и новую, а также латинский язык). Речь идет об обращении к вере его учениц-гимназисток. В частности, одна из упомянутых — это Елена Сер-

геевна Четверикова, любимая ученица А. Ф., до самой старости сохранявшая дружбу с А.Ф. Лосевым, с его женой В.М. Лосевой и мною. Е.С. Четверикова — дочь знаменитого генетика С.Н. Четверикова и жена В.И. Воздвиженского, сына последнего настоятеля Успенского Собора в Кремле. (В.И. Воздвиженский упоминается А.Ф. Лосевым в письме к о. Павлу Флоренскому от 30/I–23 г. См. сб. «Контекст» М., 1990 г.).

А.Ф. Лосев всегда помнил свою классическую гимназию на родине в г. Новочеркасске (область Войска Донского), где домовая церковь была посвящена св. равноапостольным словенским учителям Кириллу и Мефодию и где он мальчиком пел в церковном хоре. А.Ф. Лосев с любовью рассказывал о своем законоучителе о. Василии Чернявском (окончил Духовную Академию), большом эрудите, знатоке философии и литературы, завзятом путешественнике, который возил своих учеников на Кавказ, на Урал, по великим русским рекам. Дед А.Ф. Лосева, настоятель храма Михаила Архангела в г. Новочеркасске, о. Алексей Поляков, крестил там своего внука, а мать Наталия Алексеевна тщательно воспитывала единственного ребенка, когда же сын расстался с ней, она дала ему свое благословение и образок Николая Чудотворца.

Среди оставшихся книг после ареста 1930 г. и после бомбежки дома летом 1941 г. в Москве, есть книжечка, подаренная матери А.Ф. Лосева ее кумом, священником о. Михаилом. Она называется: «Евангелие как основа жизни». Свящ. Г. Петров. СПб 1903 г. 16-е изд. Сохранилось и несколько учебных книжечек (среди них «Пространный христианский катехизис православных кафедральных восточных церквей» М., 1904, с детскими пометками и росписями Лосева; «Храм Божий и церковные службы». Учебник Богослужения для средней школы. Составил священник Н.Р. Антонов. СПб 1911). Именно об этих книжечках А.Ф. Лосев вспоминал с трепетом сердечным, пытаясь разыскать спутников своего детства среди хаоса уничтоженной библиотеки. Теперь, после кончины их владельца, эти книжечки я нашла. И Алексей Федорович об этом знает.

Александр Койре, Лев Карсавин, Александр Кожевников и его жена
в квартире Кожевникова в Boulogne sur Seine. 1929 год.

Александр КЛЕМЕНТЬЕВ

ДЕЛА И ДНИ ЛЬВА ПЛАТОНОВИЧА КАРСАВИНА

Многие русские философы, вольно или невольно оказавшиеся в эмиграции после событий семнадцатого года, оставили воспоминания о своей жизни, научной и преподавательской работе, встречах с современниками. Значительная часть этих материалов уже опубликована — в форме книг или отдельных статей.

В 1947 г., через три года после кончины о. Сергия Булгакова, выходят его «Автобиографические заметки»; два года спустя было напечатано «Самопознание» Н.А. Бердяева, а в 1961 г., еще при жизни Н.О. Лосского, издается его книга «Моя жизнь и философский путь». Совсем недавно, стараниями Жоржа Нива, были опубликованы воспоминания А.З. Штейнберга.¹

О других философах написали их друзья или дети. Так, в 1956 г. издается биография Петра Бернгардовича Струве, написанная Семеном Людвиговичем Франком — их дружба длилась сорок шесть лет; о самом Франке пишут воспоминания его дети. Дочь Льва Шестова подготавливает двухтомник «Жизнь Льва Шестова».

Появляются и биографические материалы о некоторых философах, оставшихся в советской России: прежде всего — множество публикаций, посвященных о. Павлу Флоренскому, а также воспоминания об Алексееве-Аскольдове, воспоминания дочери А.А. Мейера² об отце и некоторые другие публикации.

Кроме того, были изданы довольно полные библиографические описания трудов большинства названных авторов.

¹ Штейнберг А. Друзья моих ранних лет (1911–1928). Париж, «Синтаксис», 1991, 288 стр. Подготовка текста, послесловие и примечания Ж. Нива.

² См. нашу публикацию воспоминаний дочери А.А. Мейера и других материалов о нем в «Вестнике РХД», №159 (1990), стр. 139–169.

Совершенно забытым оставался, пожалуй, лишь Лев Платонович Карсавин, судьба которого была во многом не похожа на судьбы ученых, высланных с ним вместе в 1922 г. из Петербурга.

Лишь несколько кратких словарных статей и глава из неизданной в оригинале рукописи Н.О. Лосского давали краткие сведения о жизни Льва Платоновича. Молчание, столь долго покрывавшее его имя, было нарушено лишь в 1990 г., когда были опубликованы воспоминания последнего ученика Карсавина — Анатолия Анатольевича Ванеева — о жизни философа в заключении в поселке Абезь.

Однако, по-прежнему так и не было написано, подробного биографического очерка о Карсавине, могущего дать представление о всех периодах его жизни. Стремясь сделать доступной более полную информацию о Льве Платоновиче, предлагаем сегодня канву его биографии, в которой приводим наиболее значительные вехи его жизни и названия всех его книг и крупных статей.

1881

30 ноября — Лев Платонович Карсавин родился в Санкт-Петербурге, в семье актеров классического балета Мариинского театра Платона Константиновича Карсавина (1854–1922) и Анны Иосифовны, урожденной Хомяковой († 1915).

22 декабря — крещен, о чем свидетельствует запись в метрической книге Вознесенской церкви при Адмиралтейской слободе. Восприемниками были Михаил Николаевич Люстемин и Пелагия Павловна Карсавина.

1890

Поступил в петербургскую Пятую гимназию (у Аларчина моста).

1901

Закончил восемь классов гимназии с золотой медалью и аттестатом зрелости.

Поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета.

1904

21 мая/4 июня — обвенчался с Лидией Николаевной Кузнецовой (1881–1961), выпускницей Высших женских Бестужевских курсов, начавшей преподавать в гимназии русский язык. Вместе с женой совершил путешествие в Оренбургские степи на кумысолечение (уже в то время Карсавин болел туберкулезом).

1906

Закончил университет с золотой медалью за дипломное сочинение «Аполлинарий Сидоний как представитель падающей Римской империи и как исторический источник». Оставлен при кафедре всеобщей истории для приготовления к профессорской и преподавательской деятельности со стипендией 50 рублей в месяц.

июль–август — путешествовал с женой по Европе. В начале посетили Вену, после Венецию, Флоренцию и другие итальянские города.

Занимался историей флорентийской знати под руководством Ивана Михайловича Гревса.

Преподавал в Гимназии Императорского Человеколюбивого общества (на Крюковом канале) и в частной женской гимназии Прокофьевой (на Горюховой улице).

20 ноября — в историческом обществе при СПб университете сделал доклад о работе Nino Tamassia «San Francesco d'Assisi e la sua leggenda».

декабрь — родилась дочь Ирина.

1907

лето — путешествовал по Германии и Италии с группой магистрантов.

1908

- 11 октября — избран на должность преподавателя всеобщей истории на Высших женских Курсах (сроком на один год, для замещения уехавшей в Париж Ольги Антоновны Добиащ-Рождественской). Руководил работой семинара по истории францисканства.
- 27 февраля — в Историческом обществе сделал доклад: «О новинках в исторической литературе по францисканству».

Опубликованы статьи:

Из истории духовной культуры падающей Римской империи. (Политические взгляды Сидония Аполлинария). *Speculum Perfectionis* и его источники. (*Speculum Perfectionis*, *Scripta Leonis* и *Speculum* Лемменса).

1909

Начал преподавать в Историко-филологическом институте.

Сдал магистерский экзамен по всеобщей истории. Избран секретарем секции всеобщей истории Исторического общества, где сделал доклад «Из области изучения францисканства».

- 15 сентября — переизбран преподавателем на Высших женских курсах на следующий год. Читал курс «Папство в средние века», вел семинарий «Сальвиан и литературные источники V-VI веков», вел просеминарий «Труды Фюстель де Куланжа».

- 30 сентября — назначен постоянным преподавателем на Высших женских курсах.

Опубликованы статьи:

Speculum Perfectionis и его источники. (*Speculum* и легенды Челано).

К вопросу о *Speculum Perfectionis*. (Списки *Speculi* и *Legenda Antiqua*).

1910

Успешно завершил сдачу магистерских экзаменов и был командирован за границу для написания диссертации.

В Историческом обществе сделал доклады:

- 27 января — «Магнаты V-го века».

- 28 апреля — «Римская церковь и папство до половины II-го века».

июль-сентябрь — жил с семьей в Париже, занимался в Национальной Библиотеке.

- 2 октября — переехал в Рим, занимался в Библиотеке и Архиве Ватикана.

Опубликованы статьи:

Римская церковь и папство до половины II в.

Speculum Perfectionis и его источники. (*Speculum*, *Actus* и *Legenda antica*).

1911

- 7 мая — в Риме родилась вторая дочь Карсавиных — Марианна.

июль-август — отдыхал с семьей в курортном городке Портофино (Италия), заканчивал работу над диссертацией.

ноябрь — переехал во Флоренцию, занялся работой над популярным очерком истории средневекового монашества для издательства «Огни» по заказу Николая Ивановича Кареева. Написал множество статей для Нового энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, большинство из которых позже были напечатаны.

Опубликована статья:

Магнаты конца римской империи. (Быт и религия).

1912

Во Флоренции работал над новой книгой «о праздниках, канонизациях и чудесах».

июнь — вернулся в Россию, работал над статьями для Нового энциклопедического словаря.

- 1 июля — назначен приват-доцентом СПб университета.

В университете вел просеминарий по истории ересей XII-XIII вв.

Опубликованы:

книга «Монашество в Средние века».

Магистерская диссертация «Очерки религиозной жизни в Италии в XII–XIII вв.».

Статьи в Новом энциклопедическом словаре.

1913

12 мая — состоялась защита магистерской диссертации.

На Высших женских курсах читал «Историю папства», вел семинар «Религиозная жизнь XII–XIII вв.», просеминарий «Экономический и социальный строй франкской монархии».

В историко-филологическом институте был назначен профессором, читал курсы: «История средних веков» и «Новая история», вел практические занятия.

На Высших Историко-литературных курсах Н.П.Равева читал курс по истории средних веков, курс методологии истории, вел практические занятия.

На Высших курсах П.Ф. Лесгафта читал курс «История средних веков».

20 ноября — в историческом обществе сделал доклад «Символизм мышления и идея миропорядка в XII–XIII вв.»

18–20 декабря — участвовал в Съезде историков в Петербурге.

Опубликованы статьи:

Мистика и ее значение в религиозности средневековья.

Н.И. Кареев.

Религиозность и ереси в XII–XIII вв.

Церковь и религиозные движения XII–XIII вв.

Статьи в Новом энциклопедическом словаре.

1914

Назначен инспектором Историко-филологического института.

Подготовил доклад о вальденсах для чтения в Историческом обществе.

Опубликованы статьи:

Вальденсы до 1218 г. (Развитие организации и иерархического принципа в секте по новым исследованиям и источникам).

И.М. Гревс.

Основные черты религиозности XII–XIII вв.

Идея единой Германии в первой половине XIX в.

Символизм мышления и идея миропорядка в средние века.

1915

В Петербургском университете вел просеминарии: «История мистики в средние века», «Капитулярный о поместьях».

В Историческом обществе сделал доклад «Основы средневековой религиозности».

Опубликована:

Докторская диссертация «Основы средневековой религиозности в XII–XIII в., преимущественно в Италии».

1916

В университете вел просеминарии «Мистика XIII в.» и «История папства».

На Высших женских курсах вел занятия по философии.

27 марта — состоялась защита докторской диссертации.

Опубликованы статьи:

Мистика во Фландрской агиографии XIII в.

Ответ Д.П. Егорову.

Святой Франциск и его братство.

1917

Вел кружок по изучению и переводу «Жития блаженной Анджелы из Фолиньо».

Работал над большой книгой по истории мистики.

1918

январь — укрывал в своей квартире (в здании Историко-филологического института) освобожденного из Петропавловской крепости Антона Владимировича Карташева.

весна — вместе с С. Каблуковым, А. Карташевым и В. Бенешевичем получил от Петроградского митрополита Вениамина (Казанского) благословение на создание «Всероссийского братства мирян в защиту

церкви». После встречи с митрополитом организаторы ездили говеть в Черемнецкий монастырь под Лугой.

Стал инициатором создания и редактором новой серии «Библиотека мистиков» (издательство Г. Лемана в Москве), в которой планировал осуществить выпуск в переводе на русский язык наиболее известных текстов средневековых западных мистиков.

Осуществил первый выпуск серии – текст «Откровений» блаженной Анджелы из Фолиньо в собственном переводе и с обширным введением.

Во вновь открытом Петроградском Богословском институте преподавал «Основы христианства» и греческий язык.

Был избран профессором Петроградского университета.

Опубликованы:

в издательстве «Огни» книга «Католичество» — популярный очерк по истории католической церкви. Для того же издательства подготовил большую статью «Жозеф де Местр».

Анджела из Фолиньо и ее откровения.

О любви и браке.

1919

В университете читал курс «История религии». Вел практические занятия по темам: «История христианской догмы и философии», «Средневековые ереси», «Средневековая мистика».

зима — участвовал в работе «Передвижного народного университета», организованного Комиссией по учету и распределению ученых и лекторских сил для работы на фронтах гражданской войны. Вошел в состав комиссии для научного издания документов ритуальных процессов в России.

В Доме литераторов выступал с лекциями: «Историк и поэт», «Христианская догма и философия», «Метафизика любви».

осень — включен в состав президиума Рабочего факультета Петроградского университета.

Опубликована:

книга «Saligia».

1920

Вошел в число учредителей издательства «Petropolis».

Сотрудничал в издательстве «Наука и школа», где тогда же опубликовал книгу «Введение в историю (Теория истории)».

Участвовал в деятельности «Братства Святой Софии Премудрости Божией», а также Петроградского Религиозно-философского общества.

Работал над книгой о Джордано Бруно для издательства «Огни».

Был избран ректором Петроградского университета и занимал эту должность до 1921 г.

1921

В Религиозно-философском обществе сделал доклады:

12 июля — «Свобода воли».

11 и 27 декабря — «Миражи прогресса».

Избран профессором Общественно-педагогического и Правового отделений факультета общественных наук Петроградского университета и председателем Общественно-педагогического отделения.

Работал над книгой «Метафизика христианства», а также над книгой о Тютчеве для издательства «Наука и школа». Написал статью о русском православии в сборник «Отражение эпохи», подготавливавшийся Домом литераторов в ответ на появление сборника «Смена вех».

На заседании памяти Ф.М. Достоевского в Доме литераторов сделал доклад «Любовь Федора Карамазова».

Участвовал в заседании памяти Платона в Вольной Философской Ассоциации.

Участвовал в деятельности Исторического института.

Занимался подготовкой создания научно-исследовательского философского института.

Сотрудничал в издательстве З.И. Гржебина и в издательстве «Всемирная литература».

Работал над книгой о блаженном Августине.

Готовил «Историю средневековой философии» для издательства «Огни».

Начал работу и в короткий срок завершил большую книгу «Noctes Petropolitanae».

Родилась третья дочь — Сусанна.

Опубликована статья:

Федор Павлович Карамазов как идеолог любви.

1922

Подготовил переводы нескольких сочинений Платона, Эригены и Николая Кузанского для издательства «Academia» и вошел в состав редакционной коллегии, готовившей издание собраний сочинений этих авторов в переводе на русский язык (ни один из подготовленных Карсавиным переводов так и не был напечатан).

Составил проект о магистерском испытании для религиозно-философского сборника, готовившегося в издательстве YMCA.

16 августа — арестован и через неделю помещен в тюрьму ЧК на Шпалерной улице (Дом Предварительного Заключения), где пробыл более месяца.

Был осужден по статье 57 Уголовного кодекса и приговорен к высылке за границу без права возвращения.

Освобожден незадолго до высылки. Из-за запрета вывозить любые печатные материалы, распространявшегося на всех высылаемых, распределяет между несколькими знакомыми книги из своей библиотеки (часть книг дарит, остальные отдает на сохранение).

15 ноября вечером — после тщательного досмотра агентами ЧК, вместе с группой из сорока пяти высланных (деятелями науки и культуры и членами их семей) садится на немецкий пароход «Preussen»,

следующий в Штеттин. Жена и три дочери Карсавина уезжают из Петрограда вместе с ним.

16 ноября утром — пароход с высланными покидает Петроград.

18 ноября — пароход с высланными прибыл в Штеттин, где их встретили представители германского Красного Креста и сообщили, что всем прибывшим предоставляется право жительства в Германии на неограниченный срок. Карсавин с семьей совершает небольшую прогулку по Штеттину вместе с Н. Котляревским.

21 ноября — вместе с группой высланных Карсавин прибыл на скором поезде (в вагоне третьего класса) в Берлин, где состоялась встреча с высланными ранее представителями московской группы деятелей культуры. Большинство приехавших поселяется в гостиничных номерах, заранее подготовленных для них членами московской группы. Семья Карсавиных занимает одну комнату. Присутствовал на открытии Религиозно-философской академии в Берлине, куда он был приглашен читать курс лекций по средневековой духовной культуре. Сделал доклад о религиозном понимании истории.

1 декабря — избран товарищем председателя Бюро Русского Академического союза в Германии.

3 декабря — выступил с публичной лекцией «Прогресс и христианство» в студенческом зале YMCA.

11 декабря — там же выступил с лекцией «Средневековая культура».

Опубликованы:

книги:

«Восток, Запад и русская идея» и

«Noctes Petropolitanae»;

статьи:

Глубины сатанинские (Офиты и Василиды).

Достоевский и католичество.

О добре и зле.

О свободе.

София земная и горняя. (Неизданное гностическое сочинение).

1923

Жил в Штеглице (Берлин).

Вместе с Н. Котляревским стал учредителем издательства «Обелиск», в котором опубликовал свои книги «Джордано Бруно», «Философия истории» и «Диалоги».

ноябрь–декабрь — ездил с лекциями во Флоренцию и Рим.

Опубликованы статьи:

Европа и Евразия.

Путь православия.

Религиозный социализм в Германии.

La cristianita ortodossa e la rivoluzione russa.

1924

Работал над книгой «О началах».

Постепенно начал сближаться с представителями Евразийского движения.

Выступил с докладом на торжественном собрании в Духовной Академии.

Опубликованы статьи:

Единое на потребу.

О сущности православия.

Krest'anska metafysika a dejiny.

Il popolo russo che nasce.

1925

Активно сотрудничает в евразийских печатных органах. Вошел в состав Политбюро и Совета Евразийской организации.

17 мая — выступил с речью на собрании памяти патриарха Тихона.

Участвовал в собраниях немецкого экуменического союза «Hoch Kirche».

август — ездил в Париж по заданию евразийцев.

Написал рецензию на книгу Н.С. Трубецкого «Наследие Чингисхана».

Опубликованы:

первый том книги «О началах».

Брошюра «О сомнении, науке и вере»;

статьи:

Уроки отреченной веры.

Церковь и Патриарх. (К архиерейскому Собору в Сремских Карловцах).

Der Geist des russischen Christentums.

Philosophie der Geschichte.

Das religiöse Wesen des Bolschewismus.

Der russische geschichtsphilosophische Gedanke.

1926

Выступал с лекциями по истории России и русской церкви перед немецкими студентами в Берлине. Подготовил к изданию книгу А.С. Хомякова «О церкви» с предисловием и комментарием, составленным на основании различных работ Хомякова. По просьбе евразийцев начал писать «Опыт систематического изложения евразийства» — брошюру, в которой изложил основные теоретические положения и задачи евразийского движения.

20 июля — переехал с семьей в Париж и устроился жить в Кламаре.

Подготовил к печати учебное пособие, написанное по заказу Православного богословского института имени Преподобного Сергия — книгу «Святые отцы и учителя церкви. Раскрытие православия в их творениях».

Рассчитывал занять кафедру патристики в Богословском институте, но получил отказ.

декабрь — прочел цикл лекций «Россия и Европа» в евразийском семинаре.

Опубликованы статьи:

Апологетический этюд.

Младороссы.

О педагогике.

Ответ на статью Н.А. Бердяева об «Евразийцах».

Der Christusglaube in der russischen Orthodoxie.

1927

январь — выступал с лекциями о евразийстве перед русской молодежью в Брюсселе и участвовал в нескольких диспутах с монархически настроенны-

ми представителями эмиграции старшего поколения.

Отказался от предложения активнейшего евразийца кн. Д.П. Святополк-Мирского начать преподавание в Оксфордском университете.

Опубликовал брошюру «Церковь, личность и государство».

Ответил согласием на предложение Августинаса Вольдемараса — своего бывшего коллеги по Петроградскому университету, ставшего премьер-министром Литовской республики, — о преподавании в недавно открытом Каунасском университете.

16 ноября — избран ординарным профессором по кафедре всеобщей истории гуманитарного факультета Каунасского университета.

Опубликованы статьи:

Армия и революция. (По поводу книги ген. Ю.Н. Данилова «Россия в мировой войне, 1914–1915 г.», «Слово», Берлин, 1924).

Без догмата.

По поводу трудов Отмара Шпана.

Евразийская идея в материалистической оболочке. (По поводу рукописи «Учение о жизни»).

Об опасностях и преодолении отвлеченного христианства.

Основы политики.

Феноменология революции.

Das Starzentum in der russischen Kirche.

1928

26 января — официально вступил в новую должность.

Переехал в Каунас, но часто посещал Париж, где временно оставались жена с младшей дочерью.

Начал систематические занятия литовским языком.

Продолжал поддерживать связь с евразийцами, способствовал распространению евразийских изданий в Каунасе.

По просьбе евразийцев составил текст письма Пятакову — одному из советских представителей в Париже.

В Каунасском университете начал читать лекции и вел семинары по всеобщей истории (на русском языке).

Опубликованы статьи:

Об актере и театре.

О смысле революции.

Оценка и задание.

Прологомены к учению о личности.

Россия и евреи.

Социализм и Россия. 1.

Три подхода.

1929

Приступил к чтению лекций на литовском языке. Поддерживал контакты с евразийцами; принял участие в выработке «Формулировки 27».

Опубликованы:

книги «О личности», «Istorijos teorija», «Пері фyxѡв» — сжатое изложение по-немецки содержания оставшихся в рукописи второго и третьего томов книги «О началах».

статьи:

Евразийство и монизм.

Евразийство и проблема класса.

Еще о демократии, социализме и евразийстве.

Идеализм и реализм в евразийстве.

Идеократия как система универсализма.

Исторические параллели.

К познанию революции.

О политическом идеале.

Пасха Красная, Пасха.

Политические заметки.

Рождество Христово.

Социализм и Россия. 2.

Старая и новая наука.

Философия и В.К.П. (По поводу статьи А.В. Коженикова).

Europa ir Rusija. Eurazines ideologijos aprašai.

Европа и Россия. (Наброски евразийской идеологии).

Prie Rusu revoliucijos pazinimo.

Das Problem der Lehre von den Engeln (Angelologie).

1930

Начал работать над «Историей европейской культуры» (на литовском языке).

Опубликованы статьи:

Erwagungen über die russische Revolution.

I — Der Sinn der russischen Revolution.

II — Geschichtliche Parallele.

Europa Vitauto Didziojo gadynej.

Istorijos mokslo krize.

Sv. Augustinas ir musu gyvenamas laikas.

1931

Приступил к переводу «Феноменологии духа» Гегеля на литовский язык.

Опубликованы:

первый том «Europos kultūros istorija».

В журнале «Eranus» — «Поэма о смерти».

1932

Продолжал преподавание в университете и работу над «Europos kultūros istorija».

Участвовал в работе Литовского Философского общества.

1933

Перевез в Каунас жену с младшей дочерью.

Согласился принять участие в подготовке материалов для Литовской Энциклопедии и написал некоторые статьи для первого тома.

1934

Подготовил статью для второго тома Литовской Энциклопедии.

Опубликованы:

тома третий и четвертый «Europos kultūros istorija».

статья:

Valstube ir demokratijos krize.

1935

Начал редактировать научный журнал Каунасского университета «Senovė», в котором публиковались научные труды сотрудников университета, а также наиболее значительные из студенческих работ.

Подготовил статьи для третьего тома Литовской Энциклопедии.

1936

Подготовил статьи для четвертого тома Литовской Энциклопедии.

Опубликованы:

первая часть тома пятого «Europos kultūros istorija».

статья:

Lietuvos paleografijos reikalu.

1937

Ездил в Париж.

Подготовил статьи для пятого тома Литовской Энциклопедии.

Опубликована:

вторая часть тома пятого «Europos kultūros istorija».

1938

В университете читал курс лекций по философии истории.

Начал работу над книгой «Введение во всемирную литературу» и над шестым томом «Europos kultūros istorija».

Подготовил статьи для шестого тома Литовской Энциклопедии.

Участвовал в собраниях общества «Культура и смерть».

Выступил на открытии Археологического музея в Каунасе.

1939

Подготовил статьи для седьмого тома Литовской Энциклопедии.

Опубликована статья:

Didzioji Prancuzu revoliucija ir Vakaru Europa.

1940

Переехал с семьей в Вильнюс, куда был переведен университет.

Написал статьи для восьмого тома Литовской Энциклопедии.

1941

Продолжал преподавание в университете.
Читал лекции в Художественном институте и Доме офицеров.
Работал в Художественном музее.
Подготовил статьи для девятого тома Литовской Энциклопедии.

1942

Продолжал преподавание в университете.
Начал работу над книгой, посвященной истории и синтезу мировых культур.
Подготовил статьи для десятого тома Литовской Энциклопедии.

1943

Продолжал преподавание в университете.
Завершил первый и начал писать второй том книги по истории мировых культур.

1944

Большинство университетских коллег Карсавина и русских эмигрантов покинули Литву с отступавшей немецкой армией. Несмотря на это Карсавин остался в Вильнюсе.
Продолжал преподавание в университете.
Завершил работу над вторым томом книги по истории мировых культур.

1945

В университете ведет только курс по истории эстетики.
Назначен директором Художественного музея, но вскоре отстранен от преподавания в университете и уволен из музея. Причиной этого стал публичный отказ Карсавина от участия в выборах в совет-

ские органы власти и резкое осуждение им советской оккупации Литовской республики.

Начал работать над книгой о русской революции. Ездил в Москву, где получил советские дипломы доктора наук и профессора.

Средняя дочь Карсавиных, Марианна, живущая с мужем, П.П. Сувчинским, в Париже, делает попытки разыскать родителей и сестер через французский Красный Крест.

1946

Продолжает работу над книгой о русской революции.

1947

Пишет несколько очерков по философии религии. Пытается установить контакт с дочерью Марианной. Передает ей письмо со знакомым старшей дочери Ирины, ставшим крупным чиновником в новом советском правительстве Литвы. Получает через него же письмо из Парижа от дочери и новые французские философские журналы, переданные П.П. Сувчинским. Вскоре в доме Карсавиных был произведен обыск и переданные Сувчинским журналы изъяты как антисоветские. Ирина Карсавина обращается в НКВД с письмом, в котором объясняет, что журналы, найденные в доме ее отца, были получены ими от живущей в Париже сестры, а также указывает, что сама была инициатором обмена письмами с Марианной, стремясь к восстановлению семейных контактов. Вскоре Ирина Карсавина была арестована.

Карсавин приезжал в Москву и Ленинград, где вел переговоры об издании своих переводов Джордано Бруно.

В Ленинграде встречался с некоторыми из прежних знакомых, а также разыскивал часть своей библиотеки, но не смог добиться ее возвращения. Обращается в различные организации в Москве и Ленинграде с требованием об освобождении дочери.

1949

май — уволен из Художественного института.

9 июля — арестован, содержался в следственной тюрьме МВД в Вильнюсе. Почти весь архив Карсавина был изъят при аресте.

В предъявленном обвинении отмечены участие в деятельности Евразийской организации и подготовка свержения советской власти.

1950

Переведен в тюрьму в Ленинград.

4 марта — приговорен судом к 10 годам лагеря и отправлен с этапом в лагерный пункт на станции Абезь Печорской железной дороги.

Карсавин знакомится в лагере с молодым преподавателем Анатолием Анатольевичем Ванеевым, позже описавшим эту встречу и жизнь Льва Платоновича в заключении в своих воспоминаниях «Два года в Абези».

Написал работы:

Венок сонетов.
Терцины.

1951

Много общается с А.А. Ванеевым, излагает ему основы своих философских построений.

В лагере обостряется приобретенный еще в молодые годы туберкулез.

Написал работы:

О бессмертии души.
Комментарий к «Венку сонетов» и «Терцинам».

1952

Написал работы:

О молитве Господней.
Венок сонетов (окончательная редакция).
Терцины (окончательная редакция).
Краткий комментарий (к «Венку сонетов» и «Терцинам»).

20 июля — умер от туберкулеза.

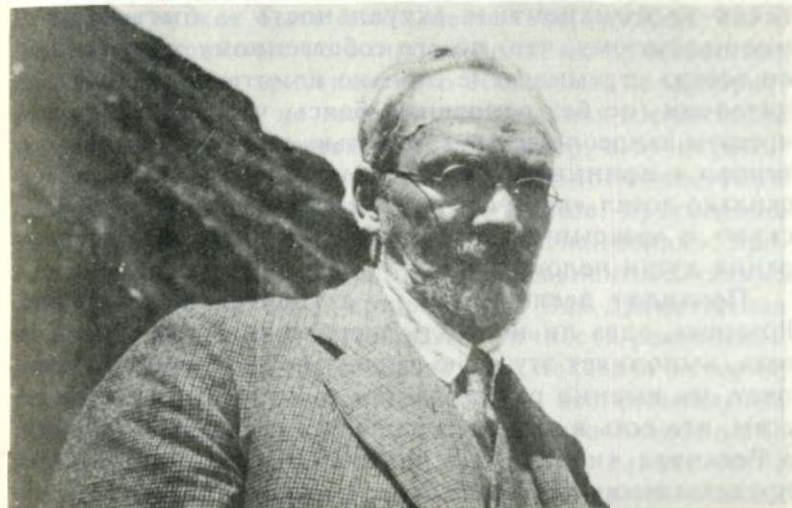
Был похоронен на лагерном кладбище в поселке Абезь в могиле под № П-11. (Могила Карсавина найдена в начале 1990 г.)

Ю. КУБЛАНОВСКИЙ

ОБРЕТЕНИЕ РОЗАНОВА

В.А. ФАТЕЕВ. «В.В. Розанов. Жизнь. Творчество. Личность». Ленинград, 1991. 368 стр. Издание осуществлено за счет автора.

СЕРГЕЙ НОСОВ. «В.В. Розанов. Эстетика свободы». Санкт-Петербург. Издательство «Logos». Дюссельдорф. «Голубой всадник». 1993. 208 стр.

В.В. Розанов. Сахарна (Бессарабия) 1913 г.

Широкая волна публикаций творческого и эпистолярного наследия В.В. Розанова в посттоталитарной России отрадна вдвойне: это и превосходный подарок читателю, убого просидевшему на идеологической диете много десятилетий, и запоздалая, а потому щемящая дань памяти выдающемуся человеку и литератору, скончавшемуся от голодного истощения в Сергиевом Посаде в 1919 году...

В pendant освоению розановского творчества множатся попытки интерпретации и осмысления жизненного и литературного пути писателя. После поневоле краткой,

но дельной брошюры А.Н. Николюкина («Василий Васильевич Розанов. Писатель нетрадиционного мышления». Издательство «Знание». Москва. 1990) — в Санкт-Петербурге выходят объемные книги Носова и Фатеева.

...Свою обстоятельную и добросовестную монографию В.А. Фатеев не раз скромно именует «очерком» и объясняет, что старался «не впадать в односторонность восхваления» и одновременно «избежать тона снисходительного объективизма». «Своеобразие Розанова» однако в том — и тут с Фатеевым, думается, согласится и Носов, — «что нейтральными словами его сущности не передашь». И впрямь: Розанову присуща какая-то имманентная актуальность — быть может, именно потому, что, по его собственному признанию, он всегда стремился не столько влиять на убеждения читателя (не без основания боясь, что «убеждения» чреватые заидеологизированностью, которую Розанов не терпел в принципе, какой бы идеология ни была) — сколько хотел «ввинченности мысли в душу человеческую» и «рассыпчатости, разрыхленности, (...) расширения души человеческой».

Проходят десятилетия — а творческое наследие Розанова, едва ли не столь энергично, как и в начале века, выполняет эту свою задачу: не укрепляет и закаляет, но именно разрыхляет и расширяет душу — со всем, что есть в этом и хорошего и дурного. Вникший в Розанова читатель становится... многомернее, его представления и убеждения лишаются схематизма. Но хорошо, если при этом им удастся избежать двусмысленности, не забыть, что при всей прихотливой свободе, а порой и, прямо скажем, разнузданности, Розанов остро ощущал божественную иерархию бытия: уберечь из его творчества Бога — и оно сразу скукожится, как лопнувший шарик.

Ныне творчеством Розанова многие ученые занимаются не просто прилежно, но даже и — как ни неуместно здесь на первый взгляд это слово — *страстно* именно потому, что оно не остывает во времени и не превращается в упражнение для академических штудий. Одновременно культурная канонизация розановского насле-

дия происходит буквально у нас на глазах; «на его основе, — сочувственно цитирует Фатеев одного из «розановедов», — будет защищена не одна диссертация». Разумеется, творчество Розанова (как и любого подлинного писателя) никак не связано с количеством защищенных по нему диссертаций; это всего лишь трогательная проговорка Фатеева, как раз блестяще защитившего — на основании этой своей книги — кандидатскую диссертацию. Но то, что наследие Розанова — кладезь, из которого можно черпать и черпать, — непреложный факт: всякий найдет там ему созвучное. В Розанове может быть любо не только главное, но и полупериферийное: не вопросы пола, не пристрастная дерзкая критика христианского аскетизма, не колоритное декадентство, не головокружительная интимность в разговоре с читателем, но, например, его «охранительство», борьба с вульгарной социологичностью и либерально-социалистическими клише, драгоценна его глубокая тяга к «литературным изгнанникам», прониновенные о них очерки, его несравненные письма Леонтьеву, Страхову, Гершензону... Вся драматичная напряженная полярность, антиномичность российской жизни (объективно работавшая, как показала история, на роковой и необратимый разрыв) — воспринимались Розановым органично и целокупно, его невозможно представить себе убежденным бойцом какого-либо социального и идейного стана. При всей дани «новым веяниям» Мережковский, например, рядом с Розановым — классический русский интеллигент, сын освободительного движения. Даже в мыслях не позволил бы он себе того, что Розанов с легкостью допускал на бумаге: «Аракчеев есть гораздо более звучащая и более творческая, а следовательно, даже и более либеральная личность, чем все ничтожества (...)» — и тут Розанов называет фигуры из освободительных святцев. А Государь и Клейнмихель, «которые создали Эрмитаж, создали Публичную Библиотеку, создали Академию художеств, создали как-никак 8 университетов (...)» виновны — по Розанову — лишь в том, что не пороли на съездах профессоришек, как следовало бы».

Однако Ремизов не передергивает, когда в «Кукхе» выписывает Розанова скорее «левыми красками»: розановские статьи 1905–06 гг., как и сразу послефевральские, свидетельствуют, что ветерок революции гулял так в голове этого монархиста, писавшего о русских царях так хорошо, как это у нас принято не было.

В 1910 году левые статьи свои Розанов объединил в книгу «Когда начальство ушло». Но тогда же из-под его пера выходила и публицистика ровно противоположного «свойства», которую П.Б. Струве остроумно предложил соединить в сборник под названием «Когда начальство пришло».

«О чем бы я ни писал, — признается Розанов, — (...) о церкви, об обществе, о литературе, по устройству души моей «революция» бежит везде в моих строках и внутренне движет их...».

Но при всем том — утверждает писатель в «Опавших листьях»: «Я понял, что в России «быть в оппозиции» значит любить и уважать Государя, что «быть бунтовщиком» в России — значит пойти и отстоять обедню. (...) Я вдруг опомнился и понял, что идет в России «кутеж и обман», что в ней встала левая причина» (по А.А. Блоку — «либеральная жандармерия» — Ю.К.), завладевшая всею Россиею и плещущая купоросом в лицо каждому (...). И тогда Василий Васильевич «пошел в ту тихую, бессильную, может быть в самом деле имеющую быть затоптанною оппозицию, которая состоит в 1) помолиться, 2) встать рано и работать». («Господа, бросьте браунинги, займитесь библиографией!» — убеждал Розанов.)

Пошел и был затоптан вместе с тою Россиею, которая и впрямь, помолвившись, привыкла приниматься с раннего утра за работу.

...Фатеев не раз указывает в своей монографии еще на одну актуальную для нас в наши смутные времена — черту розановского гения: при всей своей активной публицистической деятельности Розанов остро понимал, что всеобъемлющая «политизация жизни — вреднейшее последствие нигилизма», ведущее «к освобождению ее от религии, поэзии, философии, (...) и

поэтому подлинная культура враждебна политике». Розанов — весь противоречие, но противоречие плодотворное; сама творческая судьба его, кажется, примиряет непримиримое. Так, еще в начале своей творческой деятельности отказавшись от академической карьеры и философии, ушедший в прессу и живший за счет прессы, Розанов тем не менее называл ее «печатной водкой», ощущал, как пресса «толчет души», что журналисты превратились из информаторов — в идеологов, что отдача с потрохами «текучке» грозит личности уплощением.

Традиционное жизненное водительство, учительство, осуществлявшиеся прежде религией и культурой, журналистика подменила более или менее завуалированной идеологической и мировоззренческой вербовкой и агитацией. Творчество Розанова еще и тем прекрасно, что веско перечит этим нивелирующим антикультурным процессам, соприсущим потребительской цивилизации XX века.

...Книга Носова — в отличие от монографии Фатеева — артистичней, эссеистичней, художественней, но, пожалуй, — и приблизительней. Ежели Фатееву более всего дорог сам Розанов и тщательная реставрация творческого мира писателя, то Носову — свои о нем представления. Носов трактует Розанова как панэстета, чьи установки на свободу творчества чреватые вырождением в «вакханалию свободы»: «Мышление Розанова — всецело во власти эстетики».

Безусловно, тут есть доля истины — и немалая. Но так ли это по существу? Сдается, что Розанов был слишком укоренен в отечественных комплексах и традициях, чтобы быть «всецело» эстетом и гедонистом. Конечно, отблески грядущей исторической катастрофы уже зловеще бликовали и на нем и на его современниках, лишая их творчество духовного здоровья. Но глубинно Розанов безусловно устремлен — к правде, к истине, к мечтаемому одухотворенному счастью души, мысли, семьи, России. Закваска «русского мальчика» никогда б не позволила ему довольствоваться только эстетикой наслаждения.

Сами розановские богохульства кажутся не столько шокирующими и болезненными — сколь богохульства Брюсова или Блока, чьи антихристианские выпады имеют свойство с годами становиться все ядовитее. А с Розановым иначе: он богохульствует не из гордыни, а заступаясь за человека и не прощая христианству его «бессилия»: «оно не предупредило ни войны, ни бесхлебицы». Христос — «таинственная Тень, наведшая отошание на всю землю» и т.д. Это не задевает, ибо заведомо пристрастно и словно само ищет опровержения — опровергнешь, и богохульник вместе с тобой обрадуется, а не озлится, в Розанове почти что не было холодного демонизма. Потому-то столь органично вписываются его последние месяцы именно в атмосферу Троице-Сергиева Посада, сколь мало представим Розанов умирающим «где-нибудь в Петрограде».

Наша провинция сформировала Розанова и осталась в нем до конца, она — органичная составная всего его духовного существа...

Об этом свидетельствует, в частности, и превосходный труд Виктора Сукача «Жизнь Василия Розанова, как она есть» (Москва №№ 10, 11, 1991 и №№ 1, 2-4, 7-8, 1992), чья публикация — к вящему огорчению читателей — была почему-то оборвана журналом едва ль не на полуслове...

«Розанов, — заканчивает свою книгу Фатеев, — весь повернут к жизни, к современности, к отдельной личности; он дает читателю мощный толчок для развития собственной мысли, и его время скоро придет».

...История последних лет показала: тоталитаризм так плотно сросся с Россией, что его распад — стал и ее распадом. Но намного драматичней распыления географического — расщепление духовно-сущностного ядра. Наследие Розанова актуально еще и тем, что, в конечном счете, противостоит этому расщеплению.

ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ

Элла КРЫЛОВА*

Апрель

Мгновенный мир для духа не пригоден,
и свет сужает времени зрачок,
вмещающий, как бабочку — сачок,
лишь плоть. Никто от смерти не свободен, —

рассудок ропщет в келье костяной, —
нас ужас принуждает верить в Бога,
и это — унижительней подлога:
не крылья — соглядатай за спиной.

Что возразить? Я тайной не владею,
она владеет мной — нежна, горька, —
так ночью материнская рука
лекарство подает, и что я, где я,

сквозь каменный припоминаю бред;
все дальше, дальше адская коптильня...
Не станет небо исцелять насильно
от зла тебя, и страха в сердце нет,

а есть тоска по Дому, и усладу
одну приемлю от земли больной:
доверчиво раскрыться, как весной —
цветы навстречу солнцу и распаду.

* Биографические данные см. в «Вестнике» № 165.

Снова совесть — мечь самому себе —
в плоть гвоздями впивается изнутри,
но прошлое принадлежит судьбе,
как вспять его ни твори.

Пробиваются тернии сквозь чело,
но из мыслей истину не сплести.
Вот и нет у идущего ничего,
кроме непройденного пути.

Потому что багаж в перспективе теряет вес,
ты уходишь ни с чем или в мир иной,
и редет навстречу воздушный лес,
скрежеща капканами за спиной.

Ты идешь вслепую, как тьма на свет,
из себя, избывшегося до дыр,
к Тому, отсутствие Чьих примет —
самый верный ориентир.

Под твоей стопой уже не болит трава,
не запомнит, чтоб окликать, следов.
И свежа, и нетронута синева
над вавилонами городов.

Гори, гори, восторженный костер,
ликуй и плачь над бездной молодой,
не знаю, кто из братьев и сестер
тебя напоит мертвою водою

и чья тоска отважится вплести
неистовую эту орхидею
в венчальный терн пустынного пути
сквозь оклеветанную Иудею.

Так сердце зарывают в пустоту,
чтоб прорасти звездой изумрудной,
следа, как набирает высоту
день вечного рожденья или судный.

2 апреля 1993

* * *

Нет беднее беды, чем печаль, а пришло к облакам
столько света,
И несметно цветение ветрениц с краю массивов
лесных.

Стебли ветрениц, росших в тени — серебристо-
графитного цвета,
И гораздо лиловей с исподу цветки, чем у всех
остальных.

А на просеке ветром сломало сосну и легла она над
коридором
Темноватым и бархатно-хвойным, со смутным
просветом вдали...

И нарядно пестреет листва с разным чайно-
распаренным сором
Сквозь прозрачные линзы воды снеговой в
углубленьях земли.

Там, за просекой, рубленый дом, терпеливый как эта
природа,
В беспросветную снежную бурю, в бореньях грозы в
вышине,
Как живой человек, этот дом все милей и милей год
от года...

И в открытую дверь залетели на Пасху две маленьких
птицы ко мне.

Это души моих незабвенных родных, похороненных в
крае далеком,
Прилетели взглянуть на меня, посмотреть, как живу
я без них.

И глядела растерянна я на полет их в дому
невысоком,
И боялась движеньем любым испугать непонятных и
чуждых двоих...

Я сидела на низком крыльце, а за лугом темнели в
молчанье
Многих жизней невзрачных святилища, эти
глухонемые дома.
Словно вымерла напрочь деревня, лишь синее в
окнах мерцанье,
Да собаке свистал тракторист Николай, из-за пьянства
сошедший с ума.

Так чего ж я хотела, вполглаза следя за игрой и
бореньем политик?
Этой посланной нам в наказание зимою все чудилось,
дни сочтены,
И донельзя расшатанный мир держит только
какой-нибудь винтик,
И никак невозможно дожить и до черной, сверкающей
грязью, весны.

Что же сделали вы, господа, с нашим родом
несчастливым кулацким?
Он ушел, словно дым в облака, иль в песок снеговая
вода.
Игрунам вашим, говорунам, и политикам вашим
дурацким
Я уже не поверю теперь ни за что. Никогда, господа.
Никогда.

Ночами просила, валясь в забытьё,
А тут стала днями твердить:
«Спаси, сохрани, и помилуй ее,
И дай ей еще пожить!»

Беда ли какая свилась над тобой,
Болезнь ли к тебе подошла?...
Что ж в плаче заходится так надо мной
И пальцы ломает душа?

А там ненаглядная прямо встает
К штакетнику легких ворот,
И, чудится, смотрит на облачный град,
Откуда нейдут назад...

Зеркальное солнце, снижайся сильней:
Отапливать легче жильё...
Грей слабые косточки ясной моей
И старое тело ее...

О вспомни сияние дней восковых,
Стаканчики ранних рассад...
И пар от завалин идет земляных,
И петьки в усадьбах кричат.

Горелые кочки болота кругом,
И лес за протокой в дыму.
И хлебные крошки свои с молоком
Я жадно хлебаю в дому.

Ты помнишь, как наголо стригли меня,
И как я скулила в ночи.
И как мы глядели на блики огня
Тобой разожженной печи?...

Истают, измеркнут в округе снега,
И зорька сойдется с зарёй...
Голубка, что крестная сила стиха,
Когда моя жизнь не с тобой?...

**ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ:
ПУТЬ К САМОУНИЧТОЖЕНИЮ ИЛИ ПРОРЫВ В
БЕССМЕРТИЕ? ***

V

Так что же нам осталось от Маяковского? Во-первых, трагическая судьба — несмоделированная, грубо оборванная, смятая. За два с половиной года до рокового выстрела говорил он, что отдал свой талант «в услужение», и вдруг расправился с ним так, как не расправился бы ни один из тех, кому отдан он был «в услужение». Зачем отдавал — понятно. Зачем уничтожил (т.е. забрал обратно) — тоже в общем понятно, хотя и не совсем. Испуг был налицо, испуг перед не заполненным ничем будущим, перед повторениями. Они уже стали появляться, уже выработалось клише, по которому формовались стихотворные иллюстрации и призывы по поводу того или иного правительственного постановления или юбилея. Постическая машина Маяковского была запущена по прямой как стрела трассе, и десять лет она мчалась по ней без каких бы то ни было отклонений. И вот горячее стало иссякать, стрелка спидометра начала дергаться. Недопустимо было столько лет писать об одном и том же, ничего не теряя, ничем не обогащаясь, ни в чем не раскаиваясь и ни во что не углубляясь. Иссякновение было неизбежно. Но судьба осталась, трагически оборванная жизнь вписалась в общую характеристику времени.

Во-вторых, осталась поэзия, правда, непросветленная, однолинейная, жалующаяся в начале пути, агрессивно-наступательная в зрелые годы, с невиданной, поражающей метафорической системой, настойчиво требующая внимания к самой себе. Символическая многослойность творчества (затекстовая семантика) не

* Окончание. Начало см. «Вестник» № 166.

была известна Маяковскому даже понаслышке. (О чем, в частности, свидетельствует примитивная до невозможности перефразировка блоковских «Двенадцати» в поэме «Хорошо»). Впрочем, в дореволюционном творчестве Маяковского еще можно обнаружить некоторые смысловые слои, углубляющие и усложняющие его позицию поэта-лирика, в пореволюционный период они начисто исчезают.

Однако живописная сила его образной системы такова, что пройти мимо нее равнодушно не сможет никто. Здесь он знал себе цену, и это знание спасает сейчас его поэзию от забвения. Не случайно он выбирал себе в собеседники то Пушкина, то Лермонтова: им он жаловался — общей для всех поэтов жалобой на непонимание, недостаток внимания. Современников же своих он, не задумываясь, блистательно и зло назвал «бандой поэтических рвачей и выжиг»; он понимал, что они-то не верят в сочиняемую ими мифологию.

И еще третье качество досталось (и осталось) нам от Маяковского: неистовый, все сметающий прорыв в будущее (эпоха его бессмертия) именуется им так: «коммунистическое далеко». В него он жаждет попасть, прорвав «громаду лет» и предъявив в виде мандата поднятые «как большевистский партбилет» «все сто томов» своих «партийных книжек».

Что это такое — все эти коммунистические дали, партбилеты, партийные книжки? Он всерьез верит в эту трескучую риторику? Он не видит того, что происходит вокруг? Что народ попадает в кабалу? Или он принимает эту кабалу за великое, наконец-то наступившее освобождение? Он не чувствует, что сам своим энтузиазмом содействует не освобождению, а закабалению? Увы, на все эти вопросы придется дать положительный ответ: да, верит в риторику, не видит закабаления, не чувствует, что сам участвует в преступлении.

А теперь зададим вопрос себе, вопрос непростой, может быть, самый важный для понимания не одного Маяковского, а того феномена в целом, имя которому — русский авангард XX века, вопрос такой: а мешает ли нам вся эта риторика и эта слепота восхищаться

силой образного мышления, то есть все той же пресловутой художественной стороной таланта? Ответим, положив руку на сердце: нет, не мешает. Вернее, так: мешает, конечно, но не очень. Мы ведь тоже дети своего времени и давно уже научились отделять одно от другого и далеко не всякому верить безоговорочно. Личность художника вторгается в наше сознание всею силою своего обаяния, отодвигая на задний план моменты злободневные и даже политические. Ведь и Родион Раскольников, этот предшественник всех российских террористов-подпольщиков XX века, подготавливая убийство старухи-процентщицы, т.е. дело уголовное, наказуемое не из каких-то высоких соображений, сохраняет для нас, в нашем представлении, всю свою интеллектуальную мощь, всю силу своей «убийственной» логики и своих аргументов, наконец, всю заманчивость и оправданность своих мечтаний. И мы действительно не видим в нем преступника — ни до, ни после убийства.

Очевидно, уже в эпоху Достоевского стало возможным отделять поступки от мотивов, действия от спровоцировавших их импульсов. Так и в Маяковском: отделяем и восхищаемся, несмотря ни на что, как восхищались им Юрий Олеша, Мейерхольд, Дмитрий Шостакович, В. Плучек и другие. Отдаем должное силе его художественного воображения. И одной способностью принуждать поэзию этого не объяснить, поэзию нельзя просто так заставить служить трескучей риторике, даже если сам веришь в эту риторику свято.

Как видно, нужна была не только вера, но еще и тоска — глубинная, душевная — по справедливому и благополучному устройству, которое он и окрестил, в соответствии с принятым на себя в 1918 году обязательством, «коммунистическим далеко». Тоска и родила веру.

Это не было «сползание» от индивидуализма «к коллективизму», как выразился недавно Василий Аксенов,¹⁴ такая терминология тут не подходит. Он просто поверил в то, что уничтожение личности, порабощение ее массой, коллективом, угасание частного при торжестве общественно-государственного — что все это

принесет свои результаты: облагородит человека, укрепостит его внутренний мир, сделает его величественным.* Он не был тут одинок и опирался на основания, к которым стоит присмотреться.

Не так ли, как верил Маяковский, верят люди вообще, или целый народ, или, наконец, верит человечество — то в библейскую землю обетованную, то в христианский рай, то в существование Шамбалы или Китеж-града? И вот отправляются странники на поиски этого чаемого рая, самого заветного уголка на земле, терпят бедствия и лишения, теряют в пути товарищей, проливают свою и чужую кровь в столкновении с встречными ордами или племенами, но вера не угасает, она ведет и ведет людей. И нужны столетия и большие жертвы, чтобы поняли люди, что рай может быть сотворен только собственными усилиями; что райская жизнь — не упавшее с неба блаженство, а дело твоих собственных рук.

Так и в вере Маяковского было что-то недостижимо (но и упрощенно) общечеловеческое, символически обобщенное, народно-непререкаемое. Конкретные формы его представлений о будущем были агитационно-примитивны (например, «Мистерия-Буфф»), хотя по своему притягательны. Недаром они увлекли Мейерхольда, который, ставя «пьесы» Маяковского, решал не только формальные задачи.

Не был далек Маяковский и от представлений о будущем как об идеальном тоталитаризме, когда некая политическая общность, скажем, государство, берет на себя общую заботу о личности, сводя практически на нет заботы самого человека о себе. В этой вере также было нечто исконно русское, наше, домашнее, идущее от веры в царя-батюшку, в барина, который вот-вот

* Наивность его действительно была беспредельной, а убежденность в том, что события жизни и человеческие чувства можно вызвать к жизни силой, — безграничной. См., например, в стихотворении «Юбилейное» (1924): «Пынце напи перья — пыток да зубья вил, — битвы революции посерьезнее «Полтавы», а любовь пограндиознее онегинской любви». Впрочем, здесь, возможно, была не столько убежденность, сколько желание убедить себя, что все именно так и обстоит.

приедет и справедливо всех рассудит. Обратим внимание: нигде в стихах Маяковского нет обращения к частному человеку, нет призывов самому устраивать свою судьбу, а есть только воспевание общих усилий, направленных на получение общих же благ. Почти нет *я, мне, моему*, а только *мы, нас, наше*. Он убежден в том, что не одному человеку, не ему лично, поэту, а всему человечеству откроется «за горами горя» «солнечный край непочатый». И «горы горя», и «солнечный край» — понятия неизбежно абстрактные, в них отсутствует частная судьба; это линия, берущая свое начало в том идеально-тоталитарном устройстве общества, о котором было заявлено впервые в сочинении Томазо Кампанеллы «Город Солнца». Рассказ мореплавателя об идеальном устройстве виденной им общины, где ликвидирована частная собственность, а все жизненные отправления регулируются интересами общины, во главе которой стоит каста ученых-жрецов, стал отправным моментом для многочисленных коммунистических утопий XVII–XX веков. В мечтаниях Маяковского, как это ни странно, можно отыскать много совпадений с утопическими построениями Кампанеллы. Не «душевный город» Гоголя, не «Невидимый Град» А. Белого и не «Новый Град» Г.П. Федотова видит он впереди, а именно *Город Солнца*. Интерес к Кампанелле в пореволюционные годы в России вообще обостряется, что совершенно естественно. Весной 1920 г. в Петербурге по инициативе А. Белого состоялось специальное заседание Вольной философской ассоциации на тему «Солнечный град», с подзаголовком: «Беседы об Интернационале». Во вступительном слове и докладе Андрея Белого подчеркивалась актуальность построений Томазо (Фомы) Кампанеллы для нынешнего момента мировой истории. Белый прямо связывает идеалы Кампанеллы «со всей линией истории социализма».¹⁵ Летом того же 1920 года впервые подходит к «солнечной» теме Маяковский в стихотворении «Необычайное приключение...», после которого символ солнца прочно укрепляется в его сознании как символ не только света, но и добра, тепла, устойчивого и активного благополучия.

И только Евгений Замятин в своей гениальной антиутопии «Мы» (созданной в том же 1920 году), отвечая Маяковскому, наглядно показал, к чему может привести безудержное восхваление коллективного сознания при полном подчинении его идее единого государственного блага. Солнечный город Замятина жестоко разоблачает саму идею «солнечного града», как идею приоритета общественного блага. Роман Замятина, таким образом, противостоит не только «150 000 000», но и всей концепции «коммунистического далека», утверждавшейся Маяковским.

Однако, ее может оправдать ее самый общий — символический, нерасчлененный — характер, который свидетельствует о ее фольклорном происхождении. Кроме того, наивная догматическая «религиозность» Маяковского 20-х гг. вполне соотносится с той христианской символикой, которая так обильно представлена в его дореволюционном творчестве. Там он лишь мысленно видел «идущего через горы времени, которого не видит никто», сейчас он увидел его воочию, изобразил его приход именно как явление мессии, призванного историей изменить мир (поэма «Владимир Ильич Ленин»).*

* См. чисто новозаветное по духу строение фразы о рождении вождя революции: «По всему по этому в глуши Симбирска родился обыкновенный мальчик Ленин». То есть, родился не Володя Ульянов, а уже готовый мессия — «мальчик Ленин» (ср: «Христос-Младенец»). Прямых библеизмов нет здесь, но стиль мышления говорит сам за себя. Столь же многозначны строки, посвященные получению известия о кончине Ленина — тут уже всю господствуют интонации Апокалипсиса: «Потолок на нас пошел снижаться вóроном. Опустили головы — еще нагни! Здрожали вдруг и стали черными люстр расплывшихся огни». Маяковский описывает горе, какого не видел мир, это почти что новая Голгофа: «Мысли смесались, голову мнут. Кровь в виски, клокочет в вене: — Вчера в шесть часов пятьдесят минут скончался товарищ Ленин!» Произошло всемирное бедствие, день кончины вождя революции «векам войдет в тоскливое преданье». И сам поэт выступает в весьма колоритном свете: его готовность поверить и следовать имсет совершенно апостольский характер.¹⁶ Некогда взявший на себя роль «предтечи», Маяковский преображается в апостола. В его натуре жила твердая жажда подчинения, приобщения к чужой, более сильной воле.

Там он отвергал и разоблачал несправедливые условия существования, сейчас он показывает торжество новых отношений между людьми, построенных на справедливых принципах (поэма «Хорошо!»). Шагнуть в новый мир оказалось куда как легко и просто. Сам поэт сделал этот шаг в 1918 году, сделал его стремительно, сразу. И вот здесь надо сказать, что самым его поступком было предустановлено участие Маяковского в том грандиозном обмане, который на деле, а не на словах, устроила народам бывшей царской империи советская власть. Это был грандиозный, всеобщий, тотальный, охвативший все слои общества и социальные группы, обман. Одни обманули сами себя, другие были обмануты. Но заплатились за этот обман все. Произошла историческая катастрофа, в причинах которой мы начинаем разбираться только сейчас. Не всемирный заговор «левой интеллигенции» «против России» (ибо такого заговора не было, о чем пишет в рецензии на книгу Кестлера «Слепящая тьма» критик М. Злобина),¹⁷ а именно обман и самообман. Искренне, не задумываясь о последствиях, Маяковский принял участие в этом неблагородном деле, объективно приняв на себя роль соучастника в преступлении. Не обладая он огромным литературным талантом, вина его была бы не столь велика. Он не перестал быть гениальным поэтом (что видно и по таким его стихам 20-х гг., как «Разговор с фининспектором о поэзии», «Стихи о советском паспорте» и мн. др.), но его гениальность служила теперь не делу раскрепощения личности, а делу ее государственного закабаления. Он и сам стал государственным поэтом, но именно поэтом, а не кем-нибудь иным.

Но он должен быть оправдан перед судом истории, потому что не корыстные интересы руководили им, а тот бездумный максимализм, который неизбежно приводит к трагедии (как это случилось до Маяковского с Блоком, а затем с Есениным). Еще в 1940 году Б.М. Эйхенбаум назвал позицию, занятую поэтом Маяковским по отношению к действительной жизни, «рискованной». Он был прав: сейчас мы без особого труда усма-

триваем именно в характере этой позиции истоки той драмы, которая разыгралась весной 1930 года.

VI

Не только не разделяя усилий Маяковского по внедрению нового понимания искусства, но отвергая само это понимание, Пастернак создает в противовес Маяковскому поэтическую формулу, гениальная диалектика которой несет в себе и иное понимание искусства — на все времена, вечное и незыблемое, не подверженное воздействию никаких концепций и устремлений. Художник, по мнению Пастернака, «вечности заложник у времени в плену».* Словно в горсть собрал здесь Пастернак многочисленные литературные манифесты, (главным образом, двадцатого века), все декларации, призывы, постановления и обращения, одним словом, весь конгломерат суждений об искусстве, высказанных в наше беспокойное время, сжал их гениальным сжатием, выделил из них извечную сущность поэзии и художника, а все остальное отбросил в небытие. Формула Пастернака, полемичная по своей сути, рождалась (несмотря на то, что была создана в 1956 г.), преимущественно под впечатлением литературных полемик начала века; она подвела итог тому времени, когда искусство, выйдя на улицу, на площадь, в аудиторию, придя в соприкосновение с миром уличных страстей, оказалось под гнетом самых разных экспериментаторских набегов. Сходные творческие устремления стали складываться в направления, школы, течения, каждое из которых немедленно заявляло о себе шумной декларацией. Декларированность искусства и побудила, видимо, Пастернака попытаться отыскать такую формулу, от которой исходили бы все начала и в которой сходились бы все концы, формулу абсолютного свойства и идеального выражения. Пастернак не отменяет одно направление во имя другого и не отдает предпочтения одной концепции искусства

* См. стихотворение «Ночь» (1956) из цикла «Когда разгуляется».

во имя другой. Его двустороннее отменяет сами концепции и направления, дает реальную точку отсчета, которая помогает судить об эволюции и ценности каждого (и каждой) из них во времени. Плен во времени, но заложничество в вечности.

Маяковский подобной формулы для себя не нашел и найти не смог бы. Его отношения с «вечностью» и «временем» имеют запутанный, противоречивый характер. Он скорее мог бы себя посчитать заложником времени у вечности в плену. Правда, утверждая ценность сиюминутного, временного, подчиняя именно этой ценности свое искусство, сам он не слишком склонен довольствоваться набором им же санкционированных категорий. Его лично больше привлекает именно вечность, то «коммунистическое далеко», в котором он и обретет бессмертие, в которое он мечтает попасть не только сквозь «громаду лет» и «через хребты веков», но и «через головы поэтов и правительств». Позволительно спросить: каких именно правительств, не тех ли самых, в услужение которым он отдал свой поэтический гений? В этой лазейке, может быть, и скрывается «главный» Маяковский — Маяковский-поэт, несравненный гений, знающий себе цену, имя которой — бессмертие.

Противоречие это не было осознано Маяковским, оно лишь исподволь разлагает незыблемую, казалось бы, позицию.

Еще раз напомним: максимализм в искусстве чреват трагедией, — вспомним Блока. К тому же, если блоковский максимализм есть своеобразный вывод, подготовленный сложными размышлениями и сопоставлениями, то максимализм Маяковского никаким выводом признан быть не может. Он не питался системой историософских сопоставлений, он есть явление странного свойства, некое общее состояние не только души, но и «организма» в целом, которое хорошо отражает общее ненормальное состояние того времени. *Органический максимализм* Маяковского характеризует, прежде всего, общий нравственный уровень эпохи, требовавшей не «всего или ничего», а именно и только

всего, но не подозревавшей, что требование «всего» таит в себе одну возможность — неполучения «ничего». Особенно, если это «все» требуется сразу.*

Политический максимализм как состояние души и организма, — пожалуй, в этом также кроется важнейшая особенность мироощущения Маяковского. Тот усредненный уровень сознания, на который он ориентировался, и который в конце концов стал его собственным уровнем, был настолько ниже его особенностей и способностей как творческой личности, что рано или поздно он сам должен был это ощутить, восстать против самого себя и — либо отказаться от себя прошлого, либо оказаться в тупике. Вступление к поэме «Во весь голос» и есть восстание против самого себя, есть попытка утвердить свое «Я» не как часть «Мы», а уже как некую самостоятельно значимую ценность. И вот здесь, став не на принужденный, а на более или менее естественный путь поэтического самовыражения, Маяковский достигает небывалой высоты. (Хотя, добавлю в скобках, это восстание было «бунтом раба» — не за изменение, а лишь за «улучшение» условий существования).

Показательный пример — случай, рассказанный В. Полонской в ее воспоминаниях. В конце февраля 1930 года Маяковский был в клубе театральных работников. Его попросили прочитать поэму «Хорошо!». В ответ последовал отказ с таким обоснованием: «...сейчас не время читать поэму «Хорошо!». И далее В. Полонская пишет:

«Он прочитал вступление к поэме «Во весь голос». Прочитал необыкновенно сильно и вдохновенно. Впечатление это чтение произвело необыкновенное».¹⁸

Таким образом, зимой 1929–1930 года в сознании Маяковского уже четко обрисовалось противостояние

* См., например, чудовищное «Письмо Татьяне Яковлевой» (1928 г.), в котором содержится требование, чтобы состояние любовного экстаза каким-то непонятным образом овеивалось «красным цветом» «республик». «В поцелуе рук ли, губ ли, в дрожи тела близких мне, красный цвет моих республик тоже должен пламенеть». Очень показательны здесь союз «тоже». Это был предел отчаяния, за которым неизбежно должно было наступить падение.

этих двух вещей — «Хорошо!» и «Во весь голос». И при этом «Хорошо!» осталось в прошлом. На первый план выступила поэма «Во весь голос» с господством местоимения «Я» и жаждой личного бессмертия. Открывался новый, третий этап в творческом развитии Маяковского, которому, однако, не суждено было состояться. Слишком долго он «себя смирял, становясь на горло собственной песне». Он уже привык (сам приучил себя) к ошейнику и свободный бег был ему теперь не по силам. И хотя он уже не хочет себя смирать, «становясь на горло» песне, ничего другого он делать уже и не может. Время упущено безвозвратно.

В. Полонская далее свидетельствует: «Легче всего было бы сойти с позиции советского агитатора и бойца за социализм. Маяковский этого не сделал». Мемуаристка заблуждается: сделать это было не легче всего, а, пожалуй, труднее всего. Может быть, даже и невозможно. Поэтому он этого и не сделал. Но само по себе признание — чрезвычайной важности: перед Маяковским как будто забрезжил выход на Сенную площадь, целование земли, раскаяние. Ибо что мог означать для него отказ от «позиции советского агитатора и бойца за социализм»? Отказаться от прошлого — и значит раскаяться в нем, признать свое поражение. Судя по тексту Полонской, возможность подобного исхода Маяковским обсуждалась. И если это так, если размышления на тему отказа имели место, то и вся картина исторической и литературной судьбы поэта Владимира Маяковского меняется в корне.

Но отказа не произошло, модель судьбы, данная Достоевским в образе Родиона Раскольникова, воспроизведения не получила. А как была бы заманчива для нас сейчас обрисовавшаяся перспектива отказа и выхода (теперь уже полностью) к самому себе, к своему «Я», без всяких общих памятников! У Достоевского движущийся (эволюционирующий) герой движется в застывшем времени. Такова была авторская установка. В случае с Маяковским дело обстоит наоборот: застывающий «герой» застывает в движущемся времени. 1929-й год действительно стал «годом великого перелома».

Глухой и слепой к времени и обстановке, в которой он находился, Маяковский к концу 20-х годов начинает как будто что-то слышать и видеть.* Склонный к мифологизации действительности, он сталкивается с этой же самой действительностью в ее отнюдь не мифологизированном обличье. Он еще продолжает верить, но что-то в его отношении к миру советской действительности пошатнулось. Отказ в заграничной визе в 1929 году, запрещение к постановке пьесы «Баня» (очень обескуражившее Маяковского), наконец, провал выставки «20 лет работы», на которую не пришел никто из поэтов и никто из членов правительства (пригласительные билеты были посланы Маяковским в самые правительственные верхи), изъятие из всего тиража журнала «Печать и революция» портрета Маяковского с приветствием ему в связи с 20-летием его творческой работы (о том, как варварски производилось изъятие, рассказывал автору настоящих строк проф. Ю.Г. Оксман, посетивший в тот день редакцию журнала),** — все это не могло не насторожить. Изменение времени стало приобретать заметные формы; обвинения Маяковского в «попутничестве» стали приобретать все более жестокие формы. Вопрос о том, что же делать дальше, о чем писать, что восхвалять, а что разоблачать, не мог не встать и перед Маяковским. Он и встал перед ним, обозначив 1929-й год как веху и в его личной судьбе. Само возникновение проблемы отказа от роли поэта-агитатора было, как можно предположить, ответом его на общее изменение времени (об этом же пишет и В. Полонская). Что-то он все-таки уловил, граница перед ним обрисовалась, но перейти ее он уже не смог. Пути вперед не было, хотя он и до сих пор не понимал, что непонятного в жизни больше, чем понятного и ему казалось, что он-то понимает все. В своем

* Это мое «как будто» тоже очень относительно. Вот факт: в январе 1929 года Маяковский выступал в Харькове в клубе ГПУ с чтением отрывков из пьесы «Клоп».¹⁹ В клубе ГПУ — чтение «Клопа»! Более нелепой ситуации и придумать нельзя.

** Это произошло в первых числах апреля 1930 г., портрет был вырезан по распоряжению зав. Госиздатом.

застывшем величии горлана-главаря и поверившего в свою выдумку мифологизатора он невольно стал возвышаться над мельчающим временем, он переставал вписываться в те сужавшиеся рамки, в которых отныне должно было пребывать искусство. История с «Баней» (вещью действительно слабой, но созданной на пафосе и энтузиазме) наглядно показала это. Он уже начинал основательно мешать людям, он явно пережил себя и был теперь не ко двору. Кажется, он начинал понимать и это. И 14 апреля 1930 года он освободил своих будущих палачей от еще одного преступления. Пробуждавшееся сознание стало одолевать бездумный пафос. И смерть его сама обозначила этап в истории советского тоталитаризма, который, освободившись от назойливого пропагандиста, стал заметно набирать силу.

VII

То, что Маяковского не изъять из поэтического процесса XX века, прекрасно понимали уже его современники, на глазах которых прошел его жизненный и творческий путь. Загадку Маяковского пытались решить и Мандельштам, и Цветаева, и Ахматова, и Пастернак. Не каждый из них отчетливо видел, с каким трудом давалась Маяковскому его позиция, как настойчиво приходилось ему себя «смирять», «становясь на горло» «песне». Но все они понимали, что перед ними явление исключительное, требующее не огульного отрицания, а понимания и истолкования.

Наиболее резким (излишне рационалистическим) было отношение к Маяковскому со стороны Осипа Мандельштама. Развернутую характеристику Маяковскому Мандельштам дал задолго до кончины Маяковского в двух статьях — «Литературная Москва» (1922) и «Буря и натиск» (1923). Точно и емко определил он в первой из них сущность метода Маяковского и то противоречие, которое образовалось между изысканной поэтикой образованного футуриста и самоочевидностью содержания. Причиной возникновения этого противоречия

Мандельштам считает насилие, совершенное Маяковским над поэзией. «Великолепно осведомленный о богатстве и сложности мировой поэзии», он, по мнению Мандельштама, «основывая свою «поэзию для всех», должен был послать к черту все непонятное, то есть предполагающее в слушателе малейшую поэтическую подготовку». Однако «совсем неподготовленный (слушатель) совсем ничего не поймет, или же поэзия, освобожденная от всякой культуры, перестанет вовсе быть поэзией...» Вот тут и возникает противоречие, о котором речь шла выше: «Маяковский же пишет стихи и стихи весьма культурные: изысканный раешник, чья строфа разбита тяжеловесной антитезой, насыщена гиперболическими метафорами и выдержана в однообразном коротком паузнике». В результате создается парадоксальное положение, при котором «Маяковский обедняет самого себя». Приоритет «содержания» над «формой» (т.е. «идеологии» над «поэзией») сыграл, по мнению Мандельштама, роковую роль в судьбе Маяковского. Характер этой роли Мандельштам показывает во второй статье, где говорит о поэзии Маяковского как о «наглядном методе» обучения масс «здравому смыслу». Заслугу Маяковского он теперь иронически видит в «поэтическом усовершенствовании школьного преподавания, — в применении могучих средств наглядного обучения для просвещения масс». Как и прежде, Мандельштам отмечает «силу и меткость языка» Маяковского, которые сближают его с «традиционным балаганным раешником», однако, не это теперь главное в Маяковском. Главное в нем другое: «великий реформатор газеты, он оставил глубокий след в поэтическом языке, донельзя упростив синтаксис...» Обобразив самого себя, Маяковский превратился в школьного преподавателя, оруduющего наглядным методом для внедрения «заранее известных истин в детские головы», — таков приговор Осипа Мандельштама.²⁰ Больше к Маяковскому он не обращался, — интерес был утрачен.

Более сложное явление увидела в Маяковском Марина Цветаева. Внутренняя настороженность и активность ее натуры позволила ей увидеть в нем родственное себе

явление. Ее не испугали ни тот напор, с которым вел себя Маяковский в жизни, ни его громкий голос, ни общедоступность проповедуемых им истин. Груз гениальности, не находящей исхода, или находящей, но в ином направлении, одинаково испытанный и Маяковским, и Цветаевой и послуживший, как можно полагать, одной из причин их преждевременной гибели, делает их фигурами близкими, а для исследователя сопоставимыми. Гнетущей, не востребованной тяжести (не отторгнутой) гениальности не испытал, пожалуй, никто из поэтов двадцатого века в такой степени, как Маяковский и Цветаева. Отсюда и отношение ее к нему. С ним можно было (и стоило) вступить в единоборство, а это было то качество, которое ценила Цветаева в людях превыше всего. Она видит и понимает, на какое грандиозное дело отважился Маяковский, поставивший целью изменить и представление о поэзии, и саму поэзию, и ее назначение в обществе (в новом обществе). Ей чужды принципы, насаждавшиеся Маяковским, хотя сам реформаторский пафос его ей понятен и даже, пожалуй, близок. История не властна над искусством, которое существует, оставаясь искусством, во все времена само по себе — вот исходный тезис эстетики Цветаевой²¹ (перекликающийся с некоторыми высказываниями и Маяковского). С этих позиций она и обращается к Маяковскому. Он для нее — данность настоящего момента, с которой надо считаться, — в этом позиция Цветаевой отлична от позиции Мандельштама. Маяковский, пишет она, «сплошь мажорен, ударен и громогласен». И это не оценка, а констатация факта. И она не отмахивается от существа позиции Маяковского, неприемлемой для нее, она видит тут серьезные основания для полемики. Казалось бы, о чем можно полемизировать, когда искусство низводится до положения служанки существующего социального строя, но, видимо, самим характером своего поведения и своей одаренности Маяковский вынуждал считаться с собой, — ведь за его спиной оформлялась, пусть ложная, демагогическая, но идеология целой эпохи. И Цветаева поняла это. В двух своих статьях — «Эпос и лирика современной России» и

«Искусство при свете совести» (обе 1932 г.) она видит главным объектом своим Маяковского. И это не просто полемика, это исследование характера данной одаренности, которая и порождает вполне определенную позицию. У Цветаевой, с ее героизмом обреченности как главным мотивом мироощущения и творчества, эта позиция вызывает яростное сопротивление, хотя при этом поэт (Маяковский) остается поэтом. Адресуясь непосредственно к Маяковскому, она пишет: « (...) если хочешь служить Богу или людям, вообще хочешь служить, делать дело добра, поступай в Армию Спасения или еще куда-нибудь — и брось стихи.

Если же песенный твой дар неистребим, не льсти себя надеждой, что — служишь, даже по завершении Ста Пятидесяти Миллионов. Это только твой песенный дар тебе послужил, завтра ты ему послужишь, то есть будешь отброшен им за тридевять земель или небес от поставленной цели».

С точки зрения борьбы в Маяковском идеи служения и творческого порыва Цветаева и обследует его судьбу. Ей кажется, что ему удалось на время смирить себя, наступив «на горло собственной песне», но сама «песня» — сущность и неубиваемость поэтического дара — продолжала подспудно жить в нем, и она-то резко заявила о себе в последнее мгновение. Его стремление поставить поэзию «в услужение» делу (правительству, партии, идеологии) есть, согласно Цветаевой, *победа поэзии*, но не «дела», и не победа также и *над* поэзией. И вот ее приговор: «Двенадцать лет подряд человек Маяковский убивал в себе Маяковского-поэта, на тринадцатый поэт встал и человека убил... Прожил как человек и умер как поэт».²² Окончательная и бесповоротная победа поэта над человеком и поэзии над служением — вот в чем видит Цветаева смысл судьбы Владимира Маяковского. Диалектика ее размышлений такова, что она уравнивает обе эти сферы, обе стороны деятельности и натуры Маяковского — сферу «поэта» и сферу «человека», хотя проходит мимо другого аспекта — победы над поэтическим словом, которую безусловно одержал Маяковский.

Ни эстетическая позиция, ни его идеологические претензии не интересовали, похоже, Анну Ахматову. Она не делила Маяковского на «поэта» и «человека». Она увидела в нем огромное явление и все ему простила.* Без обиняков она сказала о нем: « (...) безусловно, гений, не великий поэт, но великий литературный новатор, террорист, чьи бомбы взрывали старые структуры».²⁴ Маяковский всегда для нее только поэт, даже когда он «человек».

Судя по записям Лидии Корнеевны Чуковской, Ахматова много и напряженно размышляла над проблемой Маяковского и его судьбой. Он был для нее явлением большим и значительным, но в первую очередь — явлением поэтического «свойства». Об этом свидетельствует главное ее произведение — «Поэма без героя», о центральном персонаже которой, наряженном «полосатой верстой», она сама сказала, что он всегда был «Поэтом вообще», «Поэтом с большой буквы», и, сказав это, неожиданно в скобках написала: «чем-то вроде Маяковского».²⁵ Дважды я обращался к этой проблеме, пытаясь постичь логику восприятия Анной Ахматовой Маяковского.²⁶ И, кажется, готов констатировать, что постичь эту логику не удастся никогда.

Восприятие Маяковского исключительно как художнической личности, потерпевшей поражение в схватке с самим собой, т.е. с теми задачами, которые он перед собой ставил опять же как поэт, и определило, я ду-

* Не совсем понятны слова Ахматовой о Маяковском, приведенные в воспоминаниях Анатолия Наймана: «Он все понял раньше всех. Отсюда «в окнах продукты, вина, фрукты», отсюда и такой конец».²³ Что именно *все* понял Маяковский, да еще *раньше всех*? Из контекста высказывания можно сделать вывод, что он раньше других увидел происходящее как грандиозный спектакль, который разыгрывала советская власть на территории огромной страны, и, поняв это, сам включился в игру. Но, во-первых, это очень сомнительно и не вытекает из характера деятельности Маяковского в 20-е годы. А во-вторых, не вытекает и из общего контекста высказываний Ахматовой (их немало) о Маяковском, сделанных в разные годы. К сожалению, мемуарист не решился прокомментировать это — очень ответственное — высказывание, хотя другие, гораздо менее значительные реплики обильно пересказываются.

маю, отношение Ахматовой к нему. Но в конце концов даже и не это важно. Вполне допустимо и отсутствие каких-либо выраженных причин. Просто поэт, гениальный новатор, в каких-то важных моментах творчества (но и судьбы!) воплотивший некую извечную (метафизическую) сущность поэта и поэзии. Другие поэты также присутствуют в поэме Ахматовой — Блок, Гумилев, Князев, Кузмин, Мандельштам, прослушиваются отголоски «Петербурга» А. Белого, но это материал, лежащий на периферии основной темы, того Гимна Поэту и его всемогуществу, которым, собственно, и является «Поэма без героя». Героя нет, но он все же есть, он незрим, безымян, но он присутствует своей извечной сущностью, в основе которой лежат абсолютная свобода, вседозволенность и безгреховность. За все эти привилегии Поэт платит дорогой ценой — своей (а не чьей-нибудь) судьбой. Многолетние наблюдения Ахматовой над судьбами современных ей поэтов позволили ей сделать выжимку крепчайшего «настоя».

Сколько гибелей шло к поэту,
Глупый мальчик, он выбрал эту, —
Первых он не стерпел обид,
Он не знал, на каком пороге
Он стоит и какой дороги
Перед ним откроется вид...

Это сказано о Князеве, застрелившемся (согласно ахматовскому сюжету) на пороге квартиры актрисы Глебовой-Судейкиной, но здесь прослеживается (текстуально, как я показал) и Маяковский; сказанное может быть отнесено также к любому поэту русского XX века.

Летом 1940-го года Борис Пастернак, много и напряженно размышлявший в течение всей своей жизни о положении художника в мире (в современном мире, в частности, в мире советской действительности), уже создавший свой знаменитый цикл «Художник» (сборник «На ранних поездках», 1936–1944), пишет письмо Анне Ахматовой, где, поздравляя ее с выходом в свет сборника стихотворений «Из шести книг», первого после восемнадцатилетнего перерыва, с восторгом восклицает:

«Дорогая Анна Андреевна! Давно мысленно пишу Вам это письмо, давно поздравляю Вас с Вашим великим торжеством, о котором говорят кругом вот уже второй месяц. (...) едва показавшись, Вы опять победили. Поразительно, что в период тупого оспаривания всего на свете Ваша победа так полна и неопровержима».²⁷

Зимой того же 1940-го года Ахматова приступает к работе над «Поэмой без героя». Утверждая величие и мощь поэтического дарования, она пишет о Поэте:

Существо это странного нрава,
Он не ждет, чтоб подагра и слава
Впопыхах усадили его
В юбилейные пышные кресла,
А несет по цветущему вереску,
По пустыням свое торжество.

Торжество Поэта есть торжество поэтического слова — над временем, средой, эпохой. Этими качествами и привлек Ахматову Маяковский, хотя конкретную поэтическую форму общей идеи Поэта подсказал ей Пастернак. Он же мог укрепить ее в сознании неподвластности поэта ни славе, ни почетным креслам. Ведь он сам в том же цикле «Художник» утверждал:

Чтоб ему почет и слава,
Место в мире и молва
В миг, когда дыханьем сплава
В слово сплочены слова?

Подвластный исключительно силе вдохновения, Поэт (Художник) исключает из обихода все «земные» связи и опосредования. Однако, если Пастернак придерживается пушкинской «экспозиции» («Пока не требует поэта к священной жертве Аполлон... (...) Но лишь божественный глагол до слуха чуткого коснется...», т.е. *когда* коснется), то Ахматова склонна как будто видеть в поэтической неподвластности (напряженности) естественно-жизненное, перманентное состояние. Власть вдохновения для нее не имеет периодов — спадов и подъемов.

Далее в поэме Ахматова пишет:

И ни в чем не повинен: ни в этом,
Ни в другом и ни в третьем...

Поэтам

Вообще не пристали грехи.
Проплясать пред Ковчегом Завета
Или сгинуть!..

Да что там!

Про это

Лучше их рассказали стихи.

Поясняя приведенные строфы, А. Найман в своей книге признается: «Зная, что мне этот на практике узаконивающий безнаказанность и даже провоцирующий совершение любого поступка по прихоти подход, особенно распространенный в среде артистической молодежи, чужд (...) она не касалась этой темы, разве что в разговоре при мне с третьим человеком».²⁸

В этом громоздком признании (часть из которого я еще оставил за пределами цитаты) важно только то, что Ахматова «не касалась этой темы». И это естественно, поскольку в поэме оправдываются вовсе не битые витрин, и не пьяные дебоши, и не «поруганье» в стихах оставившей поэта «подруги», как думает наивно А. Найман, а вещи гораздо более суровые. Тут идет полемика не с обывателем, а с Богом, и говорить об этом можно лишь с человеком, который понимает, о чем идет речь. А идет она, как я думаю, о самом страшном в христианской этике грехе — грехе самоубийства, ибо все три названных в поэме поэта (Блок, Князев, Маяковский) самоубийцы. Они добровольно лишили себя жизни, хотя дарована она им была свыше. Ахматова прощает Маяковскому за его «великий талант» все, вплоть до греха самоубийства, утверждая, что «про это (...) рассказали стихи». Они действительно рассказали: ПРО ЭТО — название одной из самых трагических поэм Маяковского, а восходит это словосочетание к Достоевскому, к роману «Преступление и наказание», где оно выступает во внутренних монологах Раскольникова заменой (эвфемизмом) выражения «про убийство» — убийство старухи процентщицы и ее сестры Лизаветы. Убийство и самоубийство любви — главная тема поэмы

Маяковского. Совершивший «преступление» Маяковский освобождается Анной Ахматовой от «наказания», ибо «поэтам вообще не пристали грехи». Поэт — «существо (...) странного нрава»: он соперник Бога на земле и, как адекват Всевышнего, безгрешен.

Что же касается проблемы добровольного ухода из жизни, то по какому-то роковому стечению обстоятельств она оказалась одной из наиболее животрепещущих проблем и русской жизни, и русской литературы всего XX века. Радикально и в принципиальном плане она поставлена Пастернаком в романе «Доктор Живаго».

VIII

Те же прототипы, что стоят за спиной Поэта «Поэмы без героя», стоят за спиной и Юрия Живаго. Эти *откровенные прототипы*, как сказал о них Пастернак: Блок, Маяковский, Есенин и сам автор. Неожиданен здесь Есенин, занявший место Всеволода Князева. Неожиданно и сочетание имен, еще требующее разгадки. Однако есть черта, их всех объединяющая: это все гениально одаренные поэты, художники слова, и они же мученики и жертвы эпохи — эпохи строительства социализма в «отдельно взятой стране». Эксперимент со «строительством социализма» провалился, и на его обломках Пастернак воздвиг символическую фигуру эпохального масштаба — фигуру Поэта и философа Юрия Андреевича Живаго. Он-то и есть человек двадцатого века, фатально принявший в свою душу и растворивший в своем творческом сознании все ужасы времени — так, как это пришлось сделать в реальной жизни, в действительности и Блоку, и Маяковскому, и Есенину, и самому Пастернаку. Юрий Живаго есть гениально сотворенная концентрация трагически-творческих начал и человеческих судеб всего нашего столетия.

Что же касается персонально до Маяковского, то он, как видно, присутствует в сознании Пастернака не в одном каком-либо определенном измерении. Образ его двойся. Если в Стрельникове он дан со стороны своей

земной («смертной») сущности, как человек, оказавшийся во власти им же самим вызванных к жизни мстительных сил (о существовании которых он в своей молодой наивности не предполагал), то в Юрии Живаго он уже присутствует своей «бессмертной» сущностью. Там была жизнь до смерти, здесь — жизнь после смерти. Там — советский поэт, не переживший (согласно концепции Пастернака) трагедии прозрения, здесь — трагический поэт дореволюционного периода и поэмы «Во весь голос». Такой взгляд на Маяковского и на характер его судьбы — одновременно с двух точек зрения — мы наблюдаем не только в романе «Доктор Живаго», но и в двух редакциях «Охранной грамоты» (1930 и 1956–1957 гг.).

Взгляд Пастернака охватывает всю мировую историю нового времени — от падения Римской империи и возникновения христианства до XX столетия. В первую треть этого века, по мысли Пастернака, наметился новый поворот мировой истории, который несет на себе явную печать Второго Пришествия. На 20-е годы приходится мученическая смерть Блока, самоубийство Есенина и Маяковского; «второе рождение» переживает Пастернак. В 1929 году умирает и герой романа Юрий Живаго. Тот сознательный акт жертвы, которую приносит в стихах Живаго Иисус Христос, также есть акт добровольного отказа от жизни, совершенный «во имя» величия мировой истории (ср.: «Во имя страшного ее величия я в добровольных муках в гроб сойду»).*

Где-то на этих высотах, которые и разглядеть трудно с нашей земной поверхности (но разглядеть можно) и происходит соприкосновение Юрия Живаго, а через него и его легендарного «прототипа» (Христа) с Маяковским. Общность улавливается не только в добровольном отказе от борьбы (и следовательно, от жизни), не только в муках, которые сопровождают этот отказ, но и в том, что все эти три кончины обозначают какие-то важные вехи на пути мировой истории, этапы ее пре-

* 1910-е и 1920-е гг. есть вообще эпоха самоубийств, как «литературных», так и реальных. Ср. свидетельство Маяковского в стих. «Сергею Есенину»: «Над собою чуть не взвод расправу учинил».

ображения. (Эту черту обозначила Анна Ахматова: ее Поэт «полосатой наряжен верстою»). Скрытый, может быть, мистический смысл истории раскрывается, согласно и Ахматовой, и Пастернаку, в явлении людей, этот смысл выражающих. Герой Пастернака (как и «герой» этого героя) вначале жертва, и лишь потом ему надлежит стать судьей. Он поясняет, каким образом это произойдет:

Я в гроб сойду и в третий день восстану,
И, как сплавляют по реке плоты,
Ко мне на суд, как баржи каравана,
Столетия поплывут из темноты.

Во временном измерении это пояснение обозначает проекцию прошлого на будущее (т.е. настоящее). Но для настоящего оно одновременно служит предвидением будущего, то есть именно идеей Второго Пришествия. История раздвигает свой горизонт, некогда бывшее становится снова настоящим и проецируется в будущее. Обращает на себя внимание и другое. Использование сравнительного союза «как» (обозначение предмета или его качества через сравнение с другим предметом или другим качеством предмета) есть излюбленный прием поэтической речи Пастернака. Вот пример — из раннего стихотворения «Двор» (сб. «Поверх барьеров», 1914–1916):

Двор! Этот ветер, как кучер в мороз,
Рвется вперед и по брови нафабрен
Скрипом пути и, как к козлам, прирос
К кручам гудящих окраин и фабрик.

Сборник же «Поверх барьеров», наряду со следующим «Сестра моя — жизнь» (1917) выделял в творчестве Пастернака и любил (по его признанию) Маяковский. И вот здесь обнаруживается странное, интересное и никем еще не отмеченное пересечение творческих манер, человеческих судеб и интерпретаций.

Определение предмета по качеству или свойству другого предмета (или просто по другому предмету) есть также важнейшая особенность поэтики Маяковского, в чем он сам признавался в статье «Как делать стихи» (1926). (Ср.: «Я, обсмеянный у сегодняшнего

племени, как длинный скабресный анекдот...»; «душу вытащу... и... дам как знамя»). В творчестве Маяковского 20-х гг. этот прием разрастается, становясь едва ли не главной особенностью поэтики. Например, в «Стихах о советском паспорте»: «На польский глядят, как в афишу коза». Или: «Берет как бомбу, берет как ежа, как бритву обоюдоострую; берет как гремучую в двадцать жал змею двухметроворостую».

Можно полагать, что именно здесь мы имеем дело с общей особенностью поэтики русского футуризма, которая критиками русского зарубежья определялась как прием, когда «слова рожают эмоции, а не наоборот».* Роль слова возрастает до того, что оно не называет уже имеющуюся в представлении «вещь», но вызывает ее к жизни из бытия подсознания. Это словесное шаманство хорошо продемонстрировал в своем творчестве Хлебников. «Шаманами» были также и Маяковский, и Пастернак, и Цветаева, причем, Маяковский даже в большей степени, поскольку его «шаманство» имеет не просто заклинательный, но заклинательно-идеологизированный характер. Через «как» у него определяется не только свойство предмета или «вещи», но и свойство целой эпохи («...и я как весну человечества (...) пою мое отечество...»).

И вот теперь, во Вступлении к поэме «Во весь голос», этот прием достигает совершенной формы выражения. Утвердительно-сравнение осложняется здесь еще и сравнением отрицательным: *не так, как*, а *вот как*. Утверждая свое неперенное восстание из праха в далеком будущем, Маяковский собирается заявиться туда «не так, как песенно-есененный провитязь»; его стих дойдет «не как стрела в амурно-лировой охоте, не как доходит к нумизмату стершийся пятак и не как свет умерших звезд доходит». Он войдет в будущее совершенно особым образом: «как в наши дни вошел водопровод, сработанный еще рабами Рима». Образ старинного водопровода, сработанного «весомо, грубо, зримо»,

* Суждение Г. Адамовича, которое приводит Вл. Марков в своей статье «Мысли о русском футуризме» («Новый журнал», Нью-Йорк, 1954, № 38).

и должен вызвать к жизни образ стиха, вторгающегося в жизнь будущую. Маяковский ведет речь от первого лица, он без обвиняков утверждает: «Я к вам приду...» Пастернак скрывает себя от читателя двойным за-слоном: во-первых, это герой романа Юрий Живаго, во-вторых, центральный персонаж стихов Юрия Живаго — Гамлет-Христос. Но и за этим двойным за-слоном безошибочно угадывается сам Пастернак. И не только бытовыми и биографическими подробностями и деталями,* но и самим характером жизнеописания, которое есть описание подвига, обрекающего человека на добровольно принимаемое страдание. 20 августа 1957 г., в преддверии травли и уже передав роман для опубликования за границу, Пастернак писал секретарю Союза писателей (и одновременно члену ЦК партии) Д.А. Поликарпову: «Если правду, которую я знаю, надо искупить страданием, это не ново, и я готов принять любое».²⁹ Чувство христианского смирения и одновременно избранничества слышим мы в этих словах. Те же отголоски — в стихах Юрия Живаго: «Час сына человеческого пробил, он в руки грешников себя предаст». И вот тогда-то и наступит великое торжество воскресения: «Я в гроб сойду и в третий день восстану». О воскресении мечтает и Маяковский; он пишет, когда мысль о самоубийстве уже сверлила его мозг: «Я к вам приду в коммунистическое далеко». Жертва и страдание присутствуют и здесь, хотя и не в плане христианского смирения.

Идея жизни после смерти — жизни в словах и делах своих — объединяет все эти три позиции. Духом раскованности, свободы и бессмертия веет от всех этих признаний. Большими временными категориями оперирует Маяковский («горы времени», «хребты веков»), — столетиями, которые «поплывут из темноты», оперирует и Пастернак. «Баржи каравана», так же «грубо

* См., например, откровенно переделкинские детали пейзажа в стихотворении «Рождественская звезда», пруд, запруда, верхушки ольхи, поле сбоку, погост впереди, и все это занесено снегом — русский подмосковный пейзаж. И даже путь паломников к вертепу странным образом совпадает с дорогой, ведущей к даче Пастернака.

и зримо», как и «водопровод, сработанный еще рабами Рима». Зависимость Пастернака от Маяковского бесспорна. Он лишь на место бунтарства (весьма, впрочем, внешнего) ставит христианское смирение. Зрелищный характер ассоциаций, их «вещность» схожи до удивления.*

Напомню, что тот же прием сравнительного иносказания отчетливо проявил себя в стихотворении Пастернака «Смерть поэта», посвященном гибели Маяковского, которая, как видно, так потрясла его, что он чуть не всю жизнь искал ее причину. Глубина трагедии, пережитой Маяковским, сполна была осознана им. Мир отверг своего поэта. И «пророк» предпочел уйти из жизни добровольно, не вступая в борьбу с силами прославляемого им мира. Я думаю, что именно так следует истолковать знаменитое двустишие: «Ты спал, постлав постель на сплетне». Далее Пастернак пишет:

Толпились, выстроаясь в передней,
Как выстрел выстроил бы их.
Как, сплющив, выплеснул из стока б
Лещей и щуку минный вспых
Шутих, заложенных в осоку,
Как вздох пластов нехолостых.

В смерти Маяковский возвращается в эпоху своей юности — он лежит «красивый, двадцатидвухлетний», это автор «Облака в штанах». Но, вместе с тем, для него наступила уже иная жизнь — жизнь в легенде:

Ты спал, прижав к подушке щеку,
Спал, — со всех ног, со всех лодыг
Врезаясь вновь и вновь с наскоку
В разряд преданий молодых.

В сознании же *позднего* Пастернака Маяковский присутствует преимущественно ранним периодом жизни и творчества и периодом Вступления к поэме «Во весь голос», то есть последним годом. Во второй редакции «Охранной грамоты», он, умудренный опытом жизни в

* На сходное с Маяковским «построение образов» указывал и сам Пастернак в очерке «Люди и положения».

30-е и 40-е годы, признается: «За вычетом предсмертного и бессмертного документа «Во весь голос», позднейший Маяковский, начиная с «Мистерии-буфф», недоступен мне. До меня не доходят эти неуклюже зарифмованные прописи, эта изощренная бессодержательность, эти общие места и избитые истины, изложенные так искусственно, запутанно и неостроумно».³⁰

Так какой же Маяковский «врезался» «с наскоку в разряд преданий молодых»? Вряд ли это Маяковский только раннего периода и последнего года жизни. Судя по тексту стихотворения «Смерть поэта» (поэта! — Л. Д.), Пастернак все-таки стремится постичь Маяковского в совокупности, в единстве его непростой судьбы и противоречий творчества. Способность Пастернака концентрировать явления (и проявления) жизни в одном каком-либо выражении, в сгущенной совокупности проявила себя в случае с Маяковским в полную меру. Трагический финал не мог не представить взору судьбу в ее безысходном единстве, не разделенную на некие временные отрезки. Иначе как мы можем представить себе Маяковского в прямом соотношении с героем романа «Доктор Живаго»? Не относить же признание Пастернака о прототипах Юрия Живаго за счет странностей гения.

И еще один важный момент подчеркивает Пастернак: неожиданность для самого поэта трагического исхода. Свои размышления по поводу «последнего года поэта», когда наружу вырываются какие-то непознанные силы — силы судьбы — он изложил в «Охранной грамоте»:

«Вдруг кончают не поддававшиеся завершенью замыслы. Часто к их недоверженности ничего не прибавляют, кроме новой и только теперь допущенной уверенности, что они завершены (...) Меняют привычки, носятся с новыми планами, не нахвалятся подъемом духа. И вдруг — конец, иногда насильственный, чаще естественный, но и тогда, по нежеланью защищаться, очень похожий на самоубийство. И тогда спохватываются и сопоставляют. Носились с планами, издавали «Современник», собирались ставить крестьянский жур-

нал. Открывали выставку двадцатилетней работы, исхлопывали заграничный паспорт». Пушкин и Маяковский сопоставляются в сфере одной, почти мистической закономерности. Трагический акт кончины наступает внезапно: «Так это не второе рождение? Так это смерть?»³¹ Ожидалось *второе рождение*, получилась смерть, в преддверии нового периода общественного существования.

Свое наблюдение Пастернак подтверждает выражением лица у мертвого Маяковского: «Горделиво ото всех отвернувшись, он даже лежал, даже в этом сне упорно куда-то порывался и куда-то уходил. Лицо возвращало к времени, когда он сам назвал себя красивым, двадцатидвухлетним (...) Это было выражение, с которым начинают жизнь, а не которым ее кончают».³² Наметившийся новый период в жизни поэта не состоялся.*

Аналогичным образом кончат свои земные дни герой романа Юрий Андреевич Живаго. Происходит это в конце августа 1929 года, за несколько месяцев до реальной кончины Маяковского. Сквозь революцию и 20-е годы они проходят параллельными путями, хотя и очень неодинаковыми, но приходят к одному и тому

* В последнее время в научной литературе возникла тенденция находить в словах Пастернака некий оценочный момент: Маяковский, не переживший своего «второго рождения», ушел будто бы из жизни, не достигнув возмужания, едва ли не инфантильным отроком. В качестве же образа выдвигается (пока еще осторожно) фигура самого Пастернака, благополучно миновавшего опасный период и пережившего подлинное «второе рождение», что и нашло отражение в сборнике стихов, созданных в 1930–1931 гг. Эта тенденция просматривается в статье (докладе) О. Раевской-Хьюз «О самоубийстве Маяковского в «Охранной грамоте» Пастернака» и особенно в рецензии И. Муравьевой на сборник, где этот доклад опубликован.³³ Мне кажется, что никакой оценки в словах Пастернака не содержится, там есть лишь мысль о существовании в судьбе человека (поэта) ему самому неизвестной (роковой) силы, определяющей ее развитие к трагическому финалу. И тем более Пастернак не выдвигает себя в качестве образца мудрости и дальновидности. Его позиция по отношению к самоубийству Маяковского нейтральна и описательна. Да и сам сборник «Второе рождение», охарактеризованный Мандельштамом как «советское барокко», не дает оснований видеть тут *нового* Пастернака.

же. Как Пушкин и Маяковский (в интерпретации Пастернака), Юрий Живаго собирается начать новую жизнь — «в целях скорейшей и полной переделки своей судьбы», говорит он сам. И только тогда, когда «хоть сколько-нибудь укрепится на новом поприще и убедится, что после совершившегося перелома возврата к старому не будет, выйдет из своего тайного убежища и вернется к Марине и детям».³⁴ Уйдя от всех, уединившись, самозабвенно отдается он творчеству. Он теперь только художник, только поэт и никто больше. И он не преследует никаких конкретных целей, кроме цели самореализации, он возвращается к себе прошлому, и воскрешение себя прежнего должно будет составить новый период его жизненной судьбы.

Он миновал свои отношения с властью, отодвинул их в сторону, выделился из массы, стал внутренне свободным и независимым. Он хочет реализовать себя не как гражданин общества и страны, но как творческая личность. Вызов, давно уже брошенный им обществу, становится осознанным фактом и фактором поведения. Им владеет не ярость неприятия (как бывало у Маяковского), а спокойная убежденность в своей неспособности жить по примеру большинства. Но тут-то и подстерегали его роковые силы: доктор умирает от удушья в трамвае, когда едет устраиваться на работу в больницу. Второго рождения не произошло, наступила смерть. Рукописи остались недоработанными, стихи и статьи недописанными. Как недописанной оказалась до этого поэма «Во весь голос», как недооформленным оказался цикл стихотворений на библейскую тему Пушкина. Создается как бы общий взгляд на характер смертельного исхода, подстерегающего поэта в России: дуэль, самоубийство, смерть от удушья.

Однако неизвестный никому литературный герой Юрий Живаго, как и его реальные предшественники, оставляет по себе след — рукописи (как оказалось, вполне законченные, во всяком случае, выражающие его личность сполна), а также то, свойственное лишь гению, «векание свободы и беззаботности», которое ощутила, оставшись наедине с покойным, Лариса

Федоровна. Прощаясь с ним, она испытывает не совсем ординарное чувство — «счастье прощания». Уже здесь, на смертном одре, Юрий Живаго, как и его предшественник Владимир Маяковский, входит «в разряд преданий молодых». В начале Пастернак пишет, что пришедших проститься с покойным «было немного, но все же гораздо больше, чем можно было предположить». Далее же следует: «Весть о смерти человека почти без имени с чудесной скоростью облетела весь их круг. Набралось порядочное число людей, знавших умершего в разную пору его жизни и в разное время им растерянных и забытых». Выясняется, что многие из пришедших проститься никогда не видели человека, «к которому их тянуло» с какой-то силой. Затем обнаруживается, что на проводы доктора все же собралось «множество народа», еще далее это «множество» переходит в «толпу». Атмосфера торжественности явно нагнетается Пастернаком в сцене прощания с покойным Живаго. И она чем-то неувлимым напоминает сцену прощания с Маяковским в Гендриковом переулке, в которой роль Ларисы Федоровны уже исполняет сестра поэта Ольга Владимировна. Они равно выделены из толпы окружающих, составляя центр видимой композиции, и обе же (и только они) вступают в разговор с умершим. Обе употребляют слово «ужас», обе пытаются проникнуть в тайну происшедшего. Но Ольге Владимировне оказался недоступен его вечный смысл, тогда как именно вечный смысл ощутила всем своим существом Лариса Федоровна, и его-то она и попыталась выразить в обращении к лежащему в гробу Юрию Живаго.

Роман Пастернака обладает такой многослойной символикой, которая намного превосходит опыты всех его предшественников в данном роде. Не Достоевский и Толстой учителя Пастернака-прозаика, а скорее символисты — Федор Сологуб, Брюсов, но особенно Андрей Белый, автор «Петербурга» (что, кстати, признавал и сам Пастернак).³⁵ Символистский роман в России сложился под воздействием мифологического восприятия окружающего мира, сил, действующих в нем, и человека, находящегося в их полной власти. Все чудесные пре-

ращения и перевоплощения персонажей, их видения и сны, ситуации, в которых они оказываются, неординарный характер их судеб, их связи и взаимоотношения с другими персонажами имеют, как правило, твердую опору в системе европейской мифологии (как античной, так и христианской эпохи). Заданная заранее опора на миф — главное отличие символистского романа от романа реалистического. Она-то и дает возможность беспредельно расширять и углублять иносказательно-символическое содержание произведения. Это реальность высшего смысла, как говорили символисты (*realioga*), поскольку основывается она не на бытовой эмпирике, а на ее символическом — расширительно-мифологическом, сгущенном — воспроизведении. Именно таков «Петербург» Андрея Белого, таковы же «Поэма без героя» и «Доктор Живаго». Говоря об авторах двух последних произведений, Витторно Страда в упомянутой выше статье справедливо отмечает: «Оба они проделывают разные пути, обратные стилистике их раннего периода: Пастернак идет от «сложности» к «простоте», Ахматова, наоборот, от «линейности» к «лабиринтности». От сформировавшего их постсимволизма они возвращаются обратно к символизму, как духовной атмосфере, воспринятой через призму последующих катастрофических десятилетий».³⁶

Добавлю к этой емкой характеристике, что воскрешается не только «духовная атмосфера» символизма, но и его поэтика; все же новшества постсимволистских исканий сознательно оставляются в стороне. Реалистический символизм, символизм реализма — так я обозначил бы поэтико-стилистическую структуру «Доктора Живаго». Взгляд на человека как на явление не только «быта» (понимая под бытом погруженность в океан социально-исторической жизни), но и бытия, обоснованный еще Н. Бердяевым в работе «Смысл творчества», лежит в основе конструкции образа Юрия Живаго. Он как бы соединительное звено между «небом» и «землей», «вечностью» и «временем». Он одновременно пребывает в обеих сферах, он подлинный заложник вечности в плену у времени. Один из планов

его «бытийного» существования и заполняет собой, как видно, Маяковский. Скорей всего, это план бессмертия, на которое обречен человек, сумевший отбросить догматизм целой эпохи, творчески воспринявший жизнь, историю, Природу (как сделал Юрий Живаго и к чему приблизился Маяковский), живущий одновременно и «здесь» и «там», на бренной земле и «за горами горя», куда он дойдет «через головы поэтов и правительств».

Как герой романа, так и его «прототипы» появились в жизни и не ко времени (им нет в ней места), и очень ко времени (чтобы показать недостойный характер, ущербность принципов, на которых она зиждется). И они все — жертвы не только истории, но и собственной судьбы, которая, впрочем, тоже уже история.

В атмосфере безнравственности и личной безответственности русского культурного ренессанса начала века нужна была вера, чтобы выжить, чтобы жить активно. Ни ранние «декаденты», ни их преемники Брюсов, Блок, А. Белый, ни последующее поколение поэтов — Волошин, Мандельштам, Гумилев, Ахматова, Цветаева этой веры не нашли (да и не очень искали ее). Мысль о том, что на долю России выпали испытания, из которых «она выйдет (...) новой и — по-новому — великой» (Блок) и что высший и наиболее благородный удел ныне есть удел самопожертвования («Господи, вот плоть моя» — Волошин), эта мысль собственно верой не является. Это была лишь надежда и готовность во имя ее к любым жертвам.

Маяковский и Пастернак такую веру нашли. И хотя она не помогла им выжить, она помогала им жить.

У Пастернака это вера в христианский мессианизм России (что неизбежно роднит его со славянофильской, затем народнической и неонароднической традицией), с его лермонтовско-деспотической суровостью по отношению к истории (Лермонтов: «Есть грозный судия, он ждет...», Пастернак: «Ко мне на суд... столетья поплывут...»), но и с природной одухотворенностью жизни, понимаемой и принимаемой как обряд нескончаемого причащения к некоему творческому началу.

И в этом смысле уже лейтенант Шмидт из одноименной поэмы 20-х годов содержит безусловные черты неопознанного пока доктора Живаго. Пройдет четверть века и они встретятся в романе, который подведет итоги всему творчеству Пастернака.

В отличие от Пастернака и его героя Маяковский сам готов идти (и идет) на суд истории. Он растворяет себя во времени, стремясь стереть себя как личность (идея социализма как общего памятника) еще и потому, что не слишком убежден в своей победе над ним. Сделать ему этого не удастся, ярость его раздваивается — «против» себя и «за» себя. Он допускает вариант, что не будет понят «своею страной» и тогда готов пройти стороной — «как проходит косой дождь». Но противоречие между «я к вам приду» и «общим памятником» по-прежнему остается неразрешенным. Приду — как кто: как поэт или как «поставивший свое перо в услужение»? Он не судия, он громкий, но робкий проситель (требователь) в дверях будущего. Его вера — это вера в «солнечный край непочатый», ожидающий человечество далеко впереди, где воцарится всеобщее благополучие и общественное равенство, а люди наконец-то смогут «без Россией, без Латвий жить единым человеческим общежитием». Это была наивная вера, но это была именно вера, объективно совпадавшая с заветами христианства, его конечными целями, чего сам Маяковский теперь уже не замечал. Все сужденные ему роли были им сыграны. Некогда предтеча Христа, затем жестокий апостол революции, сродни блоковским двенадцати (скажем, какому-нибудь Петрухе, тоже гениальному поэту, дожившему до периода коллективизации сельского хозяйства), он в третий раз отдал себя в чужие руки: на этот раз это были уже руки Судьбы. Исход поисков пристанища оказался роковым, но он открыл дорогу в вечность. Время отступило, страстно желаемое осуществилось. Начатое в октябре 1917 года самоуничтожение вопреки всему обернулось бессмертием. Не явные действия, а тайные мысли, как я думаю, сыграли тут решающую роль.

- ¹⁴ Литературная газета. — 1992. — 22 февр. — № 47.
- ¹⁵ Материалы заседания описаны по архивным источникам А.В. Лавровым в кн.: «Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1978 год», Л., «Наука», 1980, с. 43–46. (Слова А. Белого «со всей линией истории социализма» в поле зрения А.В. Лаврова не попали, привожу их по архивной записи выступления).
- ¹⁶ О библейской основе поэмы «Владимир Ильич Ленин» писал критик Г. Архангельский в статье «О простоте и сложности российской поэзии» («Грани», 1987, № 143, с. 244).
- ¹⁷ Новый мир. — 1989. — № 2.
- ¹⁸ Воспоминания В. Полонской опубликованы в журн. «Вопросы литературы», 1987, № 5, с. 144–198. Здесь и далее цитируются по этой публикации.
- ¹⁹ Катанян В. Маяковский. Хроника жизни и деятельности. — С. 453.
- ²⁰ Мандельштам О. Собрание сочинений в трех томах. — Т. II. «Международное литературное содружество», 1971, с. 329, 349–350.
- ²¹ Этот принцип со слов самой Цветасвой четко изложил в своих воспоминаниях Марк Слоним («Новый журнал», Нью-Йорк, 1970, № 100). Здесь же Слоним отмечает и еще одну черту мироощущения Цветасвой, которая поможет нам многое понять в ее отношении к Маяковскому: «Ей (...) недоставало (...) чувства истории. Удаль, размах привлекали ее, где бы они ни попадались — в прошлом или настоящем (...) У нее все было в данный нынешний момент, движений событий она не понимала, от современности была далека, газет не читала (...) Спрашивая себя, чем движется искусство, она повторяла слова своего современника: «силой, страстью, пристрастием». История над этим не имела власти». (С. 173).
- ²² Цветасва М. Сочинения в двух томах. — Т. 2: Проза, Письма. — М.: Художественная литература, 1988. — С. 406–407.
- ²³ Найман А. Рассказы об Анне Ахматовой. — М.: Художественная литература, 1989. — С. 96–97.
- ²⁴ Там же, с. 285. См. также: «Воспоминания об Анне Ахматовой». М., 1991.
- ²⁵ Ахматова А. Сочинения в двух томах. — М.: Художественная литература, 1986. — Т. 2. — С. 222.
- ²⁶ См.: В мире Блока. Сборник статей. М., «Советский писатель», 1980; также: «Новый журнал», Нью-Йорк, 1990, № 178. (В «Новом журнале» статья подверглась редактуре, осуществленной Ю. Кашкаровым, который самовольно дал ей и другое заглавие «Поэт и время»; в рукописи статья называлась: «Миф о поэте и «Поэма без героя» Анны Ахматовой»).
- ²⁷ Пастернак Б. Избранное в двух томах. — М., 1985. — Т. 2. — С. 463.
- ²⁸ Найман А. Указ. соч., с. 46.
- ²⁹ Новый мир. — 1988. — № 4. — С. 246.
- ³⁰ Пастернак Б. Воздушные пути. — С. 456–457.
- ³¹ Там же. — С. 276, 279.
- ³² Там же. — С. 282.
- ³³ См: Boris Pasternak and his time // Selected Papers from the Second International Symposium on Pasternak. — Berkeley slavic specialties, 1989. Рецензия И. Муравьевой — «Новый журнал», Нью-Йорк, 1991, № 182.
- ³⁴ Пастернак Б. Доктор Живаго, Повести. Фрагменты прозы. — М.: Советский писатель, 1989. — С. 469.
- ³⁵ См.: «Смена» (Москва), 1990, № 4. (Воспоминания В. Корнилова).
- ³⁶ См. сборник: Efim Etkind, Georges Nivat, Il'ja Serman, Vittorio Strada. La letteratura Russa del Novecento. Problemi di poetica. Istituto Suor Orsola Benincasa. — Napoli, 1990. — p. 126–127. (Статья «Доктор Живаго» как исторический роман).

Комарово — С.-Петербург
ноябрь 1991 — февраль 1992 г.

«Я ЕГО ЗНАЮ ДАВНО И БЛИЗКО»**М.А. Волошин и П.Б. Струве****1**

В «Страничке воспоминаний» о Максимилиане Волошине П.Б. Струве писал, что знал поэта «заграницей, в 1904 и 1905 годах».¹ Однако знакомство их состоялось еще в 1902 году. 9 сентября 1902 г. Волошин писал своему другу А.М. Пешковскому: «Весною в Париже я видел Струве. Он подготовлял открытие нового журнала «Освобождение», издающегося теперь в Штуттгарте». Критически отозвавшись о журнале легальных марксистов «Жизнь» — несмотря на перемещение из Петербурга в Лондон оставшемся духовно зависимым «от русской цензуры», — Волошин отмечал: «Это человек совсем другого порядка, чем те. Я был в странствиях, когда вышел первый номер «Освобождения».² [...] Теперь передо мной четыре номера, вышедших за лето. Это совсем другое. Нигде ни малейшей претензии на полную нецензурность, нигде царь дураком не назван. Прекрасное внутреннее обозрение — не хуже, чем в «Вестнике Европы», только без недомолвок. Дальше идет заявление от земцев, с требованиями, обращенными к правительству. Во всем этом чувствуется сила и связь с «землей»».³

Где Волошин «видел» Струве? Возможно — на квартире русской эмигрантки А.В. Гольштейн, возможно — в Высшей русской школе общественных наук. 30 января (12 февраля) 1902 г. москвичка Валентина Вяземская, продолжая, очевидно, уже затронутую Волошиным тему, спрашивала его: «Видел ли ты Струве? Здесь говорят, что этот русский университет большой пух».⁴

В начале 1903 г., по пути из Парижа в Россию, Волошин заезжает в Штуттгарт, — 9 января переписав здесь для Струве свое стихотворение «Кастаньеты». Оно сохранилось в фонде Струве в Институте Маркса-Эн-

гельса-Ленина — и здесь же находится волошинское письмо без даты и без обращения, начинающееся как приписка к другому письму (наверное поэтому в архиве оно помещено вслед за «Кастаньетами»):

«Да! Еще несколько слов относительно «Освобождения». Мне страшно хочется его видеть, а в Неаполе конечно его не достать. Я не знаю штуттгартского адреса и потому не могу написать сам и подписаться. (Я оставил первый лист в Париже). Если Вы сможете это сделать для меня — я буду очень благодарен. Деньги я немедленно вышлю или Вам или куда Вы укажете.

Я позабыл тогда оставить Вам то маленькое стихотворение, навеянное Герценом. Вот оно:

Слава великим гробам!
Тучи сгущаются снова...
Но недоступна рабам
Тайна свободного слова.

Раб обнажил уже меч,
Стонет и рушится зданье.
Куйте ж свободную речь
В огненном горне познания.

Если Вы его найдете удобным в таком виде (!), то распорядитесь, как хотите. Предоставляю его в полное Ваше распоряжение. Продолжать его не буду, это ослабит силу. Последние два стиха в этом виде достаточно ясно объясняют мысль. Подписать можно просто буквой «W» или «M».

Мах».⁵

Датировать это письмо следует июлем 1902 г. Во-первых, стихотворение, приведенное в нем, было вписано Волошиным в альбом Н.Л. Ауэр в Париже — под названием «К Герцену» и с разночтениями — 12 мая 1902 г.⁶ А в Неаполь поэт прибыл (с острова Сардиния) в конце июля 1902 г. и пробыл там весь август... Что же касается стихов, то журнал «Освобождение» их не печатал — и участие Волошина в нем не обнаружено.

Струве вспоминал, что в Париже Волошин «часто и охотно» декламировал свои стихи, — «обыкновенно сидя на низкой скамеечке в одном знакомом доме».

Очевидно имеется в виду «салон» А.В. Гольштейн на Rue de la Tour, 75, а само воспоминание относится к 1904–1905 годам. Правда, в волошинском архиве — лишь два упоминания Струве в этот период их наибольшей близости. 16 августа 1904 г. (судя по штемпелю) дантист К. Добряков извещал Волошина: «Струве остановился в Hôtel de l'Observatoire, Bd St. Michel (№ не помню)». ⁷ А 24 сентября 1905 г. адвокат из Петербурга А.В. Винберг, прося Волошина вернуть долг, сообщал: «Я завтра буду у Струве от 1 — 2 1/2». ⁸ К этому же парижскому периоду относится карандашный портрет Струве, сделанный Волошиным в одном из «путевых» альбомчиков. ⁹ В декабре 1905 г. Волошин получил первый и второй номера еженедельника «Полярная звезда», издававшегося Струве в Петербурге. ¹⁰

К осени 1905 г. отношения были столь дружественными, что, выезжая в Россию и опасаясь ареста на границе, Петр Бернгардович взял у Волошина его заграничный паспорт, — который тот предложил сам, «без всяких колебаний». В Берлине выяснилось, что Струве получил «личную амнистию» — и он тут же, с вокзала, отправил паспорт Волошина, с несколькими словами «привета и благодарности», в Париж. ¹¹ Вот это письмецо:

«Дорогой Макс Александрович! С благодарностью возвращаю Вам в неприкосновенности Ваш паспорт. Еду сегодня из Штеттина на пароходе в Петербург. Привет всем!

Искренно Вам преданный и признательный П. Струве.

В Берлине не имел времени Вас разыскать. П.С.» ¹²

(Последняя фраза объясняется тем, что Волошин с 1 по 11 ноября (19–29 октября) 1905 г. также находился в Берлине, — о чем Струве как-то прослышал).

Осенью 1906 г. Волошин и Струве живут в Петербурге, неподалеку друг от друга. 23 сентября, предлагая своей жене М.В. Сабашниковой поселиться в доме, где жил Вячеслав Иванов, на углу Таврической и Тверской улиц, Волошин писал: «На той же улице живет Струве». ¹³ (А в адресной книжке записан его адрес: Тверская,

23). Нет сомнения, что Волошин и Струве встречались на средах Вячеслава Иванова на его «Башне». А в ноябре 1906 г. в журнале «Перевал» (№ 2) было напечатано волошинское стихотворение «Ангел мщения» — исключительно высоко оцененное Струве. Приведя его в статье «Из размышлений о русской революции», Струве отмечал, что в этом стихотворении «схвачена психологическая сущность многих явлений русской революции». ¹⁴

В качестве редактора «Русской Мысли» (с 1907 по 1917) Струве проявлял больше интереса к политике, чем к литературе. Тем не менее в конце 1909 г. Волошин получил приглашение участвовать в журнале («как хорошо, что Вас пригласил Струве, — писала поэту, по-видимому, в декабре 1909 г., А.М. Петрова ¹⁵). Действительно, в 12 номере «Русской Мысли» за 1910 г. была напечатана волошинская статья «Судьба Льва Толстого». Причем редактор литературного отдела журнала В.Я. Брюсов советовался со Струве 13 ноября о статье: «Эта последняя крайне парадоксальна, и я колеблюсь, печатать ли ее, хотя во всяком случае она интересна и не банальна [...]. Не прислать ли статью Вам, хотя бы в наборе». ¹⁶ Очевидно поддержка Струве решила исход дела.

В 1911 году «Русская Мысль» напечатала статьи Волошина «Анри де Ренье» (в № 4) и «Художественные итоги зимы 1910–1911 гг. (Москва)» (в №№ 5 и 6). В конце 1912 г. Волошин очевидно вновь обращается к Струве (письмо не сохранилось) — и 4 января 1913 г. тот отвечает:

«Многоуважаемый Максимилиан Александрович.

Ваше письмо я препроводил редакторам «Русской Молвы». Нет ли у Вас чего-либо интересного для «Русской Мысли»?»

Преданный Вам П. Струве». ¹⁶

5 февраля новый редактор литературного отдела «Русской мысли» Л.Я. Гуревич писала Волошину, что предлагаемая им тема (о немецком обществе «Freie Bund», — впоследствии реализованная им в статью «О наготe») «принята в редакции», однако размер «фелье-

тона» должен быть лишь в 200-300 строк. Видимо, это не устраивало Волошина, но переговоры продолжались. Сначала (3 марта) Гуревич предложила Волошину написать «фельетон о будущей трагедии в связи с Достоевским», а 5 апреля 1913 г. писала: «Говорила со Струве по телефону и прошу Вас, не откладывая в долгий ящик, написать для «Р[усской] Мысли» [...] статейку или статью [...] о книжках Р. Роллана, Жида и Сюареса о Толстом и Достоевском».¹⁷

Увы, все эти проекты (исходившие от самого Волошина) в «Русской Мысли» не осуществились, — но в 1915 г. журнал напечатал подборку волошинских стихов о войне. 28 апреля 1915 г. поэт писал С.К. Маковскому из Парижа: «Если *«Ex puteo Abyssi»* почему-либо окажется неподходящим для «Аполлона», то прошу его передать от моего имени в «Русскую Мысль» на имя Струве — лично».¹⁸ Позднее это стихотворение получило название «Аполлион», но в «Русскую Мысль» не попало. Там, в 4-м номере за 1915 г., была помещена подборка из семи волошинских стихотворений: «Под знаком Льва», «Над полями Альзаса», «В эти дни», «Посев», «Париж», «Реймская Богоматерь», «*Dies illa tam amara*» (позднее названное «Суд»). Отметим, что никакой другой печатный орган в России не взялся в тот период печатать далекие от патриотической направленности тогдашней поэзии, по сути антивоенные стихотворения Волошина...

В номере 2 за 1917 г. «Русская Мысль» печатает волошинские переводы из Эмиля Верхарна: «Дерево», «Любовь» и «Монах». А 3 мая 1917 г. поэт посылает Струве цикл стихов «Облики», сопроводив их такой запиской:

«Многоуважаемый Петр Бернгардович, посылаю Вам для «Русской Мысли» цикл из 4-х стихотворений «Облики» — ряд стихотворных портретов.

P.S. Условия: 1) Все четыре стихотворения должны быть напечатаны вместе.

2) Гонорар — 50 копеек за строчку».

Некий С. Ф. пометил на письме (в редакции): «Следует принять, если П[етр] Б[ернгардович] согласен на

требуемый автором гонорар». И тут же приписка Струве: «Согласен на 50 коп[еек] для этого цикла. П. Струве. 15.V. 1917».¹⁹ Стихотворные портреты «Ропшин», «Бальмонт», «Фастон» и «Р.М. Хин» были напечатаны в сдвоенном 11/12 номере за 1917 г. А весной 1918 г. «Русская Мысль» была закрыта большевиками...

2

В годы гражданской войны П.Б. Струве еще несколько раз попадает в поле зрения Волошина, прочно обосновавшегося в Коктебеле. 14 октября 1919 г. он сообщал Н.А. Марксу о встрече с профессором Кембриджского университета С.О. Карцевским, — от которого «узнал, что в Ростов приехал Петр Бернгардович Струве и, вероятно, примет ближайшее участие во всех правительственных делах. Это очень приятно и хорошо. Я его знаю давно и близко».²⁰ Как известно, Струве был членом Особого совещания при А.И. Деникине, а затем (с марта 1920 г.) вошел в правительство Крыма, созданное П.Н. Врангелем.

Летом 1920 г. белыми был арестован Осип Мандельштам — и Волошин, несмотря на предшествовавшую этому ссору с младшим поэтом, принимает участие в его освобождении.²¹ В его архиве сохранился черновик письма по этому же делу, адресованного Струве:

«Д[орогой] Петр Б[ернгардович]

2 недели назад арестован феодосийской Контрразведкой известный [петерб — зачеркнуто] поэт О.Э. Мандельштам. Вы конечно помните его и его стихи по «Аполлону», «Цеху поэтов» и другим эстетским кругам. Вместе с Ахматовой, он является самым [важным — зачеркнуто] талантливым представителем последнего поколения петерб[ургских] поэтов. Он арестован по обвинению в большевизме — обвинению нелепому, т.к. никогда никакими политическими убеждениями не обладал, а настроения его менялись ежеминутно. В нормальное время конечно этот арест разрешился бы сам собою. Но Вы знаете, что представляют из себя теперешние тюрьмы и контрразведки, куда

врангелевские реформы проникают медленно и туго. Мандельштам человек крайне нервный и панический. И уже через несколько дней он был переведен в психиатрич[еское] отделение тюрем[ной] больницы. Так что даже простое предварит[ельное] заключение для него может кончиться душевным заболеванием. За то, что он [не больше — зачеркнуто] никакого [отношения партийным — зачеркнуто] отношения к коммунизму не имеет и в жизни никакой партийной политической работой не занимался, я могу Вам безусловно поручиться. Я думаю, что одного Вашего слова, Петр Бернгардович, достаточно было бы, чтобы его освободили на поруки, или ускорили бы производство следствия, т.к. обвинение до сих пор никак не формулировано.

Очень хотелось бы повидаться с Вами, Петр Бернгардович, и узнать парижские новости. Видали ли Вы Александру Васильев[ну]. Я со смерти Влад[имира] Августовича²² не имел от нее новостей. Как поживает Нина Алекс[андровна]?²³

Едва ли до Вас доходили мои стихи времен Революции. Я с самого начала ее оставил лирику и могу писать только на обществ[енно]-исторические темы. Пользуюсь случаем (это письмо обещает Вам доставить генерал Калинин, который едет от нас в Севастополь)²⁴.

Письмо это, по-видимому, не было закончено и отправлено: Мандельштама освободили. А к Струве с тем же генералом Калинин (сведений о нем, к сожалению, не найдено) отправилось другое письмо: напечатанное на машинке, оно оставило в волошинском архиве точную копию:

«Максимилиан Александрович Волошин, Коктебель, соб[ствен]ная дача.

Дорогой Петр Бернгардович, на днях узнал о Вашем возвращении из Парижа в Крым. Очень хотелось бы узнать об общих друзьях: об Александре Васильевне, о которой не имел сведений со смерти Владимира Августовича, то-есть с начала Революции.

Памятуя, что Вы хорошо относились к моим стихам и когда-то цитировали «Ангела мщения», мне хотелось

Вам прислать кое-что из новых. С начала Революции я пишу стихи только на историческо-общественные темы. Едва ли доходило что до Вас: мои стихи распространялись только в рукописи, т.к. до сих пор сделать издания книгой было невозможно. Посылаю Вам несколько из написанных за последний год. Если они Вам понравятся и покажутся необходимыми для современного политического сознания, то помогите мне. Я послал Врангелю их список с сопроводительным письмом генералов Калинина и Кутепова и просьбу дать мне возможность издать их. Но генералы не авторитеты в поэзии. Кутепова я лично и не знаю: он сам мои стихи узнал от Калинина. Несколько слов с Вашей стороны могло бы иметь громадное значение. А я вот два года не могу добиться возможности издать мою книгу «Неопалимая Купина», здесь, в пределах Добровольческой армии, потому что, разумеется, мои стихи не соответствуют литературе, потребляемой комитетами пропаганды. Я прошу у Врангеля только разрешения получить бумагу из государственных складов и права использовать одну из частных типографий: на все остальное я найду средства: эти же вещи сейчас недоступны частному человеку. Как поживает Нина Александровна? В Крыму ли она?

Письмо это обещал доставить Вам генерал Калинин, едущий сейчас из Коктебеля в Севастополь».²⁵

Дошло ли это письмо до адресата?... Во всяком случае, ответа Струве в волошинском архиве нет. А поэт еще дважды в 1920 году мысленно обращался к нему, надеясь на его содействие. 9 сентября он просит живущую в Париже А.Н. Иванову выписать для него — в случае публикации его стихов за границей — журнал «*Mercure de France*», — добавляя: «если возможна его доставка... может, через дипломатическую миссию — Струве?» 10 сентября Волошин обращается со сходной просьбой к А.В. Гольштейн: нельзя ли прислать в Коктебель «несколько книг (как художественных, так и научных, так и политических — из самых примечательных, вышедших за последние три года)»? И наверное пересылка возможна «через Струве: ездят же к нему курьеры!»²⁶

Между тем, 17 сентября «начальник Управления внешних сношений академик П.Б. Струве выехал на французском авизо за границу» (его пост «временно» занял Б.А. Татищев).²⁷ И только в 1932 г., узнав о кончине М.А. Волошина, Струве откликнулся на нее цитировавшейся выше «Страничкой воспоминаний» — «Памяти Максимилиана А. Волошина», назвав его «сильным и интересным поэтом» и подчеркнув, что «несколько очень сильных стихотворений» Волошин написал именно «в эпоху «белого» движения».²⁸ Через месяц Петр Бернгардович еще раз вспомнил Волошина, — отозвавшись на дошедшую до него ругательную статью напостовца Г. Лелевича в «Большой советской энциклопедии». Прочитировав это «большевицкое суждение», Струве совершенно справедливо парировал: «Насильственной и разрушительной большевицкой революции [...] дух *поэта* Волошина был глубоко враждебен, — какие бы позы и позиции по отношению к большевизму не занимал человек Волошин в разные моменты своей жизни».²⁹

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Россия и славянство». 1932, 27 августа.

² Номер вышел 1 июля 1902 г. в Штуттгарте; Волошин в это время находился в Италии.

³ Институт русской литературы Академии наук (далее ИРЛИ), ф. 562, оп. 3, ед. хр. 964.

⁴ Там же, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1094.

⁵ ИМЭЛ, ф. 279, кор. 6, пап. 12. По ксерокопии.

⁶ ЦГАЛИ, ф. 7012, оп. 1, ед. хр. 17, л. 25-об.

⁷ ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 505.

⁸ ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 343.

⁹ ИРЛИ, ф. 562, оп. 2, альбом № 8, с. 32.

¹⁰ Библиотека Волошина в его Доме-музее в Коктебеле.

¹¹ Об этом же пишет Глеб Струве, — ошибочно предполагая, что дело было в некотором внешнем сходстве Волошина и Струве. (См.: Г. Струве. К биографии П.Б. Струве. Как П.Б. Струве в 1905 г. уезжал в Россию. — «Русская Мысль», 1971, 18 февраля). Заграничный паспорт Волошина сохранился в его архиве — и он *без фотографии*.

¹² ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1157. По копии А.В. Лаврова.

¹³ ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 111.

¹⁴ «Русская Мысль» (СПб). 1907, № 1, затем — в сб. Струве «Patriotica». СПб., 1911.

¹⁵ ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 952.

¹⁶ Сб. «Литературный архив». Вып. 5. М.-Л.: ИРЛИ, 1960, с. 301.

¹⁷ ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 477. Статья Волошина «Русская трагедия возникнет из Достоевского» была опубликована в газете «Русская молва» 15 марта 1913 г.

¹⁸ Государственный Русский музей, отдел рукописей, ф. 97, ед. хр. 49. По копии, снятой Р.П. Хрулевой.

¹⁹ Гос. национальная библиотека (Москва), рук. отдел, ф. 77 (В.А. Гольцева), карт. 21, ед. хр. 10.

²⁰ Скопировано в архиве М.С. Володиной в Коктебеле в 1970-х.

²¹ См.: В. Купченко. Ссора поэтов. — «Слово и судьба. Осип Мандельштам». М., 1991, с. 176-183.

²² А.В. Голынттейн. Ее муж, В.А. Голынттейн, скончался весной 1917 г.

²³ Нина Александровна (урожд. Герд, 1876-1944), жена Струве.

²⁴ ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 119.

- ²⁵ Скопировано в архиве М.С. Волопиной в 1970-х гг.
- ²⁶ Оба письма скопированы в архиве М.С. Волопиной в 1970-х.
- ²⁷ «Русское дело» (Керчь). 1920, 17(30) сентября.
- ²⁸ «Россия и славянство» (Париж), 1932, 27 августа.
- ²⁹ Там же. 1932, 1 октября.

Юрий МЕДВЕДЕВ

**БЛОК И КУЗМИН
В АРХИВЕ П.Н. МЕДВЕДЕВА**

С именем твоим — сон глубок.
М. Цветаева. Стихи к Блоку.

С того конца залы — неподвижно как
две планеты — на меня шли глаза...
Передо мной стоял — Кузмин.
М. Цветаева. Нездешний вечер.

«В начале 1937 года был арестован самый популярный из наших преподавателей, профессор Медведев, известный лектор, которого знал весь Ленинград. Почему? За что? Никто не знает». Анатолий Краснов-Левитин, написавший это,* ошибся годом. Павел Николаевич Медведев (1892–1938) был арестован 12 февраля 1938 года, а в июне его расстреляли за «участие в антисоветской организации».

Исчез в недрах НКВД литературный архив Медведева, содержащий, помимо его собственных рукописей, обширную переписку с писателями, чье творчество составляло историю литературы XX века, ведь Медведев был лично знаком с Блоком и Белым, Сологубом и Кузминым, Ключевым и Замятиным, Мандельштамом и Пастернаком, Тыняновым и Зощенко...

Рукописи, фотографии, письма, книги с дарственными надписями без разбора складывались в брезентовые мешки.

Сегодняшний семейный архив Медведевых — это то, что удалось матери выпросить у солдата, набивавшего мешки отцовскими бумагами, в обмен на офицерский ремень, который приглянулся солдату больше всех других вещей в опечатанном профессорском кабинете.

П.Н. Медведев был не только преподавателем — историком литературы, но и деятельным участником художественной жизни своего времени: критиком, фи-

* А. Краснов-Левитин. Лихие годы. Париж, 1977, стр. 320.

лософом, редактором журнала, издательским работником, даже театральным режиссером. С 1911 года, еще будучи студентом юридического факультета Петербургского университета, он выступает в печати со статьями о литературе. В 1915 году уходит на фронт, публикуя в газетах репортажи из действующей армии и статьи о Пушкине, Гоголе, Андрее Белом. После Февральской революции двадцатилетнего юриста и литератора, обладавшего незаурядным общественным темпераментом, Витебская Дума избирает городским головой, а после Октябрьского переворота Медведев, во главе подотдела искусств, вместе с Шагалом, Добужинским, Малым и другими интеллигентами налаживает культурную жизнь Витебска.

Медведева увлекали философские проблемы искусства, волновала феноменология художественного творчества. Одна из его ранних статей называлась «К философии русской литературы» (1912), а в 1918 году в Витебске он организует «Общество свободной эстетики»,^{*} читает курс теории художественного творчества, готовит к печати «специальный труд» по поэтике. Для Медведева была характерна ценностная ориентация в эстетике, поиски нового подхода к теории и истории литературы. Общность интересов (в том числе и по философии права) сблизила его с М.М. Бахтиным, переехавшим в Витебск в 1920 году; участие в общем философско-эстетическом поиске бахтинской плеяды перешло в близкую многолетнюю дружбу П.Н. Медведева с М.М. Бахтиным, М.В. Юдиной, В.Н. Волошиновым.

Отвечая в апреле 1924 года на вопросы кабинета современной литературы Института истории искусств (Зубовского института) Медведев сообщает: «В рукописи лежат три книги: «Очерки по психологии художественного творчества», «Методологические предпосылки истории литературы», «Русская литература XX века». Основная работа в настоящее время — литературное наследие Ал. Блока». Но это было для Медведева не просто литературоведение, это была душевная потреб-

^{*} «Известия Витебского губернского Совета...», № 248, 1918 г.

ность, стремление понять не только Блока, но и себя и свое время.

«У нашего поколения, — писал он в связи с кончиной поэта, — не было и не могло быть ни с кем из поэтов романа более интимного и глубокого, чем с Александром Блоком. Он выразитель нашей юности, голос ее надежд, видений, мечтаний». Немалую часть своей жизни Медведев посвятил собиранию литературного наследия Блока, изучению творческой истории его произведений («Драмы и поэмы Ал. Блока. Из истории их создания». Л., 1928), он был первым публикатором и комментатором блоковского «Дневника» (1928) и «Записных книжек» (1930). «Книги и публикации Медведева, — пишет современный исследователь, — заложили основы научного истолкования творчества крупнейшего поэта XX века».* Блоковские штудии Медведева и по сей день не выпадают из научного и литературного обихода.

В предисловии к первому изданию сборника «Памяти Блока», выпущенного петербургским издательством «Полярная звезда» в обложке Юрия Анненкова в 1922 году (в 1978 году переизданного в ИМКА-Пресс) П.Н. Медведев писал: «Мы были свидетелями многих легенд, которые создаются и разрастаются вокруг имени поэта... Но наступает пора другого подхода к Блоку и его творчеству. Наступает время изучения его. И как всякое серьезное изучение... [оно] должно начаться с собирания материалов».

Второе издание сборника «Памяти Блока», вышедшее в 1923 году, содержало ряд новых материалов, в том числе статью П. Медведева «Неопубликованные рецензии», посвященную отзывам А. Блока — председателя приемной комиссии Союза поэтов — о стихах литераторов, претендовавших на вступление в Союз. В статье были приведены двадцать три ранее неизвестных блоковских отзыва.

^{*} А.В. Лавров. Предисловие к публикации «Андрей Белый. Письма к П.Н. Медведеву». — сб. «Взгляд: Критика, Полемика, Публикации». М., 1988, стр. 430.

История возникновения Петроградского отделения Всероссийского Союза Поэтов под председательством А. Блока, а затем сменившего его Н. Гумилева, сейчас уже достаточно известна по воспоминаниям его участников, заметкам Блока в «Дневнике» и «Записных книжках» и ряду других свидетельств, поэтому нет нужды ее пересказывать. Напомним лишь, что в приемную комиссию Союза поэтов с самого начала вошли Ал. Блок (председатель), Н. Гумилев, М. Кузмин и М. Лозинский.

Каждый из желавших вступить в Союз представлял при прошении свои стихи — в рукописи или напечатанные, а каждый из членов приемной комиссии давал свое заключение о прочитанных стихах — на обороте прошения или же, большей частью, на отдельном листке. Первым свое мнение обычно высказывал Блок, за ним, на том же листке, — остальные члены комиссии.

По сообщению поэта Вс. А. Рождественского, бывшего первое полугодие секретарем Союза и приемной комиссии, «Блок очень серьезно относился к возложенным на него, несколько щекотливым обязанностям. Он всегда тщательно изучал представленный материал. Свои отзывы всегда писал на дому».

П.Н. Медведев опубликовал отзывы Блока, относящиеся к июлю-ноябрю 1920 года, но за время существования Союза поэтов таких «внутренних рецензий» было значительно больше. Судьба их до сих пор неизвестна. Медведев предполагал, что они или затеряны, или оказались у Г. Иванова, сменившего Рождественского на посту секретаря Союза и приемной комиссии. Однако отъезд Георгия Иванова в 1923 году за границу не дал возможности «получить от него разъяснений по этому вопросу».

Но и те двадцать три отзыва А. Блока, которые были опубликованы, содержали интересные подробности об отношении Блока к молодым поэтам, о его взглядах на поэта и поэзию. Эти наблюдения были изложены Медведевым в статье и послужили материалом для доклада в Институте истории искусств.

Так как рецензии Блока не предназначались для печати и относились к здоровствовавшим и продолжав-

шим свою литературную работу людям, публикатор не считал возможным расшифровать имена рецензируемых авторов, ограничившись указанием только первой и последней буквы их фамилии.

Так и сохранялась их анонимность, как и неизвестность о том, что по поводу предложенных стихов думали и писали другие члены приемной комиссии — Гумилев, Кузмин, Лозинский, чье мнение, как и блоковское, представляет значительный историко-литературный интерес.

Только в 1987 году в «Литературном наследстве» появилась публикация,* в которой приведены отзывы всех четырех членов приемной комиссии Союза поэтов на стихи восемнадцати авторов, чьи имена здесь уже названы полностью. Однако, оказалось, что новых находок, по сравнению с теми, которые фигурировали в статье Медведева, публикация не содержит, хотя их «должно быть еще более 50».**

Ниже мы приводим те отзывы, которые, будучи упомянутыми в «Литературном наследстве» в связи с публикацией 1923 года, остались невыявленными и нераскрытыми. Они сохранились в семейном архиве П.Н. Медведева.

Отзыв о стихах поэтессы М.М. Шкапской Медведев ранее не приводил, вероятно, потому, что в его статье речь шла о начинающих поэтах, а Шкапская в поэтических кругах была известна и вскоре после принятия в Союз поэтов приняла самое активное участие в его работе, была близка к Блоку и оказалась среди тех, кого, по выражению Блока, «выперли» из Союза возобладавшие там поэты-акмеисты во главе с Н.С. Гумилевым.

На «четвергах» у Шкапской бывал и П.Н. Медведев, личное знакомство, вероятно, также наложило некоторые обязательства, которые не позволили ему опубликовать рецензию. Особенно интересным представляется нам отзыв М.А. Кузмина, формулирующий

* Блок и Союз поэтов. — «Литературное наследство», т. 92, книга четвертая. М., «Наука», 1987, стр. 684–695.

** «Памяти Блока», стр. 65.

его представление о «непристойности» в искусстве, в чем неоднократно обвинялся сам Кузмин.

О М.М. Шкапской *

Стихи живые и своеобразные. Нахожу, что автора можно принять в действительные члены С. П.

Ал. БЛОК

Автор, по-моему, может быть принят в члены С.П., хотя, стихи при однообразии своей чисто физиологической темы, часто неприятно натуралистически грубы и от неточности выражений местами непристойны, но поэтическое чувство и движение в них безусловно есть.

М. КУЗМИН

Полагаю, что автора следует принять в члены Союза.

М. ЛОЗИНСКИЙ

Думаю, что надо принять, стихи хорошие и за пять лет видно развитие таланта.

Н. ГУМИЛЕВ

О стихах И. Давыдова

Стихи — заурадные, обывательские, «с настроениями». Не стоит с ними считаться.

Ал. БЛОК

* Шкапская (урожд. Андреевская) Мария Михайловна (1891-1952), окончила лит. ф-т в Тулузе (1914). Печаталась с 1910. В начале 20-х годов выпустила ряд поэтических сборников, в том числе книгу «Mater Dolorosa», за которую, по словам Н. Гумилева, и была принята в Союз (об этом см. «Вопросы литературы», 1980, № 6, стр. 121).

О других авторах известно следующее: Рябинин А.Н. (1875-1942) — автор сборника «...После грозы» (Пг, 1918); Лебедев В.П. — автор книг: «Тихие песни. Стихотворения» (СПб, 1901), «Стихотворения» (Пб, 1913), «Сказание о княгине Ольге. Поэма» (СПб, Изд. Всерос. о-ва св. Ольги, 1913) и «175-я годовщина Первого Кадетского корпуса. 17 февраля 1907 г. Сцены в стихах». (СПб, 1906); возможно, идет речь о И. Давыдове, авторе сб. «Не отвергайте, не узнав» (Пг, 1916); о И. Шапир сведениями не располагаем.

Серо и скучно. Принимать не надо.

М. ЛОЗИНСКИЙ

Малоглазотно. Я против приема.

Н. ГУМИЛЕВ

Очень неважно. Не нужно.

М. КУЗМИН

О стихах В.П. Лебедева

Думаю, что надо принять, работал долгую жизнь и профессиональный признак налицо. Нехорошо, что скрывает, что его биография из «Русского паломника», и напирает на «Известия» и «Каляева».*

Ал. БЛОК

Разделяю мнение А.А. Блока.

М. ЛОЗИНСКИЙ

О стихах А. Рябинина

А. Р., как явствует из предисловия, не пишет стихов с 1906 года. Книжка «После грозы» есть изложение, вероятно, искреннее, довольно средних мыслей и чувств в плохой метрической форме. Поэзией этих стихов назвать нельзя.

Ал. БЛОК

Совершенно бесцветная книжка, ни одного своеобразного слова. Конечно, автору не место в Союзе поэтов.

М. ЛОЗИНСКИЙ

Безнадежно. Принимать не стоит.

Н. ГУМИЛЕВ

Очень бледно. По-моему не годится.

М. КУЗМИН

* Автор представил при заявлении выдержку «из одной из биографических статей» и указал, что место его службы редакция «Известий Петросовета». «Каляев» — одно из произведений Лебедева. («Памяти Блока», стр. 69). Отзывы Гумилева и Кузмина о стихах Лебедева не зафиксированы. Вероятно, по какой-то причине они им на письменную рецензию не представлялись или были написаны на отдельном листе.

Стихи И. Ш. — для домашнего обихода, совсем дилетантские, неумелые, слов много, а настоящего — ни одного. Такие же и переводы. Все это — мило и чисто, но страшно безвкусно; ей надо быть хорошей девушкой, а поэта из нее не выйдет.

Ал. БЛОК

Конечно, не надо принимать, это дамское рукоделие, а не стихи.

Н. ГУМИЛЕВ

И рукоделие-то плохое.

М. ЛОЗИНСКИЙ

Переводы бледны, оригинальные еще бледнее. Незачем обременять Союз совершенно пустыми местами.

М. КУЗМИН

Сегодня мы как бы завершаем ту публикацию, которую начал в 1923 году П.Н. Медведев. При этом, как и прежде, не теряется надежда, что в других архивах, в том числе и зарубежных, могут быть сделаны новые находки о деятельности приемной комиссии Союза поэтов, который просуществовал в Петрограде до 1922 года.

Личное знакомство Медведева с Блоком не было близким: уход Медведева на фронт в 1915 году и послевоенная работа в Витебске надолго вырывает его из Петербурга, где он бывает наездами. Но встречи были, и фрагменты их, записанные Медведевым, промелькнули, затерявшись в газетной периодике. Руководствуясь суждением друга Блока, поэта В. Зоргенфрея, что «с каждого из видевших Блока спросится», — приводим одну из записей, имеющих в семейном архиве:

«Когда я 20 февраля 1919 года встретился с А[лександром] А[лександровичем] в «Привале комедиантов» на Марсовом поле, разговор, естественно, зашел об аресте Блока, — это было спустя 3 дня после его освобождения.

Блок рассказывал: — Приписали мне авторство левоэсер. прокламаций. Говорят: мой стиль. Поми-

луйте, — с наивным простодушием спрашивает А. А., — неужели я так скверно пишу, что мне можно приписать эту честь?»

Другой эпизод этого вечера был рассказан Медведевым в августе 1921 года на страницах витебской периодики:

«20 февраля в «Привале комедиантов» очередной вечер поэтов. Стоим за кулисами с Блоком. Беседуем и слушаем. На эстраде гремит и глушит, мечет и позирует Влад. Маяковский. Вдруг Блок обрывает реплику и хватает меня за руку:

— Слышите, строчка из Пушкина! — Ему радостно было услышать родное и вечное в том, что на отрицании всего этого, а порою — и на глумлении над ним, строит свое ударное красноречие».*

Дочери Наталии (1915 г. рожд.) П.Н. Медведев подарил блоковский автограф стихотворения «Милая девушка, что ты колдуешь...» Этот автограф, открывавший девичий альбом, положил начало многим записям литераторов, бывавших в доме отца. Среди авторов альбомных экспромтов были Н. Клюев, Ф. Сологуб, Вяч. Шишков... Альбом пропал в ленинградскую блокаду: в дом на Вознесенском попала бомба. В проломе всю войну висел концертный рояль, на котором, бывая в доме Медведевых, когда-то играла Мария Вениаминовна Юдина.

В нынешней Российской национальной библиотеке в фонде П.Н. Медведева (ГПБ, фонд 474) имеются автографы известных блоковских стихотворений: «Навстречу вешнему расцвету», «Гармоника», «Мадонна», «Современнику» («Да, так диктует вдохновенье...») и черновой набросок последнего, дающий представление о процессе работы над ним и дате написания. Здесь же несколько фотографий поэта — с юных лет и до снимка в гробу. Одну из фотографий — Блок среди сотрудников Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, — нам не приходилось встречать напечатанной.

* «Искусство». Витебск, 1921, № 4-6, стр. 2-3.

А вот другая редкая фотография — сепия 1925 года, на которой М. Кузмин в окружении гостей своего юбилейного вечера в квартире-ателье известного фотографа-художника М. Наппельбаума. Вокруг Кузмина — чуть ли не весь «литературный Петербург» того времени. А. Ахматова, Н. Клюев, А. Радлова, Ю. Юркун, С. Радлов, М. Лозинский, К. Вагинов, П. Медведев, Е. Шварц, В. Рождественский, К. Федин, чтец А. Шварц, А. Введенский, Н. Чуковский, три сестры Наппельбаум...

26 октября 1925 года Ленинградское общество библиофилов устроило пышное заседание, посвященное 20-летию литературной деятельности М.А. Кузмина. Вечер состоял из двух отделений: в первом — юбиляра приветствовали писатели и поэты, во втором — стихи читал сам Кузмин, была и актерская декламация, исполнялись музыкальные произведения М.Кузмина. К заседанию была выпущена, в количестве 200 нумерованных экземпляров, памятка с портретом Кузмина, стихотворными приветствиями ему и программой вечера, в котором доклад о творчестве поэта был отведен П.Н. Медведеву. О том, что доклад состоялся и П.Н. Медведев «указал на значение писателя в русской литературе, отметив, что среди поэтов, выступивших за последнее пятидесятилетие на смену плеяды 40-х годов, М.А. Кузмин занимает одно из первых мест», — сообщил первый выпуск «Альманаха библиофила», вышедший в количестве 300 экземпляров в 1929 году и представляющий теперь значительную библиографическую редкость.

Участие Медведева в качестве докладчика не было случайным: его первая статья о Кузмине появилась в 1912 году в журнале «Новая студия», когда еще сам Медведев был начинающим критиком. Тем не менее статья запомнилась, и, как отмечают комментаторы наиболее полного собрания произведений М. Кузмина, вышедшего в России после полувекового забвения, сходную медведевскую высокую оценку сборника Кузмина «Осенние озера» позднее дал в обзорной статье «Русская поэзия» В. Ходасевич.*

* М. Кузмин. Избранные произведения. Л., «Художественная литература», 1990, стр. 6, 513 и 523.

В 1923 году в Петрограде вышла книга статей М. Кузмина об искусстве «Условности». П.Н. Медведев быстро откликнулся на это издание в журнале «Записки Передвижного театра»,* который он в эти годы редактировал. В частности, он писал: «М. Кузмин — настолько яркая и значительная художественная индивидуальность, что даже мелкие его работы имеют право на общественное внимание. [...] Печать выдержанного и строгого вкуса, пожалуй, самое ценное и значительное в «Условностях».

Пиетет к Кузмину, тем не менее, не останавливает Медведева от высказывания решительного несогласия с ним, когда, по мнению критика, переживания поэта вошли в несоответствие с «требовательными формами поэзии». Так было, например, по отношению к циклу «Духовных стихов» Кузмина.

«Стоит только сопоставить их хотя бы с прекрасным «Сном Матери-Пустыни» В. Иванова... — пишет П. Медведев. — У В. Иванова — религиозный пафос, жгучее томление по Нем, радостное предчувствие Его, Бога грядущего, выраженное звонким и грозным стихом, у Кузмина же — только литературщина, только более или менее удачное и умелое мастерство. А когда, наконец, рассказывается о рождении Богоматери, что Анна —

И в назначенную ночь
Родила Марию-дочь,

— мы вспоминаем отнюдь не великое событие, а веселую... сказку Пушкина».**

Несомненный интерес представляет автобиография М.А. Кузмина,*** собственноручно написанная им по просьбе Медведева для его книги по русской литературе начала века. Приводим ее полностью.

* «Записки Передвижного театра». Пб, 1923, № 62, стр. 7.

** Медведев П. Арабески. I. М. Кузмин. «Осенние озера» — Новая студия, 1912, № 9, стр. 10.

*** Краткую цитату из этой автобиографии со ссылкой на фонд П.Н. Медведева в ГПБ встречаем в статье Джона Е. Малмстеда в книге: Studies in the Life and Works of Mixail Kuzmin. Edited by John E. Malmstad. Wien, 1989, p. 179.

«Родился я в городе Ярославле 6 октября 1875 года. Оттуда же происходила и вся моя семья с отцовской стороны. Прапрадед со стороны матери был французский актер Офрэн, пользовавшийся широкою известностью и выступавший в Петербурге. Это единственное артистическое имя в восходящем поколении. А. Ауслендер, как сын моей сестры, приходится мне племянником. Ребенком я был поздним, так как отцу моему было уже 60 лет, а матери за сорок, когда я родился, и ближайший ко мне брат был старше меня больше, чем на десять лет.

Детство я провел в Саратове и в течение лет чаще других мест России бывал в приволжских губерниях (Ярославской, Костромской, Нижегородской, Казанской). Знакомы мне также центр и север России (Московская, Владимирская, Рязанская, Тамбовская, Смоленская, Псковская, Новгородская, Вологодская и Олонецкая губернии). Юга же России, хотя и был проездом в Киеве, Варшаве и Одессе, я не знаю и не очень люблю. За границей я бывал в Египте (Турции, Греции), Германии и дольше всего в Италии.

Но с 1886 года Петербург сделался местом постоянного моего жительства, где я учился (в 8 гимн. и Консерватории) и где протекала моя литературная деятельность. До 1903 года я не думал о литературе, готовясь быть композитором. Первые опыты были задуманы, как тексты для музыки, и только потом друзья обратили мое внимание, что эти «слова» могут иметь и самостоятельное значение. Огромное влияние на меня оказал Г.В. Чичерин, большой и единственный друг моей юности, и семейство Верховских, интересовавшихся новым русским искусством.

Кружок «Мира искусства» (С. Дягилев, Сомов, Бакст, Нувель) и «вечера современной музыки» (Нурок, Каратыгин) были обществами, с которыми я в начале был связан более всего.

В 1905 году впервые напечатался в альманахе «Зеленый сборник», изданном Верховскими. В том же году через Сомова познакомился с Вяч. Ивановым, где встретился с В. Брюсовым, пригласившим меня в «Весы».

Второй волной дружества была группа московских художников (Судейкин, Сапунов, Феофилакт, Арапов, Ларионов, Кузнецов), театр Комиссаржевской и Мейерхольд.

Затем основание с Мейерхольдом и Сапуновым «Дома Интермедий» и участие в редакционной работе «Аполлона» были до некоторой степени общественными моими занятиями. Впрочем «Дом Интермедий» просуществовал очень недолго, а с группой «Аполлона» ровно как и с цехом поэтов и скоро разошелся.

Некоторое время стоял очень близко к журналу «Жизнь искусства» и к Б. Драм. Театру.

Последние годы группа друзей и единомышленников объединилась под названием «Эмоционалисты», и мы издали альманах «Часы» и 3 выпуска «Абракса». Группа эта состоит из К. Вагинова, В. Дмитриева, Б. Папаригопуло, Адр. Пиотровского, Анны Радловой, С. Радлова, Ю. Юркуна и меня.

Таково положение дел в настоящее время. Ниже прилагается список отдельных книг, вышедших за этот период.

Как критик и поэт, участвовал я в газетах и журналах: «Весы», «Золотое Руно», «Перевал», «Утро России», «Русская мысль», «Северные записки», «Нива», «Огонек», «Аргус», «Лукоморье», «Солнце России», «Биржевые ведомости», «Творчество», «Москва», «Сатирикон», «Галчонок», «Мухомор», «Жизнь искусства», «Веч. Красная», «Московские известия», «Новая Россия», «Накануне», «Театр» и др.

Как переводчик, перевел я «Фьяметту» Боккаччо, стихотв. Бердсли, Уайльда, Ренье и Ронсара; переводил и редактировал сочинения А. Франса для «Всемирной литературы» и теперь перевожу и редактирую Анри де Ренье для издательства «Academia».

В смысле музыки за последние годы я ограничивался музыкой к разным пьесам для театра и написал большое камерное произведение «Лесок», текст которого был издан отдельно.

Я не знаю, кто имел на меня влияние, судить об этом предоставляю критикам, но могу перечислить

отстоявшиеся свои поэтические симпатии. Две эпохи в литературе производят на меня непередаваемое впечатление: Елизаветинцы и «Буря и натиск» в Германии. Затем отдельные поэты: Шекспир, Гете, Гофман, Бальзак и Диккенс, из более современных А. Франс. Русские: Пушкин, Достоевский и Лесков.

Из современников всецело заинтересован экспрессионистами. Из русских высоко ценю Хлебникова, Анну Радлову, Вагинову, Ремизова, Юркуна и Пастернака.

От пристрастий, разумеется, я не гарантирован.

В конце автобиографии на отдельном листке приводится список книг Кузмина, начиная с «Приключения Эме Лебефа», «Трех пьес» и «Крыльев» (все 1907 года издания) и кончая «Параболами» и «Условностями» (1923 г.).

Автобиография — без даты, но список книг, как и сам текст, указывает на середину 20-х годов.

Автографы трех стихотворений: «Тройное имя носит город...», «О, Феодоре Стратилате...» и «В гроте венином мы горим...» были получены Медведевым лично от М. Кузмина для иллюстрации его курса лекций по русской литературе.

ТРИ НЕИЗДАННЫХ СТИХОТВОРЕНИЯ

Тройное имя носит город,
Четвертое название — Рим.
Пусть сонный воздух пушкой вспорот,
Надеждой крестной мы горим!

И я бывал, друзья, в Стамбуле,
Покой прелестный полюбив,
В дали мои глаза тонули,
Где зыбит зелени залив.

Лишь ты одна, Ая София,
Гнала мечтательную лень,
Напоминая дни иные,
Особенно тот горький день...

Трещат машины боевые,
Все ближе крик «велик Аллах!..
Предсмертно меркнут золотые
Орлы на царских сапогах.

Служитель алтаря с Дарами
И клириков нестройный рой...
«Господь, о, смилуйся над нами!
Да не погибнет Рим второй!»

Султан, разгорячен от зною,
На столб, чтоб славу увенчать,
Окровавленной пятернею
Несмытую кладет печать.

Она не смыта, нет, о Турки,
Нагляднейшая из улик,
Что скоро из-под штукатурки
Нам засияет Спасов Лик.

И даже там, в раю приснится,
О бедный византийский брат,
Что снова милая столица
Окрестится «Святой Царьград!»

* * *

О, Феодоре Стратилате,
О, Егорий, апрельский цвет,
Во пресветлой вы во палате,
Где ни плача, ни скорби нет.
Выходите вы со полками
Из высоких, злаченных врат!
Ваш оплот — надо всеми нами.
Божий воин земному — брат.
Изведите огонь и воду,
Растопите вы топь болот,
Понашлите всю непогоду

На безбожный и вражий род!
 Преподобные, преклоните
 Ваши взоры от райских книг,
 Вы, святители, освятите,
 Предводи нас, Архистратиг!
 Мы молебны поем не втуне,
 Не напрасно поклоны бьем:
 От приморской спешит Солуни
 Свет Димитрий, звеня копьем.
 На пороге же Божья Мати
 Свой покров простирает вслед,
 Чтобы Царь Христос нашей рати
 Дал венец золотых побед!

1914, ноябрь

* * *

В гроте венерином мы горим...
 Зовы голубок, россыпи роз!...
 Даже не снится нам круглый Рим
 И странничий посох, что каждый нес.

Сирены, сирены, сладелый плен!
 Алого сумрака смутный гнет...
 А путь был ангелом благословен,
 Коней стреноженных до сих пор он пасет.

Золотого моря желанный лов!
 Сладчайшего в мире коснулся дна.
 Благовещеньем колоколов
 В полях родных земная весна.

Развейся, раковин розовый дым!
 Рвитесь, венки из фиалок!.. Есть
 Рим и сердцу простым и прямым
 Мужеским цветом дано зацвести.

1923

СУДЬБЫ РОССИИ

ПАМЯТИ АРХИЕПИСКОПА РЯЗАНСКОГО И ШАЦКОГО ИУВЕНАЛИЯ (МАСЛОВСКОГО) (1878–1937)

Всем, знавшим архиепископа Иувеналия, дорого все, что касается его памяти. Тем более дороги его письма, написанные им из ссылки в годы тяжелых испытаний.

В этих письмах ярко отражается светлая личность покойного Владыки. Несмотря на то, что прошло более пятидесяти лет, как с нами нет архиепископа Иувеналия, рязанцы до сих пор чтут его память. И достойный владыка Иувеналий достоин такого почитания, как человек исключительных качеств и достоинств: богато одаренный умом, прекрасной внешностью, благородный, гуманный, чуткий, строгий аскет, умевший сочетать глубокую религиозность с обаянием светски воспитанного и образованного человека, с тонким вкусом, с волевым, настойчивым и целеустремленным характером. Он нежно и трогательно любил Рязань и рязанцев, и Рязанская епархия, воссозданная им в православии после шатаний обновленчества, платила ему тем же. Образ святителя, «положившего душу свою за овцы», до сих пор незримо означен на рязанской пастве.

Владыка был патриотом рязанских святынь и церковных традиций: первосвященника Василия, покровителя земли Рязанской, он благоговейно называл своим «отцом».

Родился Владыка 15 января 1878 года в городе Ливны Орловской губернии в благочестивой семье дворянина Александра Масловского и жены его Анны. Мальчика назвали Евгением. Обучаясь в Ливенской гимназии, он уже тогда отличался от сверстников. Если у одного гимназиста лежали в столе роман или сборник стихов, то у Жени Масловского — Евангелие.

Владыка Иувеналий
1902 год. Казанская Духовная Академия.

В 1900 году юноша поступил в Казанскую Духовную Академию. Ректором ее в то время был преосвященный Антоний (Храповицкий), епископ Чебоксарский викарий Казанский. Пример епископского служения, Владыка Антоний пользовался глубокой любовью студентов и был одним из родоначальников монашества в Академии. За период своего ректорства он постриг более шестидесяти студентов, большинство которых впоследствии стали архиереями.

10 февраля 1901 года принял постриг и второкурсник Евгений Масловский, и наречен был в иночестве Иувеналием, в честь святителя Иувеналия, Патриарха Иерусалимского (память 2/15 июля).

25 февраля того же года монах Иувеналий был рукоположен во диакона, а 31 июня 1902 года — архиепископом Дмитрием (Самбикиным) Казанским и Свияжским — во иеромонаха.

В это же время в Казанской Академии учились известные впоследствии иерархи-подвижники — Иларион (Троицкий) и Петр (Зверев).

В 1903 году иеромонах Иувеналий закончил Академию с степенью кандидата богословия и правом преподавания в семинарии, но на преподавательское поприще вступил лишь после годичного служения в Урмийской Православной миссии в Персии.

В августе 1904 года отец Иувеналий был назначен преподавателем гомилетики в Псковскую Духовную семинарию, а спустя полтора года последовал Указ Священного Синода о назначении его настоятелем Спасо-Елизарово-Великопустынского мужского монастыря.

В апреле 1906 года, по воле Божией, отправился иеромонах Иувеналий в основанную в XV веке обитель, что в 29 верстах от Пскова, на берегу реки Толбы. В июне 1906 года иеромонах Иувеналий был возведен во игумена.

Четыре года подвизался в обители отец Иувеналий. Настоятель, он предан себя в полное послушание своему духовному отцу и наставнику старцу схииеромандриту Гавриилу.

16 октября последовал Указ Священного Синода о назначении игумена Иувеналия настоятелем повгородского первоклассного Юрьева монастыря. Четыре года возглавлял

влял архимандрит Иувеналий (с 14 декабря 1910 года) Юрьев монастырь.

24 августа 1914 года в Троицком соборе Александроневской Лавры в Петрограде епископскую хиротонию архимандрита Иувеналия во епископа Каширского викария Тульского совершили митрополит Владимир (Богоявленский) с членами Священного Синода. 28 августа, в день Успения Пресвятой Богородицы, новопоставленный Владыка преподал Богом данной ему пастве свое первое святительское благословение.

28 июля 1917 года, незадолго до Октябрьских событий, указом Священного Синода Владыка Иувеналий был назначен на Тульскую кафедру. Нелегко начался тульский период служения Владыки. Уже в начале 1918 года по губернии началось массовое выселение духовенства из церковных домов. Преследование церковных старост за продажу свечей, конфискация личного имущества церковнослужителей вылилась в волну жестокого, безудержного террора.

23 января 1919 года был издан декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». А в начале 1922 года безбожная власть обрела давно желанный повод для борьбы с церковью. В самый разгар голода началась агитация за использование церковного имущества для якобы оказания «помощи голодающим». Суду предавались не только отдельные духовные лица, но и целые церковные причты. В 1923 году епископ Иувеналий, протоиерей Успенский, староста Сынгарева были осуждены за совершение молебна перед иконой Божией Матери, найденной на колокольне Казанской церкви, а за отказ изъять ценности совет церкви заключили под стражу и трибуналом приговорили к трем годам лишения свободы. Всего же с начала года в связи с кампанией по изъятию церковных ценностей в Туле было расстреляно и замучено более шестидесяти лиц церковного звания.

По милости Божией Владыку вскоре освободили из заключения, и 17 октября 1923 года указом Священного Синода епископ Иувеналий был возведен в сан архиепископа и назначен на Курскую кафедру.

Неуютно встретил преосвященного город. Улицы пестрели плакатами с карикатурами на духовных лиц и призывами к их уничтожению. Священников и монахов заставляли

чистить улицы, сгребать снег с крыш, таскать дрова и воду, расчищать железнодорожные пути. Все это им полагалось делать в облачении с крестами. По рассказам очевидцев, больно было видеть пастырей, идущих по улицам города с лопатами на плечах под конвоем красноармейцев.

В городе закрыли все двенадцать домовых церквей. В храме духовного училища на месте алтаря устроили сцену, а саму церковь обратили в танцевальный зал, где учили танцам красноармейцев. Иконы замазали краской, на их месте написали коммунистические лозунги, призывы, а вокруг лика Спасителя нарисовали пятиконечную звезду...

Общее число публичных доносов на духовенство, напечатанных только в центральных газетах и журналах, достигало многих тысяч. По доносам фабриковались дела, пастырей арестовывали, а их приходы автоматически, тихо, без лишнего шума — закрывались. На Соловки, на верную гибель, гнали эшелоны со священно- и церковнослужителями.

В феврале 1924 года за якобы «антисоветскую агитацию» был арестован и Владыка Иувеналий и отправлен по этапу в Соловецкий концлагерь.

В то время на Соловках находилось уже более 120 служителей церкви, из них 25 архиереев. Сначала лагерное начальство было довольно снисходительно: заключенных епископов, священников и монахов поселили отдельно от уголовников — в бывшем Святительском корпусе, примыкающем к церкви митрополита Филиппа.

С 6 часов вечера в монастырском храме совершалось всенощное бдение, а в 4 часа утра — литургия, которая заканчивалась к шести — началу утренней поверки и рабочего дня.

Знаменитый литургист, знаток церковного устава, пораженный современников исключительной памятью на церковные песнопения, Владыка Иувеналий начал в соловецкой ссылке работу над «Архиерейским Торжественником», составившим впоследствии шесть переплетенных томов (три тысячи страниц). Работая над материалом, Владыка сделал попытку связать практику древнерусских архиерейских служб, запечатленных в Чиновниках московского кремлевского Успенского собора, Холмогорско-Преображенского собора, нижегородского Преображенского собора, повгород-

ского Софийского собора с современной церковной практикой, подвел так называемые «провинциализмы» под единые правила для всех архиерейских служб.

Соловки изменили жизнь не одного пастыря: их переписка ограничивалась лишь деловыми посланиями к близким родственникам, а то и вовсе прекращалась, рвались родственные связи, распадалась семья: жены, дети покидали мужей и отцов, не желая жить с «лишенцами». Если до Соловков многие священники вели активную духовную жизнь, имели влияние на прихожан, то после Соловков стали самыми заурядными священниками: ограничивались богослужениями, совершением треб и воздерживались, часто по просьбе верующих, от проповедей и всего, что могло бы вызвать новое «дело»...

В 1928 году вернувшийся из ссылки архиепископ Иувеналий был назначен на Рязанскую кафедру. Великий молитвенник, благодатию Божией он оказывал сильное влияние на молящихся. Его молитвенная настроенность передавалась и верующим, которые не просто присутствовали на службах, а жили одной семьей с отцом-архипастырем. Церковные службы Владыка очень любил, и они всегда проходили торжественно и благоговейно.

Глубокой ночью люди спешили в Иерусалимский храм, где в присутствии Владыки совершались по-монастырски ночные службы-полунощницы. И как бы долго ни длилось богослужение, прихожане не замечали ни времени, ни усталости, и сразу же по окончании спешили в собор, куда архиерей должен был прибыть для совершения преждеосвященной литургии.

В собор Владыка ездил обычно на белой лошадке, которая сама знала дорогу к храму. Часто люди приходили задолго до приезда Владыки и, собравшись у церкви, глядывались вдаль. Но вскоре извозчику Симеону Скворцову запретили возить архиерея, и Владыка стал, прихрамывая, ходить в собор пешком. Хромать Владыка стал после пребывания в тульской тюрьме.

Подстать архиепископу было и рязанское духовенство, на высоте — церковные хоры. Часто Владыка устраивал торжественные богослужения, старался, чтобы церковь всегда была украшена. Архиерей собрал вокруг себя священно-

служителей-певцов. Хор духовенства, куда входили келейник Владыки игумен Евгений (Анохин), иеромонах Серафим (Крупнов), протоиакон Василий Баландин, диакон Борис Андреев, диакон Иван Богряшкин, — превосходил правые хоры собора и всех остальных церквей епархии.

За всенощным бдением стихиры пелись на глас, обязательно с канонархом, так что содержание их, все до последнего слова, было понятно молящимся.

В службу Владыка ввел некоторые новшества. Так, в течение всего Успенского поста ежедневно по вечерам совершались особые длительные службы с пением параспев на два хора канона Божией Матери, чтением акафиста Успению Божией Матери и Евангелия.

После праздника Успения вечером совершалось вечернее богослужение — погребение Божией Матери с пением стихов из Псалтири и чтением похвальных статей в честь Успения Богородицы.

Впервые при Владыке Иувеналии над плащаницею Божией Матери была устроена деревянная сень, которую рязанцы с энтузиазмом украшали ветками клена и белыми астрами.

Завет Владыки сохранить «умилительные Успенские моления» исполняется в Рязани и по сей день.

В 1934 году в Борисоглебском соборе был отслужен молебен по случаю двадцатилетнего служения Владыки в архиерейском сане.

Владыка Иувеналий принимал в епархию возвращающихся из ссылок священников, давал им приходы, по возможности помогал материально, говоря, что «люди эти заслуживают поощрения, потому что безропотно страдают из-за гонений на церковь».

В 1935 году арестованный священник из Старожилковского района иеромонах Анатолий (Купряшкин) сбежал из-под стражи и около недели скрывался в доме Владыки, но был кем-то выдан, вновь арестован и сослан.

Радушно встретил Владыка игумена Кирилла (Зеленина), дал приход в селе Рыкова Слобода, но там батюшка, быстро собрав общину верующих, сумев привлечь к храму молодежь, навел на себя подозрения и был изгнан местной властью за якобы «антисоветскую деятельность». Владыка

скрывал и его, и спустя некоторое время направил служить в села Спас-Утешь и Абакумово Рязанского района.

В декабре 1934 года в Рязань из ссылки прибыл протоиерей Александр Турлевский и был пострижен Владыкой в монашество с именем Фотий. (Позже отец Фотий был хиротонисан во епископа Читинского).

В 1935 году арестовали келейника Владыки отца Евгения. Старец очень скорбел: «Жить стало трудно, — делился он с епархиальными служащими, — никому нельзя довериться, так как не знаешь, какими людьми окружен. Люди продают себя и становятся агентами ГПУ».

22 января 1936 года, под Крещение, арестовали и самого Владыку. Он содержался в Таганской и Бутырской тюрьмах. 4 апреля 1936 года, «за участие в контрреволюционной группе», Владыка был приговорен Особым Совещанием НКВД к пяти годам заключения в исправительно-трудовых лагерях и отправлен в Сиблаг. Летом 1937 года переписка с ним оборвалась, и долгие годы ничего не удавалось узнать о его дальнейшей судьбе. Уже в 1989 году на официальный запрос Управление КГБ ответило следующее:

КОМИТЕТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СССР УПРАВЛЕНИЕ по Рязанской области З.ХІ.89 г. № 11/8686 г. Рязань	Управляющему Рязанской Епархией Архиепископу Рязанскому и Касимовскому СИМОНУ (Новикову Сергею Михайловичу) г. Рязань, ул. Фрунзе
---	---

На № 374 от 5 октября 1989 г.

Сообщаем, что Масловский Евгений Александрович, он же монах ЮВЕНАЛИЙ, 15 января 1878 года рождения, уроженец гор. Ливны Орловской области, архиепископ Рязанский и Шацкий, был арестован 22 января 1936 года. Обвинялся в том, что «являлся организатором и вдохновителем контрреволюционной группы духовенства, монашества и церковников, систематически с духовенством из числа арестованных вел контрреволюционные суждения, давал установки контрреволюционного характера, в частности о переводе церкви на нелегальное положение, лично сам служил в церкви торжественную панихиду по бывшему русскому царю Николаю 2-му, произнес в церкви речь контрреволюционного содержания во время своего 20-летнего юбилея, он же разрешил производство тайных

постригов, комплектовал вокруг церкви учащуюся молодежь, т.е. в преступлении, предусмотренном ст. 58 п. 10 и 11 УК РСФСР».

По постановлению Особого Совещания при НКВД СССР от 4 апреля 1936 года Масловский Е.А. за участие в контрреволюционной группе заключен в исправительно-трудовой лагерь сроком на 5 лет. Для отбытия наказания был направлен в Сиблаг (г. Мариинск Кемеровской области).

Сведениями о дальнейшей судьбе Масловского Е.А. не располагаем.

Президиум Рязанского Областного суда от 16 декабря 1958 года при пересмотре дела постановил из обвинения Масловского Евгения Александровича исключить ст. 58 п. 11 УК РСФСР.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30-40-х и начала 50-х годов» Масловский Евгений Александрович реабилитирован. Вы можете получить в прокуратуре Рязанской области.

Начальник Управления

Ю.В. ЧИЧЕЛОВ

Лишь теперь установлено, что Владыке Иувеналию, находившемуся в Томской исправительно-трудовой колонии, 2 сентября 1937 г. было предъявлено новое обвинение, а 13 октября «тройка» НКВД Новосибирской области приговорила его к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение в ночь с 24-го на 25-ое октября 1937 года.

Находясь в заключении, оторванный от своей паствы, он духом до конца не разлучался с ней. Письма его, своим содержанием направленные ко всем знавшим его, адресованы им на имя одной его благочестивой почитательницы, учительницы-пенсионерки Анны Константиновны Арнольди (теперь уже умершей), взявшей на себя ответственную и рискованную в те годы миссию осуществлять письменную связь между находившимся в заключении Владыкой и рязанской паствой, поддерживать Владыку посылками и письмами, хлопотать о его деле.

1936 год. Рязань.

ПИСЬМА ВЛАДЫКИ ИУВЕНАЛИЯ

Первая открытка с дороги

Дорогая Анна Константиновна! Шлю Вам свой привет и Б. благ. Подъезжаем к Новосибирску. Завтра будем в Мариинске. Неужели мы увидим о. Евг.?* Меня сопровождает о. Ал. Скорбященск. Андреев. Настроение у нас бодрое, радостное. Впереди чувствуется что-то светлое... Выехали в день Муромск. Б. М. и Св. Вас.** 12/25 апреля. Верю, что Св. Вас. отпустил меня из Рязани и дал свою икону Муромск. Б.М. нам в спутницы. Со дня разлуки со всеми Вами вижу особую милость Божию, которая не оставляет во все дни.

Многое интересное хотелось бы Вам рассказать, но до времени. Мы подъезжаем к Новосибирску, завтра будем в Мариинске. Погода хорошая, любимся видами. О. Андрей Куницын едет в Красноярск на 5 лет на вольную высылку. Я его видел несколько дней в Бутырках и сладце побеседовали.

С особой любовью и нежностью вспоминаю и благословляю всех знакомых. А. И. 12 мая 1936 года.

Второе письмо из Мариинска

Дорогая Анна Константиновна! Мне известно, что Вы получили мою открытку с дороги. Надеюсь, что Вы читали и мои письма к Кате, так как знаете, где я и что со мной. Весьма тоскую без писем.

Ведь я еще ни одного письма не получил из Рязани от родных и близких, впрочем иначе и не должно быть, так как только неделю тому назад я имел возможность сообщить Кате свой постоянный адрес. Меня интересует все в Вашей жизни. Интересно, что за 2 часа до посещения меня «врачами», вечером 1 января, я от-

* О. Евг. — игумен Евгений — келейник Владыки, арестован в 1935 г.

** Св. Вас. — епископ Василий — первосвященник Рязанский, приплыл на мантии из Мурома в Рязань с чудотворной иконой Муромской Божией Матери.

крыл известную Вам книгу, желая в ней найти некое утешение своему смятенному духу, в ту минуту, и прочитал замечательные слова о предстоящем путешествии вдаль, неизбежном испытании и скором возвращении домой.

Строки о путешествии и испытании оказались вещими, а о возвращении домой вселяют во мне надежду, что недолго мне здесь быть, тем более, что и внешние обстоятельства слагаются в пользу последнего. Как бы мне хотелось поделиться с Вами всем, что пришлось пережить за последнее время. Сколько назидательного, утешительного, отрадного, мистического.

Отсюда у меня и бодрость духа, и мир в душе, и сознание, насколько мы ничтожны и как велика сила Божия и Его милость к нам.

На каждом шагу, при всех трудностях и тяжести вижу руку Божию, охраняющую, спасающую, утешающую, ласкающую, увеселяющую...

Скоро, через три дня, будет наш рязанский праздник Святителя Василия. Надеюсь, что Вы вспомните меня. Нечего говорить, что я в этот памятный день для меня буду мысленно с вами, вместе с вами буду переживать наше общее духовное торжество, живо вспоминая всех близких мне по духу людей, родных и знакомых.

Последние месяцы моего пребывания в Рязани меня почему-то тянуло ежедневно прочитывать одну случайно попавшуюся мне молитву первоучителя славянского Кирилла, в которой он перед разлукой со своей паствой вверял ее Богу, прося сохранить ее в чистоте веры, твердости духа и единении. И я читал ее, проникнутый любовью к своим детям, но далекий тогда от мысли о близкой с ними разлуке.

Теперь я чувствую, что это должно было так быть. Я покоен за детей и их воспитателей. Я верю, что они в надежной пристани, тем более, что «отец мой» меня отпустил в день его древней памяти и дал мне в спутницы свою Покровительницу.

В жизни моей произошла на днях перемена. Я по старости лет освобожден от обязанностей дневального. Это для меня не плохо.

Я по-прежнему нахожусь в 14-м бараке, занимаю место на нарах.

Скажите Кате, что дедушка Владимир скончался зимою в Кирове (Вятке).

Вчера мы здесь наблюдали полное затмение солнца. Благодаря хорошей погоде и малой облачности была прекрасная видимость. Что за дивное было зрелище, когда луна закрыла собой диск солнца. Появился венец вокруг темного пятна изумительной красоты. Тут же видна была утренняя звезда и др. звезды. Внизу, вокруг, на горизонте через облака были проблески мягкого солнечного розоватого отблеска, вроде слабой утренней звезды (зари)...

В лагере у нас разбивают клумбы и делают довольно красивые цветники. Но при жаркой погоде часто бывают холода, так что всегда нужно иметь под рукой теплую одежду.

Прошу Ваших молитв. Вам и всем родным благословение Божие и мой сердечный привет. Пишите. Ваш А. И.

Адрес: г. Мариинск, Зап. Сиб. Кр. 1-ое мар. Отделение Сиблага НКВД.

1936 г. июня 7/20 дня.

Письмо третье

1936 г., июля 9/22 дня, Чистюнька, Центр. Усадьба.

Дорогая Анна Константиновна!

Сердечно благодарю Вас за денежный перевод, я его получил в Мариинском Отделении и деньги вручили мне. Пишу Вам из Чистюньки, куда меня направили на постоянное жительство. Сюда я прибыл 2/15-VII, а 3/16-VII, т.е. в день Василия Рязанского, состоялась наша приемка. Не знаменательно ли все это? — Выезд из Москвы 12/25 апреля и приезд сюда 3/16 июля? ...

Здесь меня хорошо приняли и устроили в центральной усадьбе при штабе счетоводом-картотетчиком в финчасти, и я уже работаю. Меня окружают милые люди, мои соратники, которые вводят меня в курс

нового дела. Работа несложная, но требует известных знаний. Я доволен. Занятия бывают с 9 часов утра до 3 часов дня и вечером с 6 до 10 вечера.

Живу я в бараке, имею койку, чисто и даже уютно. Есть баня и речка, где можно купаться. Местность степная, климат здоровый. Летом жара, зимой бураны. Необходимо иметь теплую одежду. Из Мариинска мы выехали 23 июня ст.ст., день для меня знаменательный, если принять во внимание то, что я видел в Москве на Лубянке... Не знаю, говорила ли Вам об этом Надежда Александровна. Накануне отъезда забежал ко мне Женя, и было трогательное прощание. Я покоен душою за него, так как он возродился и теперь тот же, что и был раньше, с твердым намерением не разлучаться со своим отцом. Он очень часто заботился обо мне и помогал мне в питании. Напишите, пожалуйста, ему, как я устроился, и передайте от меня ему привет и благословение. Спасибо Вам, Анна Константиновна, за память и заботу обо мне. Ваше поздравление со днем моего Ангела я получил здесь. Спасибо и за посылку, ее переслали мне сюда, и я ее завтра получу. Все Ваши письма, о коих Вы упоминаете, я получил. Всякая посылка здесь встречается с большой радостью и играет большую роль в смысле поддержки, а тем паче такая, как Ваша. Еще раз Вам спасибо за все. Поблагодарите Надежду Павловну и Анну Алексеевну за память и поздравление. Буду рад получить от них весточку. Радуюсь возвращению на родину Анны Алексеевны и поздравляю ее. Поздравьте от меня с днем Ангела Ольгу Алекс. Зенькович, Ольгу Степановну и других именинниц.

По существующему здесь правилу мне пришлось надеть мирскую одежду, а также постричь волосы, что сделал здесь Владыка Феофан,* бывший игумен в Рязани у Иерусалима (его знает Катя), своими священными руками подрезав мне волосы в кружок. Борода моя, коей интересовалась Катя, остается неприкосновенной, и ее здесь разрешают носить.

* Епископ Феофан (Еланский) — епископ Красноярский, расстрелян в 1937 году. Будучи в Рязани, служил настоятелем Входа-иерусалимской церкви.

Скажите Кате, что ее посылка тоже пришла сюда из Москвы и письма я ей буду писать на днях.

Мысленно вспоминаю Рязань с дорогими рязанцами. Живу добрыми воспоминаниями.

Прошу всех и Вас не забывать меня в своих молитвах. Всем шлю благословение.

Искренне Ваш. А. И.

Адрес мой: Ст.Топчиха, Томской жел. дор., Чистюньское Отд. Лагпункта Сиблага НКВД.

П. С. Если кто пожелает иметь мой адрес, можете дать. Мой привет Диме, бабке Екатерине. Как чувствует себя Ваша Оксана? Дедушка наш встретил знакомого по Рязани настоятеля Астраханки, он работает в Управлении, где дедушка жил в январе, а другого по Соловкам из такого же учреждения. Оба они очень внимательно отнеслись к дедушке.

Письмо четвертое

Дорогая Анна Константиновна!

Вашу открытку получил на днях, но ответить сейчас же по получении ее никак не мог, так как был очень занят по новой своей службе, — составляем отчет, так что приходится работать и ночью. Спасибо Вам за память и заботу обо мне. Перевод Ваш на Чистюньку пришел, и я скоро деньги получу. Переслали мне деньги по Вашему переводу из Мариинска, который меня не захватил там. Посылка Ваша дошла великолепно: все в полной сохранности, яйца с надлежащей свежестью.

За все, за все Вас и родных и близких очень благодарю. Я теперь стал поправляться благодаря поддержке Вашей и добрых людей, а ведь, поверьте, Анна Константиновна, за дорогу и после Петровки я так отощал и ослабел, что еле ходил. Мне не хотелось нарушать своих правил, и Господь помог мне их сохранить и хранить, находя в этом великое утешение, а Вы мне в этом содействуете. Я, хотя и похудел не только по сравнению с Рязанью, но и Мариинском, но это к лучшему и по заключению здесь близких выгляжу здоровее. Я чувствую, как ко мне возвращаются силы, несмотря на

то, что мне приходится много работать. Кстати, из счетовода меня здесь переквалифицировали в бухгалтера. Я веду контрольный журнал, — это море одних цифр, требующих большого внимания и аккуратности, а этот журнал обычно ведет старший бухгалтер. Спасибо моим сослуживцам, они такие хорошие, добрые люди, так внимательно относятся ко мне, что я отдыхаю душой. Весьма приличны в обращении, никакого не услышишь ни от кого от них «гнилого слова». Все заняты делом, и я поражаюсь, как они вдохновлены им. Цифры для них — это целая поэзия, а всякая операция с ними — это целая поэма...

Я, конечно, еще не дошел до такого апогея, но не отстаю от них, находя по новости и свежести работы в ней для себя некоторый интерес, не скажу в ущерб своему духовному настроению.

Начинается Успенский пост. Вспоминаю незабываемую Рязань. Живу ее пленительными воспоминаниями всего прекрасного, высокого, красивого в лучшем понимании этих слов. Все, что возможно от меня сейчас, буду воскрешать в своих мыслях по памяти и записи наши вечерние успенские умиленные моления. Думаю, что и вы сохраните добрые традиции и воскресите все, что было так для нас утешительно. Прошу Вас всех об одном — не забывайте меня в своих молитвах, — они дороже для меня всего. В них я вижу себе поддержку и непрекращающуюся взаимную любовь. Неужели еще до сих пор никто не занял моего места, и Вы остаетесь сиротами?

Всем, трудно мне сейчас перечислить всех, но вообще всем моим детям шлю свой отеческий привет, желаю всем преуспеть в добре, всех благословляю.

Ваш благодарный А. И.

1936, август 13.

П. С. 7/VIII по нов. ст., а по старому 25/VII у нас скончался один протоиерей Феодор. Пожалуйста, закажите сорокоуст и поминайте его. Он был очень хороший человек и много заботился обо мне, услуживал в обиходе. Скончался от паралича сердца. О. Феодор из Ивановской области.

Письмо пятое

Дорогая Анна Константиновна!

Не знаю, как выразить Вам и всем, кто заботится обо мне, мою сердечную благодарность. Как я был тронут, когда вечером, вернувшись после занятий, в 11-м часу накануне Преображения, получил Вашу посылку с яблоками. Дорого яичко к светлому празднику! Здесь не имеют места никакие человеческие соображения, так как посылки привозятся к нам по мере их накопления на Топчихе и в разные сроки, так что трудно было пригнать получение ее. Вспоминаю Соловки. Ведь там точно то же было. Придя ото всенощной под Преображение, я нашел у себя посылку с яблоками. Там пароходы тоже ходили не по расписанию.

Во всем этом вижу руку Божию, через любовь вашу утешающую меня грешного. Как это дорого здесь, когда ощущаешь, что Господь не только тебя питает, но и утешает и веселит. Слава Ему Премилосердному.

Успенский пост, который я так всегда любил, ибо он соединялся с дивными духовными переживаниями, воскрешает в памяти моей прошлое незабываемое.

Каждый день по вечерам (в 5 ч.) про себя пою параклисис, который чудесным образом обрел здесь и переписал себе, я ведь так его хотел достать все время, и таким образом духом с вами сейчас в эти спасительные дни. А в самый день праздника надеюсь быть общником трапезы Господней.

Прошу Вас об одном: не забывайте и молитесь за меня.

Было время, когда я предстательствовал пред престолом Божиим о всех вас, а теперь сам нуждаюсь в молитвах ваших.

Спасибо, что вы поддерживаете меня и телесно. Здесь это необходимо и весьма нужно. Господь да воздаст за все это Вам и всем сторицей! У меня работы очень много, сижу и работаю не покладая рук. Этому я рад, — некогда скучать, время летит быстро.

Какова судьба моего Торжественника, начало коему было положено в Соловках? Он лежал у Кати в шкафу

на нижней полке в желтых папках. Наверное, пропал... Жаль труда! Но так, очевидно, нужно и спасительно для меня и моего настроения.

Как Ваше здоровье, самочувствие? Что нового в вашей общей жизни? От Жени получил письмо. Я ему послал отсюда открытку.

Как поживает маленький Женя и Тоня с Зоей? Я их поминаю. Ольге Ал. Зенькович мой привет и всем. По именам не называю, но Вы знаете всех и всем передайте его и благословение Божие, каковое да пребудет на Вас, охраняюще и спасающе Вас от бед и зол и всех.

Ваш благодарный дедушка.

1936 г., август 7/20

П. С. Спасибо за мед. Сообщите мне, пожалуйста, адрес Софии Конст. Чемякиной. Мне нужно ей написать.

Письмо шестое

Дорогая Анна Константиновна!

Вчера получил в полной исправности Вашу посылку, а раньше, недели 1^{1/2} — Ваши письма. Большое Вам спасибо. Я жив, здоров и благополучен. С окончанием уборочной кампании, меня назначают сторожем на зернохранилище. Пишите по прежнему адресу на Центр. усадьбу. Прошу Ваших святых молитв. Помолитесь, чтобы Господь хранил меня и чтобы я был здоров. Дежурить ночью и на воздухе.

Кланяйтесь всем и всем Божие благословение. Напишу еще как-нибудь... Тороплюсь..

Дедушка.

13/X-1936 г.

Письмо седьмое

Дорогая Анна Константиновна!

Еще раз очень и очень благодарю Вас за посылку, а также за Вашу заботу и старание облегчить мой жизненный путь. Спаси Вас Господи!

Надеюсь, что Вы получили мое последнее письмо, написанное наспех карандашом, так как я не хотел упустить удобного случая и послать письмо. Ваши письма читаю с большим интересом. Вы так хорошо пишете, а, главное, интересно сообщая Ваши новости. Ведь здесь я одинок, не с кем поделиться мыслями, переживаниями, я живу среди нацменов: киргизов, бурят, калмыков и проч. С одной стороны, разумею — духовной, это и хорошо, так как способствует самоуглублению или внутренней духовной жизни, о чем так любил писать покойный епископ Феофан Затворник, а с другой стороны, иногда хочется поделиться с кем-нибудь этими духовными переживаниями, а тут не с кем. Я по-прежнему нахожусь на том же хуторе, но теперь, как я Вам писал, уже сторожем ночным, караулю овес, сложенный в сарае и на току, возле сарая.

Пока, на мое счастье, стоит теплая погода, и ночью бывает свежо, а иногда холодный туман, но все же не мороз и не дождь. Слава Богу за все. Но диво! В первую ночь своего дежурства, под Покров, я вспомнил свою благодательницу — Блаженную Ксению и помолился ей, чтобы она устроила мой путь, имея в виду и морозы, и здешние страшные бураны, и волков, и проч. И что же — вечером 1 октября наш воспитатель повстречался со мною и говорит: «А Вы знаете, что Вас берут на Ворошиловку (наша главная ферма, к коей приписан наш хутор или отряд), в контору?» «Что Вы?» — говорю я. «Да, да, на днях будет наряд, Вам там будет очень хорошо». Вот Вам! ... Наряд уже получен три дня тому назад, но пока я здесь, так как начальник не отпускает, пока не пришлют мне заместителя. Заместитель обещан, и на днях должен быть прислан.

На Ворошиловке, через которую идут письма и посылки, в бытовом отношении очень хорошо, особенно, имея в виду зиму и ее холода. Есть теплое помещение, интеллигентная среда. Да будет воля Божия!

Сегодня у нас чудная погода — тепло, повторение «бабьего лета», мы ходили по-летнему одетые, но вечером, когда зайдет солнце, надо одевать теплое. Здесь говорят — небывалая осень! Я очень рад погоде.

Свежий воздух меня значительно укрепил, и здоровье мое поправилось. В письме своем Вы пишете об одной прозорливой, которая предвещает скорое мое возвращение. Все в руках Божиих! Не знаю, получили ли Вы мое письмо, в коем я писал Вам, что за час до рокового посещения меня врачами, я открыл Библию, и мне пришлось прочитать место, которое предвещало и тяжелые переживания, и далекую дорогу, и ссылку, и скорое возвращение. Это место так меня поразило, что я закрыл Библию, не запомнив ни книги, ни главы, ни стиха. Признаюсь, мне было жутко принимать эти оказавшиеся в первой своей части пока пророческие слова. Да будет воля Божия над нами! Говорю над нами, так как считаю себя неразрывно связанным с Вами всеми. Ах, Анна Константиновна, как бы хотелось поделиться всем, что пришлось пережить и теперь переживается мною. Я одно могу сказать, что милостив Господь, и все, что Он делает, все делает для нашей духовной пользы. Письма Ваши я все получил, о коих Вы пишете, а также посылки. Все дошло великолепно! Благодарите добрую Анну Алексеевну за перевод. Кланяйтесь ей и ее мужу, этой дивной «двоице», о коей вместе с Гришей сохраняю доброе воспоминание. Как они устроились в Е., получил ли Роман Вл. мои рождественские, кондаки преп. Романа Сладкопевца, которые я ему послал в декабре в Тотьму?

Не знаю, какой Преосвященный Иоанн управляет Рязанью, молодой (Широков) или старый (Соколов), — оба они прекрасные люди. Первый был в Соловках со мной очень близок, тогда еще иеромонах. Жаль Диму! Бедный, бедный о. Андрей! Если воля Божия была над ним, то и легкие его и прочие боли все пройдут. В Бутырках он мне говорил, что он удивляется: все стал есть, желудок поправился, и с легкими дело ничего. Шлю ему Божие благословение. Скажите, пожалуйста, какая Ниночка вышла замуж за Шурика? Я знаю трех: Женину сестру, подругу Гали (Джоконды) и еще маленького роста, которая всегда в последнее время стояла около кафедры. Какая из них, мне думается, вторая, она последний год училась в Москве. Весьма скромная

и хорошая девушка, хотя и все они хорошие. Шлю благословение молодой чете и матери. За Ваших молюсь. Помолитесь 16/X по старому стилю за Анну, день кончины моей родной матери.

Кланяйтесь всем, всех помню, о всех молюсь, всем шлю Божие благословение.

Ваш дедушка.

П. С. Адрес тот же, если буду и на Ворошиловке, без прибавок и изменений.

Письмо восьмое

Дорогая Анна Константиновна!

Последнее Ваше письмо от 25-го октября я получил 4 ноября, в день Казанской Бож. Матери.

Спешу Вас порадовать: меня 22 октября по старому стилю (на Казанскую) перевели на 2-ю ферму Ворошиловку, где я теперь работаю в конторе счетоводом. Совершилось это неожиданно для меня. Теперь я нахожусь в хороших бытовых условиях. Живу в теплом доме и работаю в тепле, нахожусь среди хороших, культурных людей, которые хорошо ко мне относятся.

Слава Богу за все! И сторожеством своим я остался доволен. Оно оставило хороший след. Я утешался, карауля по ночам. Сколько оно давало моему духовному настроению пищи; здесь и размышление, и молитва, и дивные переживания самособранности. На мое счастье не было сильных морозов и буранов, хотя уже с 25 октября наступила зима.

Итак, дорогая Анна Константиновна, ничего с нами не делается без воли Божией, которая все направляет к нашей же пользе. Спасибо Вам за добрую память. Теперь Ваши письма будут идти скорее, так как они будут поступать непосредственно с центральной усадьбы на нашу ферму, а раньше с фермы шли на адрес. Адрес мой остается тот же.

В последнем письме, не знаю, получили ли Вы его, я писал, что деньги Анны Алексеевны я получил, и благодарил ее. Весьма тронут всем, что Вы пишете об Оксане. Передайте ей мой привет и благословение.

Пусть она продолжает свое учение и не торопится поступать на службу. Господь примет и добрые чувства и желания и вменяет все в дело. Кто это такой говорил ей, что она скоро увидит дедушку с его детками? Дай Бог, чтобы это исполнилось!

У нас зима, снега мало, но ездят на санях, не проходит дня, чтобы не дул ветер, начались и бураны, но не такой силы, как они бывают в феврале, декабре, когда, говорят, часто не увидишь ладони своей вытянутой руки. Место, где я теперь нахожусь, представляет небольшой поселок возле фермы, состоящий из 6 небольших крестьянских домиков, есть здесь и баня. Сельхоз-ферма в 1/2 километре от нас. В домике нас живет 10 человек конторских служащих. Как прискорбно, что Женя теперь находится на тяжелых земляных работах, как пишет Катя, его обокрали. Но мне думается, что это временное для него испытание.

Пишите, не забывайте в молитвах. Всем привет и Божие благословение и Вам.

Будьте здоровы и благополучны!

За последний квартал июль-сентябрь я получил за работу зачет в 30 дней, т.е. 1 месяц на меня начислили, как бы я его проработал, и таким образом срок сидения сокращен на 1 месяц.

Ваш дядя.

1936 г. Ноября 9-го.

Письмо девятое

Дорогая Анна Константиновна!

Спасибо Вам за Ваше письмо от 26 ноября. После некоторого перерыва в письмах мне его было особенно приятно получить. Вы ведь всегда интересно пишете, но редко. Спешу Вас поздравить с Днем Вашего Ангела, но боюсь, что письмо несколько запоздает. У нас вот уже второй день стоит буран, поэтому я не уверен, что оно пойдет сегодня. Шлю Вам самые лучшие пожелания и исполнение всех Ваших добрых желаний. Вспоминаю этот день и вместе с Вами переживаю все внутренне-духовное его содержание. Здесь все про-

шрое как-то выпукло выступает в памяти и с особым чувством анализа переживается. Вот приближаются великие дни, незабываемые, и уже душа по-особому настраивается и готова пережить во всей чистоте и полноте святость этих дней. Да, я буду мысленно в эти дни с Вами, не забудьте и Вы меня в своих святых молитвах и все, кто помнит меня. Неужели Господь благословит вскоре нам всем увидеться, и московские Ваши слухи, и курские предвещения, и мои предчувствия и др. предсказания все сбудутся и принесут мне и вам неописуемую радость?! Посылка Ваша все еще не получена. Она, несомненно, уже пришла на Топчиху, но из-за буранов еще не перевезена на центр. усадьбу и не доставлена нам. Очень и очень Вас благодарю за нее и за заботы Ваши обо мне. По получении ее буду Вам писать.

Про себя скажу, что я здоров, бодр духом и благополучен. С окончанием года работы прибавилось, отчет, как говорят, на носу. Приходится заниматься днем и вечерами.

Радуюсь, что моим преемником Иоанн Широков. Он хорошего настроения святитель.

Передайте мой искренний привет всем родным и близким. Всех помню и за всех молюсь и всех благословляю. Всех благодарю за заботу. Всех прошу не забывать в святых молитвах. Пишите. Храни Вас Господь. Божие Вам благословение.

Ваш дядя.

1/14.XII-1936 г.

Письмо десятое

Дорогая Анна Константиновна!

Вчера получил Вашу посылку. Она дошла в полной исправности, и подсолнечное масло, о котором Вы так беспокоились, прибыло в надлежащем виде. Таким образом, сегодня, в день Вашего Ангела, я разделяю вместе с Вами Ваше торжество, не только молитвенно, духовно, но делаюсь общником Вашей именинной трапезы.

Вспоминается традиционный именинный пирог с морковью. Но ныне вместо пирога объемистая посылка с яствами. Спаси Вас Господи!

Не правда ли, как Господь утешил меня? Благодаря буранам посылка запоздала и явилась накануне именин, как на Преображение яблоки и в Соловках, и на Чистюньке. Такие неожиданности воспринимаются с особым чувством умиления. Господь и в мелочах нас недостойных утешает.

Спаси Вас Господи за все: за заботы, за память, за желание не только облегчить мою настоящую жизнь, но и доставить во многом приятное.

Поблагодарите за меня Оксаночку за конфеты. Ведь и она бывала на Ваших именинах у меня и стряпала чудный пирог. Ваше письмо с новостями я получил. Читал письмо Евгения к Екатерине и всем. Очень тронут тем, что он так хорошо настроен и с такою верою воспринимает ниспосланный ему крест, а это залог того, что Господь вскоре ему пошлет облегчение. На днях получил из Юрги открытку от Кирюши. Он с Борей в одном месте. Кланяйтесь всем. Сугубо прошу Ваших молитв, особенно в праздничные дни. Будьте здоровы и Богом хранимы.

Ваш дядя.

13/26 декабря день кончины моей мачехи Марии. Помяните, пожалуйста, когда получите письмо, а письмо задержится в пути, сейчас у нас начался сильный буран, и вряд ли завтра пойдет почта.

Письмо одиннадцатое

Дорогая Анна Константиновна!

Смотрительно случилось так, что бураны, разыгравшиеся у нас в последние дни, задержали почту, и Вашу именинную посылку я получил в сочельник, накануне праздника Рождества Христова. Таким образом она превратилась из именинной в праздничную и доставила мне немалую радость. Большое Вам спасибо и за память, и за Вашу заботу обо мне. Ваши посылки удивительно всегда приходят кстати, так было на Пре-

ображение Господне, так было 9 декабря, в день Ваших именин, так и на Рождество Христово.

Хоть все это мелочи, но в нашей жизни и они ценятся и поднимают дух, создают настроение и бодрят в жизни. Получили ли Вы мои два последних письма?! Первое до получения Вашей посылки, а второе после, в коем я Вас благодарил за нее и сообщал, что она дошла великолепно, и масло в целости, а также поздравлял Вас с наступающими праздниками. Как Ваше здоровье, как Ваше настроение, как Вы встретили и проводили праздники? У нас сочельник был выходной день, ввиду переписи. Создалось предпраздничное настроение, и праздник был встречен, как нужно — воспоминания дорогих мест, дивных служб, песнопений мысленно восполнили недостающее, и хотя мы занимались в эти дни, но я жил, преисполненный духовной радости и мира, как бы вне сего мира.

У нас стоит сейчас очень хорошая погода, легкий морозец и тишина после довольно продолжительных буранов, особенно последний был неимоверной силы, это что-то неопишное. Мы все сидели дома, жизнь замерла, выходить из дома было нельзя, ибо можно было заблудиться, да и нам было строго запрещено выходить из дома. Воздух был насыщен мельчайшей снежной пылью, которую разносил сильный ветер, делая 90 километров в час, т.е. нес снежную пыль быстрее в полтора раза курьерского поезда. Снежная пыль проникает во все скважины, так что сени, чердаки, все было полно снега, он забирается в рукава, за пазуху, всюду.

Видели ли Вы в Третьяковской галерее картину Верещагина «На Шипке все спокойно», на которой часовой изображен в трех видах, стоя на часах в буран? Вот она дает некоторое представление о буране.

Говорят, что январь и февраль — это время буранов. Поэтому, если письма мои будут запаздывать, не сетуйте на меня. Насколько возможно, почта у нас аккуратная. Я здоров, бодр, преисполнен праздничного настроения и какого-то неопишного мира и радости. Желаю Вам всем, родным и знакомым, всего лучшего, того же мира и радости. Храни Вас Господь!

Из Курска я в тот же сочельник получил письмо от Аристарховых с извещением о высылке мне посылки. Буду ей писать.

Не забывайте в молитвах и письмах.

Ваш сердечно благодарный дедушка.

1937 г. Январь 9 (дек. 27)

Письмо двенадцатое

Дорогая Анна Константиновна!

Сегодня получил Ваше письмо от 17 января. Спасибо за добрую память, а также и за заботу обо мне. Вашу праздничную посылку получил на 4-й день праздника, а в сочельник Вашу именинную посылку. Ваше желание сбылось. Буран задержал ее в пути, и она пришла именно в тот день, в какой Вам именно желалось. Об этом я Вам уже писал. С большим интересом читаю Ваши письма и сердечно благодарю Вас за все новости, какие Вы мне сообщаете. Ваши молитвы о моих близких меня глубоко трогают. И в будущем не забывайте меня и их. Поздравьте, пожалуйста, от меня с днем ангела Оксаночку и поблагодарите ее за ее гостинцы. Дай Бог, чтобы ее надежды оправдались. Этому и я был бы очень рад. Настроение Евгения меня радует, он ведь теперь сторожем, и, как м. Екатерина мне пишет, доволен. Но почему у него такой объявился аппетит, что он, несмотря на поддержку, чувствует себя полуголодным? Очевидно, свежий воздух так благотворно действует.

Когда-то Господь приведет увидеться с Вами? Пока реального ничего не предвидится в этом смысле. Как жаль бедного о. Ивана Бодр.! Как рано он ушел в вечность. Бедный Ефрем, он так горько оплакивает его кончину. Получили ли Вы мое письмо от 9 января? Я часто вижу во сне Рязань и близких и мысленно всегда с нею. Кланяйтесь всем, кто меня помнит. Прошу у всех у Вас молитвенной памяти. Анне Алексеевне и ее мужу с Гришей кланяйтесь. Поздравьте их от меня с новосельем. Сохраняю о них добрую память. А я все-таки не могу узнать, кто такая Нина, жена Шуры. Она сегод-

ня именинница. Поздравьте. И если бы я ее увидел, я узнал бы.

Ваш благодарный дядя.

1937 г. Январь 14/27

Письмо тринадцатое

Дорогая Анна Константиновна!

Сегодня у нас выходной день (воскресенье), и я пользуюсь случаем, чтобы написать Вам. Сердечно благодарю Вас за приветствие с днем моего рождения и Ангела, также за именинную посылку, которую я получил накануне праздника трех Святителей (30 января) и на новоселье. Меня ведь неожиданно перевели на Центральную усадьбу 26 января (по ст.ст.). Распоряжение было, очевидно, на память блаж. Ксении. Поэтому я думаю, что это к лучшему.

Мой адрес остается прежний. Теперь я буду получать письма и посылки скорее, чем на Ворошиловке. Здесь я сперва плел корзины для картофеля, а потом на овощехранилище набивал бочки квашеной капустой, рубил капусту, перебирал картофель, вообще я теперь подвигаюсь на общих работах. Удивляюсь, как Господь дает мне силы, бодрость и благодушие. Благодарю Господа за все. Работаю вместе со своими собратиями и со своим братом. Из младших собратий 12 человек, один из Рязани — села. Всех их со мною сюда перевели к нашей общей радости, так что я теперь не чувствую одиночества. Есть с кем побеседовать и отвести, как говорится, душу. Живу в общем бараке. Окружают меня хорошие люди. С питанием и здесь дело наладилось. Это весьма важно в том отношении, что я имею возможность сохранять посты и свои монашеские правила. Спасибо Вам и всем, что облегчаете мое существование и так существенно поддерживаете.

Последнее время в конторе мне было трудновато, так как мы работали целый день с 9 ч. утра до 12-1 часу ночи, иногда до 2-х и 3-х часов с перерывом на обед 1 час и на ужин 1 час, а здесь мы выходим на работу в

7 часов утра, в 12 часов обедаем, и с 2-х часов дня работаем до 7 часов вечера. Как Вы видите, мы можем отдохнуть и выспаться. Кроме сего в воскресенье бывает выходной день, чего в конторе не бывало.

Все, что ни делает Господь, делает в нашу пользу, и я благодарю Его за настоящее положение.

Приветствую Вас и всех с наступлением поста. Прошу у всех прощения и желаю Вам спасительно провести святой пост и в радости и в полном здоровье встретить святую Пасху. Мысленно переносюсь в милую Рязань. Вспоминаю, как мы вместе молились и проводили эти дни. 10 января (23 по новому) скончался в Казани мой брат Сергей. Прошу Вас поминать его в своих молитвах. Скорблю, что я не мог быть на его погребении и теперь не могу его поминать за Божественной литургией. Спасибо Вам за молитвы за моих. Пишите, не забывайте и меня в молитвах Ваших. Храни Вас Господь. Передайте всем мой привет и благословение Божие. Всех помню и за всех молюсь.

Ваш благодарный дядя.

1937 г. 15/28 февраля. Неделя блудного сына.

Как поживает Ваша Оксана? Божие ей благословение.

Письмо четырнадцатое

Дорогая Анна Константиновна!

Надеюсь, что Вы получили мое письмо от 28 февраля, поэтому знаете некоторые подробности моей жизни. Вот барак, в котором я нахожусь ныне [в письме Владыки нарисован барак и сторожевая вышка возле него].

Он находится в ограде, за которую мы не можем выходить, но это ничуть не отражается на нашем настроении. Я по-прежнему бодр духом, слава Богу, здоров и в общении со своей братией, собранной смирительно волей Божией воедино, благодушествую и радуюсь о Госпде. Но из Рязани только один (Вас. Москв.), а все остальные из разных мест. Я занимаю в бараке отдельное нижнее место наподобие места в купе вагона, так

что у нас в бараке вагонная система, только купе открытое, без стенок. Напротив меня мой собрат, Красноярский Феофан, некогда иеромонах, служивший в Рязани, — его помнят прихожане Иерусалимской церкви. Вместе с ним мы работаем в одной бригаде. Теперь он у нас бригадиром. С ним я и кушаю.

Господь устроил так, что мы имеем возможность и здесь себе готовить постное. Спасибо Вам за Вашу масляничную посылку. Она пришла вовремя. «Наполеон» (пирог) выше всякой похвалы, как и именинный крендель и яблочный пирог. Вы меня балуете вкусными и хорошими вещами, не только что поддерживаете.

Пост мы встретили хорошо. Случилось так, что всю первую неделю великого поста зарядил буран, и мы не работали и сидели дома, — это дало нам счастье вычитать все постовые службы, хотя и не во всей полноте, — за отсутствием некоторых книг, но все же с большим для нас духовным утешением, а в четверг неожиданно получили от матушки Екатерины канон Андрея Критского. Какая была у нас радость!

Мы его вычитали весь в этот день. В субботу были общниками трапезы Господней. Буран прекратился, и мы вышли на работу. После плетения корзин я работал на овощехранилище, там я набивал бочки квашеной капустой и откатывал их, потом рубил капусту, перебирал день в подвале гнилую картофель, а теперь наша бригада работает на чистке снега на свежем воздухе. Дивлюсь, как Господь помогает моей немощи.

Я справляюсь со своей новой работой и вырабатываю свою норму. Чистим мы снег с чердаков барakov, откапываем их, занесенные огромными сугробами. Свежий воздух великолепно действует на меня, явился аппетит и крепкий сон. Работаем по 10 часов с отдыхом на 2 часа, для обеда. С 7-ми часов вечера до 6 утра отдыхаем. После канцелярской работы — благодать! Письма Ваши все я получил, также переводы и открытку. Низко, низко Вам кланяюсь и сердечно благодарю Вас за заботы обо мне, а также и всех, в особенности за молитвы о моем почившем брате и за строки утешения. Вы сделали все, что и я бы сделал, но чего не могу сделать ввиду

своего нынешнего положения. Радуюсь, что Вы хорошо встретили праздники. Я духом был со всеми Вами. С каким нетерпением жду времени, когда вернусь к Вам и послужу вам.

П. С. Сейчас узнал, что на днях привезли прутья, так что я, быть может, опять буду заниматься пустынным делом в двух смыслах: и внешне и духовно. Узнал также, что в тюрьмах всех освобождают свыше 55 лет независимо от статей. Отсюда вывод, что и меня могут освободить, но когда?

Сон, о котором я Вам писал, частично исполнился с удивительной точностью, а конец его длинная дорога, предстоящая мне, гладкая, как скатерть, с посошком моим (маленьким, который я видел во сне и который мною был оставлен в кабинете начальника того Учреждения, где я проводил дни в прошлом году в Рязани) в руках. Молитесь, да Господь явит волю Свою благую, спасительную для меня и вас. Но да будет воля Божия!

У нас все еще зима, хотя солнце греет по-весеннему. Так будет до 10-го апреля, говорят, когда стает снег. Письма от Анны Алексеевны я еще не получал. Благодарите ее за ее заботы и помощь. Всегда с любовью вспоминаю эту редкую «двоицу». Спаси их Господи! Спасибо сестре Саше за ее великолепное печение. Весьма тронут ее усердием. Передайте благословение Вашей Оксане, благодарите ее за ее христианские порывы, добродетели. Но зачем она лишает себя того, чем ее утешают близкие. Спаси ее Господи!

Желаю вам всем в радости встретить Святую Пасху и насладиться ее духовным торжеством.

Не забывайте в молитвах преданного и всегда благодарного Вашего молитвенника — дедушку.

1937 год, март 24.

Письмо пятнадцатое

Дорогая Анна Константиновна!

Сегодня мы отдыхаем, у нас выходной день (воскресенье). И как было для меня приятно сегодня получить от Вас письмо (2.IV). Сегодня же отвечаю Вам.

Перевод на 25 руб. от 10/II Анны Алексеевны я получил, получил и Ваше большое письмо от 5/III и поштовую посылку. За все Вам очень и очень благодарен. Надеюсь, что Вы получили мое последнее письмо от 24.III, в котором я Вам писал обо всем вышеизложенном. Благовещенская посылка еще не была получена, но она по бездорожью, которое сейчас наступило у нас, задержится на ст. Топчихе (40 верст от нас) и придет к нам не ранее 6-й недели Великого поста, т.е. к Вербному Воскресению, и это будет как нельзя кстати.

Ваши посылки, действительно, являются дополнением к посылкам бабушки и доставляют мне большое утешение, — не только питают, но и «греют».

Поэтому изменять их характер я не вправе. Смотрю на них как на милость Божию, изливаемую богато на немощь мою через Ваши добрые сердца и христианские души. Спаси Вас Господи и помилуй.

Ну и удружил мне мой «приятель» своим письмом. Уезжая с Ворошиловки на Центральную усадьбу и не зная о дальнейшей своей участи, я просил счетовода, с которым работал, написать бабушке, чтобы она пока не посылала посылок, но писала письма, что я не замедлю ей сообщить о своем новом адресе. С Центральной усадьбы, где я остался вместе со своей братией, я вскоре написал ей письмо, но она, кажется, его не получила, а дальнейшие письма, из которых Вы составили теперь понятие о моем новом положении, ничего тревожного в себе не заключали, как это на самом деле и есть, тем более, оно временное.

Я Вам, кажется, писал, что работаю на общих работах. У нас своя бригада. Бригадиром ее Владыка Феофан Красноярский. Бригада наша единственная заслужила доверие и теперь выходит за ворота с пропуском без конвоя, а я 26 марта (по стар.) назначен зав. кладовой на центральной усадьбе, храню и выдаю бригадам лопаты, ломы, грабли и др. инструменты и от них по окончании работ принимаю инструмент.

От работ я освобожден, но живу по-прежнему в том же бараке и выхожу по пропуску. Это милость Божия, явленная мне в день памяти (Ангела) моего приснопа-

мятного батюшки старца о. Гавриила, его святыми молитвами. Владыку Феофана на днях провожаем — он уезжает туда, где муж Лав. Фед., далеко на юг, но мы остаемся здесь. Я здоров, бодр духом и благодушествую. Благодарю Бога за все. Верю, что Ваши и родных моих молитвы доходят до Бога. Спасибо Вам и за молитвы о моем почившем брате Сергее. Шлю Вам Божие благословение, о всех молюсь, с любовью всегда вспоминаю добрых рязанцев и милую Рязань, ставшую для меня родной. Желаю Вам вступить в спасительные дни страстной седмицы и в радости встретить Святую Пасху. Прошу Ваших святых молитв.

Ваш дедушка.

1937 год, апрель 11 (н. ст.)

П. С. Жене шлю Божие благословение. Помогите ему, Господи, в его добрых начинаниях. Спасибо ему за молитвы о брате и добрую память обо мне, недостойном. Отцу Андрею мой привет и благословение, также и Саше. Пишите, не забывайте, письма Ваши читаю с большим интересом.

Письмо шестнадцатое

Дорогая Анна Константиновна!

Спешу Вас уведомить, что Вашу постовую посылку я получил в воскресенье на 6-й неделе великого поста 5/18 апреля. Сердечно благодарю Вас за то утешение, которое Вы доставили мне этой посылкой. В ней так все прекрасно! Спаси Вас Господи!

Завтра «совершаем», т.е. по-русски — оканчиваем «душеполезную четырехдесятницу». Слава Богу! Господь привел нас к спасительным дням страстной седмицы и предваряющему ее входу Господню в Иерусалим, дав нам возможность в условиях нашей жизни сохранить святой пост, не нарушая его ни ястием, ни питием. От души приветствую Вас, а в лице Вашем всех своих духовных чад с наступлением Великого Праздника Пасхи. Желаю его спасительно встретить и радостно провести.

Во все эти знаменательные дни я духом буду с вами, буду молитвенными воздыханиями и слезами здесь, на

чужбине, сопровождать ваши духовные переживания и разделять ваши пасхальные радости.

Воздохните и обо мне, недостойном, отверженном от общения вашего чувственного, внешнего, но не духовного... Я верю в силу церковной молитвы обо мне и это чувствую на каждом шагу... О, как много расскажу Вам, когда увижу Вас, о всех милостях Божиих, так богато изливающихся на мне. Как Вас Господь милует, как Ваше здоровье? Получили ли Вы мое последнее письмо от 11/IV? Не помню, писал ли я Вам, что в моей жизни здесь произошла перемена к лучшему. Я теперь зав. кладовой рабочего инструмента, который выдаю рабочим бригадам и принимаю его от них. От работы я освобожден. Иногда приходится сделать топориче и насадить на него топор, также ручки к лопатам, но это очень редко.

У меня остается много свободного времени, и я его провожу в уединении. Могу почитать и помолиться. А случилось это так: когда я работал однажды на чистке снега и устал порядком, я невольно воскликнул: «Господи, доколе забудеши мя до конца, доколе отвращаеши лице Твое от мене?» — И что же? Не прошло и двух часов, как начальник Центральной усадьбы подзывает меня и поручает мне заведование кладовой.

Я так и ужаснулся от неожиданности, и без слез не мог пережить этого момента...

У нас 17/30 марта началась было весна, продержалась с неделю, опять началась вторая зима — выпал снег, и пошли морозы, даже был небольшой буран в начале (по старому) апреля. Ждем наступления второй весны. К тому же и «жаворонки» прилетели из Рязани, предвещая скорое тепло. Спасибо за них — они очень вкусные. У нас стоит все еще санная дорога и поэтому есть сообщение с Топчихой (40 верст).

Шлю привет всем, не перечисляя всех по именам, но всех помню и живо представляю. Храни Вас Господь.

Ваш дедушка.

1937 г. апрель 9/22.

П. С. В воскресенье 12 апреля — память святителя Василия и Муромской Божией Матери. В прошлом

году мы в этот день двинулись в путь-дорогу из Москвы в Мариинск. Как знаменательно!

Как здоровье отца Андрея? Где он?

Под 1 марта (стар. ст.) я видел его во сне и приветствовал его словами «Христос Воскресе». Но он стоял в белом подряснике, светлый, но ничего мне не отвечал.

10/23-IV начался сильный буран, и мы сидим дома и не работаем. Надо полагать, что буран еще продолжится дня 2-3, а затем начнется оттепель и весна с распутицей. Когда вы получите это письмо?

Письмо семнадцатое

Воистину Воскресе Христос!

Сегодня, в неделю Фомину, получил Ваше пасхальное письмо от 22/30 апреля, дорогая Анна Константиновна! Сердечно благодарю вас за Вашу добрую память, приветствие и добрые пожелания. Взаимно Вас приветствую. Надеюсь, и Вы получили мое пасхальное поздравление.

Ваши письма я всегда читаю с большим интересом, а сегодняшнее Ваше письмо доставило мне большую радость, разумею Ваше сообщение о возможности скорого моего возвращения, надежда на что у меня с каждым днем растет и растет, не только по мотивам чисто внешнего порядка, но и мистического. Я буквально вижу во всем, до очевидности, осязаемую руку Божию, во всех мелочах моей жизни, что нередко вызывает у меня слезы умиления и благодарности. Об этом, когда увидимся, мы будем говорить во славу Божию.

Неужели я не описывал Вам моего знаменательного сна? Сон этот я видел в ноябре месяце на память преподающего Феодора Студита, который, как известно, был не только подвижником, но и исповедником (11 ноября по старому), а исполнение его совершилось 26 января по старому, когда совершается его вторая память в году. Сон этот был настолько ярким, что я, когда проснулся, не мог прийти в себя. Три раза он вновь возобновлялся, и каждый сон являлся продолжением предыдущего.

Представилось мне, что я будто бы нахожусь в Москве на заседании какого-то съезда в Кремле среди членов его, и вот председатель этого съезда, всем известное лицо, фамилия которого начинается теми же тремя буквами, что и фамилия Над. Мих., нашей общей знакомой, обратившись в мою сторону, очень вежливо приглашает меня в президиум, и я подымаюсь на возвышение и сажусь за стол, по указанию его, по правую руку рядом с ним. Начинается заседание, и я чувствую, что я не гость, а представитель духовенства, и как таковой принимаю такую высокую честь. Председатель во время заседания переговаривался со мною, вспоминая своих знакомых из нашей братии (вообще он был более чем внимателен ко мне). Потом, заметив кого-то из присутствующих не особенно опрятным в костюме, вывел меня на середину и сказал: вот посмотрите, как у него все в порядке, вот и сапожки какие. На этом первый сон прекращается.

Я вижу второй сон: — Я вхожу в довольно просторную комнату, под свежими впечатлениями только что бывшего заседания. В комнате помещаются батюшки и монахи, но кто — не помню. И я рассказываю им, что я удостоился чести быть на собрании, как представитель духовенства, что это важно для нас, что это новое, светлое в нашей жизни, но братия недоверчиво относится ко мне — не верит счастью, а я говорю, что так будет. Этим заканчивается второй сон.

Третий сон: — Я вхожу после перерыва на то же заседание съезда. Все на местах, я запоздал. Сажусь на свое место в президиуме, чувствую некоторую неловкость, что запоздал. И вдруг вижу у стены стоит мой красного дерева костылек (из Соловков), с которым я вышел из своего помещения в ту знаменательную ночь, отправляясь на «почтовку». Этот костылек я оставил в кабинете начальника, где находился, когда меня отправляли на машине в Москву. Я удивился и обрадовался ему. Потом встаю и иду в угол, там стоял эмалированный таз с моей намыленной сорочкой. И стал ее достирать. Она была бела, как снег, и мыльная пена тоже была удивительной белизны. Почувствовал, что это неудобно

делать, так как на это могут обратить внимание, я возвращаюсь на свое место, а заседание продолжается. Затем председатель говорит: «Пора устраивать перерыв и пить чай», и я вижу на длинном-длинном столе лежит белая, как снег, скатерть, вроде полотенца или дорожки, вначале она лежала в виде зигзагов. Тогда я встаю, становлюсь против длины стола, беру за оба края скатерть и начинаю ее выравнивать; быстро ее выпрямил, и она лежала на столе, как стрела. Появились чайные приборы и тут же принесли великолепный торт и мы стали пить чай, и я проснулся.

Когда меня 26 января (ст. стиля) привезли на центральную усадьбу, я оказался в обществе собранной со всех участков нашей братии, смотрением Божиим соединенной воедино, я вспомнил 2-й свой сон.

Костылек мой, верю, будет мне возвращен, как символ моего святительства, оставленный в Рязани, так как я срачицу свою отстирал.

«Если ваши греси будут как багряное, аз яко снег убелю» — говорит Господь. Я чувствую, что искупил свои грехи перед Богом, и что наступает время проявления милости Божией ко мне грешному. А милость Божия будет для меня в длинном пути к возвращению. Еще в прошлое время перед своими переменами в положении и назначениями я видел сны, что пил чай с тем, кого теперь уже нет, но от кого все зависело. Зигзаги перед дорогой я уже переживаю. Но они незначительные и непродолжительные. Когда я приехал на Центральную усадьбу, мне прислал в подарок один из моих сослуживцев точно такой же костылек, какой у меня был в Рязани, такой же формы и цвета, с ним я хожу здесь.

Не удивительно ли?

На Вербное Воскресенье я думал, что попаду в этап на север в более тяжелые условия, куда направили лиц моей категории, куда поехал Владыка Феофан, но я по молитвам Святителя Василия остался здесь по летам и здоровью (3-я категория) вместе с прочей братией.

Глубоко сожалею, что на страстной неделе пришлось ограничиться только вычитыванием только всех 4-х Ева-

нгелистов ввиду отсутствия служб страстной седмицы. В пятницу один батюшка художник сделал великолепную плащаницу. Я ее освятил и мы ее лобызали с известными нам песнопениями, а в субботу перед ней (она лежала у меня на подушке на моей постели) читали деяния. Суббота была днем выходным. Исповедались и в 12 часов ночи, когда все спали, сидя на своих койках по несколько человек, шепотом пропели полунощницу, пасхальную утреню, обедню и причастились, а затем похристосовались и разговелись.

Какая для нас это была радость, какое утешение. Сердце было преизобильно исполнено радости о Воскресшем Господе. Но все-таки нам пришлось выйти на работу, чистить снег и убирать грязь, и мы работали, про себя поя пасхальные песнопения, чувствуя, что дух наш выше всего, что радость все поглощает, и ничто не может ее у нас отнять. Вечером мы про себя шепотом пропели вечерню с чтением Евангелия. Так мы провели всю седмицу.

Теперь о кофе. Я очень рад, что она у Вас, носите ее на здоровье. Катя мне прислала телогрейку, так что и я вполне обеспечен.

Женю прощаю, и кто же его будет гнать от себя? Разве он видел что-либо похожее на это, когда мы встретились в Мариинске? Я не знаю, где я буду и что буду после возвращения. Но гнать его от себя у меня и в мыслях не было. Успокойте его. Посылки Вашей пасхальной я еще не получал. Спасибо за нее. Божие благословение Вам и Оксане за ее дары, столь трогательные. Маленького Женю поцелуйте от меня. Храни Вас Господь!

Ваш дедушка.

1937 г., мая 9-го.

Письмо восемнадцатое

Дорогая Анна Константиновна!

Сегодня, 10/23 мая, я получил Вашу пасхальную посылку. Сердечно благодарю Вас за Вашу заботу. Яйца пришли в полной сохранности, как и прочие

вкусные вещи. Спасибо дорогой Оксане. Ее память меня трогает. Спасибо и тем, кто потрудился в печении прекрасного кулича и участии в сооружении посылки. Посылка хотя и запоздала, но пришла кстати, на новоселье. Нас 5-го (18-го) мая перебросили в село Чистюньку на разборку моста на реке Алее, который во время ледохода прорвало, а также на постройку нового деревянного моста. Адрес мой остается прежний, на Центральную усадьбу. Мы живем в 12 верстах от последней, в здании местного училища. Устроились очень уютно среди мирных жителей, что так прекрасно действует на психику. Работа тяжелая. Первый день я с бригадой грузил лодки пшеницей. Пришлось таскать, ничего не поделаешь, мешки по 5 пудов; конечно, такие, как я, таскали мешок вчетвером на удивление посторонних зрителей, так что один из них в шутку сказал: «Что Вы, точно покойника, несете мешок?» Второй день я вертел точило, на котором точили топоры; а на третий день я уже работал топором. Не удивляйтесь — довольно удачно тесал бревна, хотя и впервые. Но после обеда меня, как старца, определили дневальным в наше помещение. Теперь я подметаю полы, убираю помещение, каждый день мою полы (недурно), чищу уборную, караулю днем вещи своих собратьев, вот и все. Слава Богу за все! Видимо, Господь молитвами Вашими ущедряет и утешает меня. Временами я думаю — не на даче ли я? Если Вы получили мое письмо от 9 мая, то в нем прочитали описание моего знаменательного сна. Теперешнее мое положение — это последний зигзаг скатерти, которую я вытянул в стрелку. Я вышел на дорогу длинную, прямую, домой.

О, если бы это было так!

У нас стоят дивные теплые дни — 15-20 градусов тепла. Но стоит подуть ветерку, как ощущаешь холод и приходится одевать теплые вещи.

В селе Чистюнька есть хорошенькая церковь, есть в ней и служба Божия, но посещать ее нам не велят, не можем мы одни выходить из помещения в поселок. Настроение у меня хорошее, бодрое, предвкушаю какую-то грядущую радость... Я здесь отдыхаю духом

в тиши, когда все уйдут на работу. Наше помещение напоминает мне серый домик против Благовещенской церкви, столь знакомый Вам.

Прошу Ваших святых молитв. Не забывают меня в молитвах и письмах.

Ваш дядя.

23.V-37 г.

П. С. Кланяйтесь всем, кто меня помнит. Передайте мой поклон и Божие благословение отцу Андрею. Как его здоровье?

Как досадно, что изображения мне не передали, а какие они хорошие, и как мне хотелось их иметь.

25/V-37 г. Сейчас мне вручили свящ. изображения с разрешения кого следует. Я очень рад. Как Вы встретили праздник Святой Пасхи? Поздравьте с Днем Ангела Леночку Рыжкову и ее Маму. Как растет и живет Женья, ее брат?

Письмо девятнадцатое

Дорогая Анна Константиновна!

Спешу Вам сообщить, что вчера мы вернулись снова на Центральную усадьбу. Здесь пробудем несколько дней, и числа 5-6-го июня отправляемся в этап в г. Томск в колонию инвалидов. Со мною едут старики свыше 55 лет и инвалиды. Ходят разные слухи, которые подают надежду на светлое будущее. Быть может, осенью мы будем дома. Настроение у меня прекрасное, бодрое, предвкушающее неизъяснимую радость в будущем. Сон мой сбывается с поразительной точностью. Прошу Вас и всех, кто меня помнит, усиленно помолиться. Быть может, по молитвам Святителя Василия, Господь благословит мне осенью быть дома. Посылок и денег мне не присылайте до сообщения Вам нового моего адреса, а письма можно по старому адресу на Центральную усадьбу. В переписке должна произойти некоторая пауза, перерыв на три недели. Если будет возможность, с дороги пришлю открытки. Поэтому не волнуйтесь, а молитесь. Приветствую Вас и всех с гря-

душим праздником Святителя Рязанского Василия.
Буду со всеми Вами духом.

Храни Вас Господь!

Ваш дядя.

18/31 мая 37 г.

П. С. Получили ли Вы мое письмо с Чистюньки?

Открытка двадцатая

Наша поездка в г. Томск отменена. Поэтому я остаюсь на прежнем месте. Адрес мой остается прежний. Жду от Вас весточки. Я здоров и бодр духом. Шлю Вам свой сердечный привет. Будьте здоровы. Поздравляю Вас с праздником 7/VI* и 10/VI** по ст. ст. Мысленно буду с Вами.

Ваш дядя.

9.VI-1937 г.

Открытка двадцать первая

Спешу Вам сообщить, что 17/30 июня я благополучно прибыл в г. Томск. Устроился на новом месте прекрасно. Здоров и бодр духом. Пишите по адресу: Томск-1-й. Колония массовых работ № 2.

Подробности в следующем письме.

Дядя.

1937 год, июля 2.

Открытка двадцать вторая

Дорогая Анна Константиновна!

Вчера получил Вашу поздравительную открытку (2-ю) — первую весточку по новому моему адресу, и был очень утешен, что в Рязани известен мой адрес. Спасибо за память и поздравление. Я жив, здоров, бодр духом и благополучен. Пока отдыхаю и не работаю по

* 7 июня — предположительно праздник Всех Святых в земле Российской просиявших.

** 10 июня — Обретение мощей святителя Василия Рязанского (1609).

своей инвалидности в ожидании комиссии. У нас после дождей установилась хорошая погода, но чувствуется север. Из Топчихи мне прислали Вашу открытку, большое письмо и троичную посылку, но именинной открытки и именинной посылки я еще не получал. Ожидаю их на следующей неделе. Глубоко тронут и искренно благодарен; надеюсь, что Вы уже получили мое закрытое письмо отсюда от 10/VII. Здесь встретил кое-кого из своих знакомых братьев, а также Т.Е. Ник. Ган. Она тоже инвалид и ожидает своего возвращения домой. Как жаль Андрюшу! Почему он упорно не пил отвара льняного семени, ведь он бесследно излечивает аппендицит.

Храни Вас Господь! Божие Вам благословение. Молитесь блаженной Ксении!

1937 год, июля 11/24.

Ваш дядя.

П. С. Поздравьте О. А. с днем Ангела.

Деньги Анны Ал. еще не получил.

Письмо двадцать третье

Дорогая Анна Константиновна!

Приношу Вам свою искреннюю благодарность за Вашу добрую память и заботу. Вашу посылку именинную я получил 17/30 июля. Надеюсь, что Вы получили мое подробное письмо от 10/VII, в коем я сообщал Вам о получении от Вас посылки от 5/18 июня, подробного Вашего письма и второй поздравительной открытки.

Спасибо Вам за все! Перевод Анны Алексеевны, посланный Вами на Топчиху, мне еще не переслали сюда. Его перешлют вместе с моими личными деньгами.

По своей инвалидности и отсутствию здесь мастерских, которые находятся пока в стадии оборудования, я не работаю.

Вчера, 1 августа/19 июля, открыла действие свое прибывшая к нам судебная комиссия, но она по бытовым статьям. Вчера освободила много бытовиков, прошедших перед сим врачебную комиссию. По нашим

статьям на днях будет нам врачебная комиссия, а через неделю особая специальная комиссия, которая и пересмотрит наши дела и решит нашу участь. В октябре, как нам объявили, ожидается широкая амнистия. Да будет воля Божия!

Шлю привет и благословение всем родным и Вам. Прошу у всех усиленных молитв обо мне.

1937 г., 2 августа, Ильин день.

Ваш благодарный дядя.

П. С. Спасибо за дорогой портрет. Благодарю Анну Алексеевну за перевод и поздравляю Романа Влад., ее мужа, с днем Ангела, а ее с дорогим именинником.

Открытка двадцать четвертая (последняя)

Дорогая Анна Константиновна!

Вашу посылку с яблоками и медом получил 7/20 августа, а 21 августа получил Вашу открытку. Искренно благодарю за ту и другую. Очень тронут Вашим вниманием и заботой. Я здоров, жив и благополучен, бодр духом. Мне здесь хорошо, и люди меня окружают хорошие. Беспokoюсь о состоянии Вашего здоровья и советую Вам сделать себе операцию. Не надо искушать Бога. У нас уже наступает осень, хотя стоит хорошая погода, но чувствуется холод. Перевод Анны Алексеевны (40 р.) мне переслали из Топчихи, и я его уже получил. Очень и очень ее благодарю.

Приветствую Вас и всех родных с праздником 15 августа.*

Ваш Дядя.

1937 г., август 22.

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ АРХИЕПИСКОПЕ РЯЗАНСКОМ И ШАЦКОМ ИУВЕНАЛИИ

Вспоминает Анна Евгеньевна Грохольская:

Годы 1928–1936 — это годы нашей молодости — трудные, страшные, голодные годы. Но в воспоминаниях они не кажутся такими, а, наоборот, вспоминаются как светлые, содержательные, дающие опору и установку на всю последующую жизнь. Свойство человеческой памяти вообще — оптимизм, но в нашей молодости этот оптимизм имел твердое основание — хорошо налаженную церковную жизнь.

Во главе рязанской церкви стоял тогда столп православия — архиепископ Иувеналий (Масловский). К нам в Рязань он приехал умудренный жизненными годами, управлением последовательно двумя епархиями, Тульской и Курской, и годами ссылки на Соловках. В это время в самой Рязани было много церквей, а в епархии насчитывалось их до пятисот...

Мы с сестрой Марией — 15–17-летние девушки — всегда жалели, что из-за своей бедности ничем не могли материально помочь Владыке, как наши подруги (одна могла из своего огорода принести морковки, капусты, другая могла из отцовского пайка принести гречки или селедки). Владыка и архиерейский дом не пользовались никаким снабжением. Но зато мы с сестрой могли петь на клиросе во время тихих архиерейских служб в Благовещенской церкви. Владыка любил, когда за этими службами пели девочки Климентовские. Иногда Владыка благословлял меня почитать «первый час», передавая через иподиаконов или своего келейника о. Евгения: «Пусть Аня почитает». Он нас знал, потому что папа (отец Евгений Климентовский), до ссылки в Соловки, со службой настоятеля Иерусалимского храма совмещал службу у Владыки библиотекарем. Нередко Владыка пешком ходил в Иерусалимский храм, где он молился в алтаре во время литургии. После папы настоятелем Иерусалимского храма стал игумен Полихроний, который был духовником Владыки.

* 15 августа — Успение Пресвятой Богородицы.

Для нас, больше чем для кого-либо другого, дорого то, что рязанские церковные традиции в настоящее время неукоснительно соблюдаются.

В те годы церковь и духовенство, и городское и сельское, были очень бедны, так как все доходы забирали налоги (без конца возрастающие). Художники-любители работали бесплатно. Один старичок, художник-самоучка (бывший генерал) Вениамин Дмитриевич Чемякин, сам делал митры и прекрасно нарисовал раку Святителя Василия Рязанского над мощами на левом клиросе Рождественского собора, а его жена Софья Константиновна Чемякина организовала девочек и вышила с ними покров для раки.

Надо отметить, что соборяне в большинстве своем состояли из старой интеллигенции и аристократии, которые материально и морально старались поддерживать Владыку, хотя сами жили впроголодь. Владыка на это не мог не реагировать; вышеупомянутая Софья Константиновна Чемякина старалась в каждый большой праздник принести Владыке пирог. Однажды Владыка говорит своей прислуге: «Мать Екатерина, если Софья Константиновна придет еще раз с корзиной, — ее не принимать». Наступил следующий праздник — и опять на столе пирог. Владыка обращается к матушке: «Матушка, что же Вы не слушаетесь. Я же просил не принимать Софью Константиновну с корзиной». Софья Константиновна отвечает: «Владыка, матушка не виновата. Я пришла без корзинки, а принесла пирог в салфетке».

Чемякины не пропускали соборных богослужений. Как-то их не было на службе. Владыка потом им говорит: «В прошлую субботу, когда я кадил внутри храма, на Вашем месте нашел «пустое место».

Постоянными посетителями собора были: дочь профессора Московского Университета и внучка Саввы Морозова Мария Геннадиевна Смольянинова, бесплатный секретарь Владыки Анна Константиновна Арнольди (в прошлом дочь помещика, окончившая два факультета университета), врач Александр Иванович Чернобаев с семьей, семья крупного военного — Зенькович, стено-

графистка Софья Сергеевна Кипарисова и многие другие. Храмы посещало много молодежи. Владыка был прост в обращении, доступен, добросердечен.

В 1936 году в январе Владыку арестовали и отправили в Сибирь. С ним разделили участь и все остальные светочи, певцы и витии Рязани и области. Большинство из них окончили жизнь священномучениками. Храмы были закрыты и большей частью разрушены. На всю Рязань и область осталась одна кладбищенская церковь — Скорбященская. Часть верующих также окончила жизнь в лагерях. Остальные жили прекрасными воспоминаниями светлого прошлого незабываемого.

Оставшиеся сейчас в живых 70-80-летние бабушки продолжают называть себя «иувеналиевскими». И нас «иувеналиевских» становится все меньше, но каждый имеет в душе образ святителя, посеявшего в нас на всю жизнь семена добра и любви к церкви и службе Божией.

Вспоминает Мария Евгеньевна Климентовская:

После ареста и ссылки в сибирский лагерь Владыки Иувеналия для нас, верующих, почитателей Владыки, было утешительно повидаться с его делопроизводителем (бесплатным, «на общественных началах». Владыка не имел канцелярии — нечем было платить служащим, сам писал указы). Так вот эта делопроизводитель, Анна Константиновна Арнольди, после ссылки Владыки с риском для жизни осуществляла связь между рязанской паствой и находящимся в лагере Владыкой.

Анна Константиновна собирала на посылки (благо их в течение полутора лет разрешали пересылать), писала ему ободряющие письма, служащие моральной поддержкой и поднимающие дух. Отвечал Владыка также на ее адрес. И так были ценны эти ответные письма Владыки, эти живые свидетельства непрекращающегося духовного общения, что их нельзя было слушать без слез.

Анна Константиновна вела подвижнический образ жизни. Она снимала крохотную частную комнатку, ко-

торая не имела печки и зимой обогревалась керосинкой. Так что свежему человеку пробыть в ее прокопченной комнатухе 1-2 часа было подвигом, который вознаграждался лишь слушанием писем Владыки и рассказами о нем и его служении.

Этих писем набралось 24. Они хранились у икон, перевязанные ленточкой. Когда письменная связь после 22 августа 1937 года оборвалась, Анна Константиновна мечтала отвезти их (подлинные письма Владыки Иувеналия из ссылки) в Москву, в Патриархию, Святейшему Патриарху Алексию, с которым Владыку Иувеналия связывала сердечная дружба. Оба они начинали свое служение молодыми иеромонахами, преподавателями Псковской семинарии. Оба молодые, образованные, полные сил и энергии, один после Московской, другой — после Казанской академии, они близко сошлись друг с другом и сохранили дружеские отношения на всю дальнейшую жизнь.

Анна Константиновна умерла в 1961 году в возрасте 83 лет, так и не сумев осуществить свою мечту — передать Владыкины письма Святейшему Патриарху Алексию.

Мы с сестрами, похоронив Анну Константиновну, не имевшую родственников в Рязани, в первую очередь постарались разыскать эти драгоценные письма.

И вот они у нас в руках. Я перепечатала для себя копии, собрала подлинники писем, лучшие фотокарточки Владыки Иувеналия, некоторые его документы и отвезла их в Москву, в Патриархию, и передала в руки личного секретаря Святейшего Патриарха Алексия — Даниилу Андреевичу Остапову, который все благосклонно принял и сказал, что обязательно передаст Святейшему, кабинет которого был через стенку с кабинетом секретаря (в помещении Синода).

Завещание Анны Константиновны я выполнила, но о дальнейшей судьбе этих подлинников я ничего не знаю.

Мы все храним живую деятельную память о Владыке Иувеналии, которую пронесли через всю жизнь.

И когда перечитываешь письма (пусть в копиях), то чувствуешь общение с праведником, священиком, который также до конца не разлучался духом с любимой паствой.

Праведники во веки живут...
Любовь не умирает...

Вспоминает Софья Сергеевна Кипарисова:

К прибытию архиепископа Иувеналия удалось найти для него небольшую квартирку, очень скромную, из двух маленьких комнат в домике напротив Благовещенской церкви. В одной из комнат поселился Владыка, в другой — его келейник игумен Евгений, и еще меньших размеров проходная кухня и комнатка для прислуги.

Архиепископ Иувеналий был великий молитвенник. Чтение молитв, молитвенные возгласы Владыки за службой были всегда так проникновенны и так благостно действовали на молящихся, что невольно хотелось молиться и молиться. Особенно трогательными были великопостные службы: еженедельные пассии с чтением акафиста Страстям Христовым и пением ирмосов «Волною морскою».

Никогда не забываемый и всеми нами, рязанцами, любимый, Владыка Иувеналий неустанно призывал нас к вере и любви к Господу Иисусу Христу, пострадавшему за нас на Кресте, призывал к иной жизни, жизни в Боге и с Богом, к новой жизни и становлению новой тварью: «Кто во Христе, тот новая тварь».

Еще одним звеном, связующим архиепископа Иувеналия с пасомыми, была привычка или потребность Владыки благословлять после церковной службы жаждущих получить Божие благословение, а такими жаждущими были все, находившиеся в храме. Так наш светлый, благостный Владыка, памятуя слова Спасителя: «Я есмь пастырь добрый и знаю моих и мои знают Меня», неумоимо преподавал нам Божие благословение, которым мы всегда очень дорожили.

Высокопреосвященнейший архиепископ Иувеналий до своей ссылки в Соловки служил в Курске. И курская паства любила и чтит своего архипастыря. Одним из знаков этой любви и почитания был подарок ко дню Ангела Владыке от курской паствы — Архиерейский Чиновник, в переплете которого была вмонтирована серебряно-позолоченная икона Царицы Небесной Иверской. Владыка очень дорожил этой святой иконой, и, по милости Божией и Его Пречестной Матери, она не попала в руки неверных, ее удалось спасти при разгроме жилища Владыки со всем его содержимым. Довольно долго этот Архиерейский Чиновник хранился у меня, а потом, когда на Рязанскую кафедру был назначен архиепископ Филарет (Лебедев), я передала Чиновник с иконой ему, и он взял его с собой в Ригу, когда стал Рижским и Латвийским в 1951 году.

Слова назидания и беседы неутомимого и усердного молитвенника нашего, всеми нами глубоко чтимого и горячо во Христе любимого архиепископа Иувеналия, были всегда глубоко содержательными, что видно из проповедей, застенографированных мною.

Вспоминает Мария Дмитриевна Рождественская:

Архиепископ Иувеналий часто, особенно в престольные праздники, служил во всех храмах Рязани: Благовещенском, Иерусалимском, Воскресения Сгонного, Вознесения, Николо-Ямском, Троицком, Спаса на Яру, Скорбященском, Лазаревском, Симеона Столпника и других, в субботние же и воскресные дни всегда служил в соборе. Его всегда при входе встречало духовенство с крестом. Маленький, лет 6–7, иподиакон Володя Щулаков, стоявший обычно со свечой в маленьком, специально для него сшитом стихаре, при встрече приветствовал Владыку на весь собор звонким детским голосом, но голосом сильным: «Тон деспотен, ке архиерео имон, кирие филатте, Исполла эти деспота!» (Сейчас отец Владимир Щулаков и его сын отец Вениамин служат настоятелями в районных приходах Рязанской епархии).

Нам запомнились некоторые особенности богослужения в соборе при Владыке Иувеналии: так, за всеобщими бдениями, если стихиры пелись на глас, то обязательно с канонархом, так что содержание стихир, все до последнего слова, было понятно молящимся. Прекрасными канонархами были келейник Владыки Иувеналия игумен Евгений и молодой иеромонах отец Серафим (Крупнов).

Владыка ввел некоторые новшества: так, в течение всего Успенского поста ввел по вечерам так называемые параклисисы (особые умилительные службы с пением нараспев на два хора канона Божией Матери «Многими содержим напастьми», чтением акафиста Успению Божией Матери и чтением Евангелия. Эти богослужения совершались ежедневно, тогда как до Владыки Иувеналия в Успенский пост ограничивались лишь чтением акафиста Успению Божией Матери.

И сейчас при большом стечении народа в соборе ежедневно в Успенский пост совершаются параклисисы в честь Успения Божией Матери.

После праздника Успения вечером совершалось умилительное вечернее богослужение — Погребение Божией Матери. Впервые при Владыке Иувеналии над плащаницею Матери Божией была сооружена сень (временная, деревянная), убранная зеленью и цветами. Владыка Иувеналий с духовенством и желающими из молящихся были сфотографированы на фоне этой сени. Правда, фотография получилась несколько темновата, но разобрать многих, с Владыкой в центре, возможно: архимандрит Ефрем, протоиерей о. Александр Климентовский, игумен Евгений (келейник Владыки), протоиерей о. Василий Баландин, иподиаконы и другие.

Вспоминает псаломщица Борисо-Глебского собора Мария Константиновна Малахова:

Наша семья во время служения Владыки Иувеналия в Рязани не проживала, и я не знала Владыки Иувеналия, но слышала о нем много хорошего.

Особенно поразили меня рассказы моей предшественницы, псаломщицы собора матери Анны — в миру Анны Ефимовны Филиной, она же монахиня Серафима и схимонахиня Василия.

После закрытия монастыря матушка Анна пришла к старенькому священнику отцу Филарету, служившему в Сарове, за советом, куда ей теперь идти. Батюшка, отец Филарет, посоветовал ей: «Поезжай в Рязань, там Владыка Иувеналий — это столп от земли до неба; я иногда туда приезжаю...» Матушка поехала в Рязань и устроилась псаломщицей в собор. У нее был прекрасный голос и слух.

Уже в Рязани с матушкой Анной поделилась Владыкина прислуга, матушка Екатерина: «Приехал к Владыке старенький священник, переехавший из Сарова в Срезнево, отец Филарет. Владыка вышел в коридор встретить его, и оба упали друг другу в ноги, и ни один, ни другой не встает первым. Тогда матушка Екатерина, у которой на глазах это было, произнесла: «Владыка, пожалей старца!» И Владыка встал первым.

В какой-то небольшой праздник или памятный день Владыка служил в соборе. Матушка Анна вошла в алтарь, Владыка стоял на горнем месте. Запели «Святый Боже», и вдруг матушка видит необычный свет, который осиял горнее место, и Владыка стоял в лучах этого света. Видение так же внезапно окончилось. В конце службы Владыка сам давал крест. Когда матушка подошла к кресту, Владыка ей сказал: «Матушка, умолчи!»

Матушка рассказала мне об этом уже перед своей смертью (в 1982 году).

Вспоминает Мария Семеновна Гаврилова:

Мы жили на Затинной улице, около Благовещенской церкви, напротив которой жил Владыка Иувеналий.

Однажды я подошла под благословение к Владыке со своими двумя племянниками, девочкой Таней — 5 лет и мальчиком Женей — 6 лет.

Владыка, благословляя детей, положил свою руку на головку Тани и сказал: «Эта девочка неземная», а по-

том, положив руку на головку Жени, произнес: «А этот мальчик земной...»

И вскоре Таня умерла от кори, а Женя вырос и дожил до 60 лет.

Вспоминает Елена Леонардовна Вольная:

В своей молодости я, так же, как и многие из верующей молодежи того времени, постоянно ходила в собор и старалась не пропускать службы Владыки Иувеналия. Он был уже пожилым — лет 50-55-ти, с выдающейся внешностью. Но главное — в нем была одухотворенность, мирная настроенность и доброта.

При произнесении им проповедей чувствовалось, что все, к чему он нас призывает, не отвлеченные истины, а это его внутренняя жизнь, то, чем живет он сам. Его молитвенная настроенность передавалась и всем верующим, и мы были не просто слушателями, а одной семьей с отцом-архипастырем во главе.

Владыка был вдохновенным оратором, и все его богослужения сопровождались поучениями, и мы ждали его проповедей. Мы не знали, что весь запас этих полученных нами духовных ценностей нам пригодится вскоре, что мы этим наследием будем жить долгие годы безвременья и тяжелой войны, пока не наступят другие времена и не придут новые делатели на Ниву Христову.

Вспоминает Нина Александровна Веселова:

В своей юности я вместе с моей семьей (отцом, матерью, двумя сестрами и братом) постоянно ходили на богослужения архиепископа Иувеналия. Службы были частые, праздничные. Владыка никогда не сторонился прихожан, которые, пользуясь его добротой и теплым отношением к ним, из церкви никогда не уходили без его благословения, как бы он ни уставал.

Родители мои помогали Владыке, чем могли, и он благоволил к нашей семье. Мне посчастливилось быть у него дома, где он меня и моего жениха благословил Печерской иконой Божией Матери на брак.

При рождении у нас сына он порекомендовал нам назвать его или в честь страстотерпца Рязанского, благоверного князя Романа, или Первосвятителя Рязанского Василия. Один мой сын был назван Романом, а другой — Василием.

Мне хотелось показать своего первенца Владыке. Я пришла с малышкой дочкой к нему домой, сказала матушке Екатерине, что хотела бы, чтобы Владыка благословил ребенка. Матушка доложила; вышли Владыка и отец Евгений. Владыка благословил меня и младенца.

К своим воспоминаниям я прилагаю фотокарточку Владыки, которая мне очень дорога, так как фотограф, приведенный мною, сделал ее в келье Владыки, и Владыка подарил карточку нашей семье. В детстве моя фамилия была Чернобаева.

Вспоминает Клавдия Ивановна Минаева:

Я знаю Владыку Иувеналия с 1928 года. На первой неделе Великого поста мама пришла от всенощной из Рождественского собора и рассказала, что в соборе, в сторожке, остановился Владыка, который приехал прямо из ссылки, и с ним его келейник о. Евгений. Ему стали искать квартиру и вскоре нашли около Благовещенской церкви. С тех пор я начала ходить в собор, где служил Владыка. Храм был полон верующими, молодежь стояла около кафедры. Когда Владыка служил в других храмах, я ходила на его богослужения туда, так же, как и многие другие молящиеся.

Владыка на всех производил сильное впечатление своим благостным видом, доброй улыбкой и сияющими голубыми глазами. Таким он остался в памяти на всю жизнь. Его глаза говорили о доброте души. В своих проповедях он прививал нам веру в Бога и любовь к ближним. Все верующие проявляли к нему особенную любовь, поддерживали его продуктами, так как было голодное время. Мы с подругами собирались, ходили сажать цветы в его садике, чему он был очень рад. Владыку нельзя было не любить за его редко доброе

сердце, доступность и отзывчивость. Мы знали, что все средства Владыки уходили на налоги. Как-то он вынужден был даже продать свою зимнюю рясу на меху с воротником и остался в осенней рясе. Мы переживали вместе с Владыкой. На его богослужения всегда приходило много народа. (...) Когда он подъезжал, молодежь бежала на колокольню звонить.

В 1935 году арестовали келейника Владыки отца Евгения. Владыка очень переживал, а с ним и мы.

Владыку арестовали в 1936 году под Крещение. Мы все ждали его прихода в Скорбященском храме, где он тогда служил, и когда сообщили, что Владыка арестован, у нас, верующих, была такая скорбь, что весь народ в церкви рыдал и все жалели Владыку. Долго не было о нем вестей из ссылки. А когда узнали адрес, всю переписку с ним стала вести одна учительница — пенсионерка Анна Константиновна Арнольди, и мы через нее узнавали, как он живет в ссылке. Мы были рады слуху о нем и помогали Анне Константиновне собирать посылки. Владыка в письмах своих писал: «Люблю Рязань и рязанцев, всегда духом с вами...» Он просил и нас молиться о нем, говорил, что если будет амнистия и он вернется в Рязань, то будет молиться о нас. Но это не совершилось.

Прошло более 50 лет, но мы все о нем помним, и в день его Ангела 15.VII — празднование иконы Феодотьевской Божией Матери — мы заказываем обедню о его упокоении.

Вспоминает Александра Евгеньевна Добромыслова:

В 1928 году, когда папа (о. Евгений Климентовский — настоятель Иерусалимской церкви) находился в ссылке в Соловках, мама с 5-ю детьми находилась в очень бедственном положении, к нам как-то под вечер пришел по поручению Владыки Иувеналия его келейник отец Евгений. Он сказал, что пришел снять мерку с ножки младшей девочки, Шурочки, чтобы сшить ей зимнюю обувь «бурочки». Мне тогда было 4 года. Мама еще не приходила со своей изнурительной работы

землекопа, и мы с сестрой Лидой, годом старше меня, ели сырые капустные листья; отец Евгений сказал нам: «Вы, как козочки, едите капустку».

Через некоторое время, действительно, отец Евгений принес «бурочки» — мягкие, тепленькие, синего цвета.

Все это делалось тихо, без аффектации — ребенок на год-другой обут. Так Владыка умел тайно помогать бедствующим.

Прошла целая жизнь — 50 лет. Я окончила институт, защитила диссертацию, проработала в высшем учебном заведении 38 лет, ушла на отдых, но до сих пор мне памятли эти «бурочки» и я молитвенно вспоминаю Владыку Иувеналия и отца Евгения.

Вспоминает Анна Федоровна Козлова:

В молодости я часто посещала богослужения архиепископа Иувеналия в рязанском соборе и до сих пор помню, что Владыка прекрасно служил, был молитвенником и помогал сиротам.

Вспоминает Анна Александровна Иванова (Шабрина):

На восточной окраине Рязани, по улице Затинной, напротив небольшой церкви Благовещения Пресвятой Богородицы, сохранился и ныне небольшой деревянный серый дом. Часть этого дома занимал Владыка Иувеналий с келейником (о. Евгением) и прислугой (матушкой Екатериной) — лет 65, с трясущейся головой и очень просто державшейся, но на самом деле выдержанной, умной и глубоко преданной Владыке. Из коридора и передней был вход в комнату Владыки метров 10–12, в которой находились шкаф, стол, узкая железная кровать, накрытая вязаным покрывалом, кресло, стул. Небольшое окно выходило в маленький садик. Владыка очень любил цветы, и весной мы, несколько девочек из постоянных молящихся собора, собирались и сажали в этом садике цветы. Владыка, бывало, посмотрит в окно и скажет: «Девочки, смотрите, тяжело не носите». В са-

дике было два дерева, между ними стояло плетеное кресло, в котором Владыка летом любил отдыхать. Питался Владыка очень скромно: любил, когда матушка Екатерина готовила суп или щи с грибами и гречневую кашу. Когда откуда-нибудь появлялась селедка, после того, как ее съедали, из головы и костей варился суп. Владыка, так же, как и большинство из нас, спокойно мирился с трудностями военного времени.

Вспоминает Клавдия Дмитриевна Веретенникова:

Наша семья жила на ул. Затинной, напротив дома, где жил Владыка Иувеналий. Мы имели корову и продавали Владыке молоко. Иногда носили сами, иногда за молоком приходила прислуга Владыки матушка Катя. Нас у родителей было 6 человек детей — девочек. Я была старшей. И мы с сестрой Ниной всегда спорили: «Давай, я понесу молоко. Нет, давай я!»

Для нас было приятно уже взойти на крыльцо Владыкиного дома, а если удастся увидеть Владыку — это уже была большая радость. Он к нам, детям, был такой внимательный, приветливый.

Папа у нас работал кузнецом, мама занималась хозяйством. Когда были именинники папа или мама, Владыка всегда передавал для них большие просфоры. Рассчитывались за молоко по истечении месяца. Как-то приходит к нам гостившая у Владыки его сестра, Надежда Александровна, и говорит: «Разрешите, мы будем брать молоко в долг и дальше. Вчера были приготовлены деньги за молоко за прошлый месяц, да брат ведь какой! — пришел к нему какой-то сельский батюшка (у него не хватает на налог), ему и отдал. Еще кто-то бедствующий пришел, тому тоже отдал, и ничего не осталось. Он все готов отдать».

А матушка Екатерина рассказывала: «Подходит какой-нибудь большой праздник... Надо бы сходить на рынок, что-то купить для праздничного стола. Владыка знает это, но не зовет и денег не дает — значит нет... Наступает праздник. Пока длится долгое праздничное богослужение, кто-то принесет пирожков,

кто-то рыбки, кто-то свежих помидоров; приготовишь прямо с огня картофельное пюре, и когда Владыка и отец Евгений приезжают, на столе все свежее и праздничное».

Мы, молодежь, очень любили ходить на архиерейские богослужения в собор или в другие храмы в престольные праздники, наслаждались на Владыкиных службах, не уставали и всегда дожидались конца службы, когда Владыка всех благословит.

Вспоминает Ираида Михайловна Иванова:

Впервые на службу, совершаемую в Успенском соборе Владыкой Иувеналием, я пришла еще девочкой. До этого я ходила, как это полагалось раньше, в свой приходской храм — Благовещенский. Но когда мне пришлось побывать на службе, совершаемой Владыкой Иувеналием, я уже никогда больше не расставалась с этими службами до конца его пребывания в Рязани, т.е. до того страшного дня, когда его взяли и увезли неизвестно куда. Было столько пролито слез, что словами выразить невозможно.

Впоследствии я имела скудные сведения о нем из его писем, присылаемых Анне Константиновне Арнольди. Но о том, как кончилась его жизнь, где и когда, я ничего не знаю.

Он остался незабываемым мною и многими другими до конца наших дней.

Во время его служения в Рязани было много храмов, были и монастыри. Владыка в них во всех служил. Где должна быть очередная служба Владыки, мы узнавали из объявлений с амвона в конце службы. На архиерейские службы ходили верующие, не считаясь с дальностью расстояния (транспорта тогда никакого не было, и все ходили пешком в любое время дня и ночи). Богослужения были такие, каких до Владыки Иувеналия мы не знали. Даже будничные службы нам казались праздником.

Наше поколение не застало преподавания в школах Закона Божия, духовной литературы ни у кого не было, и все, что мы слышали за богослужением, было един-

ственным источником религиозных знаний. Владыка давал установку, чтобы пение и чтение в храмах было истовое и разборчивое, так что мы с того времени знаем и молитвы, и почти все службы года. При нем в каждую всенощную было канонаршество — канонарил в мантии, переходя от клироса к клиросу, келейник Владыки отец Евгений. Владыке всегда сослужили два архимандрита — Ефрем и Мина. Шестопсалмие читал в мантии на архиерейской кафедре архимандрит Ефрем, читал неподражаемо. После елеопомазания Владыку разоблачали в алтаре, и в мантии он выходил и становился в храме на маленькой кафедре у бокового иконостаса, где он молился с нами до конца службы, после чего он шел на амвон и благословлял каждого.

Службы были очень долгие. Духовенству тогда жилось материально трудно. И Владыка не имел большого количества облачений и митр, а то, что было, было даром его почитателей.

Владыка Иувеналий был высокообразованным, большой, щедрой души святителем. К нему можно было придти в любое время, и он с любовью принимал каждого. И каждый получал от него утешение и чувствовал себя как бы переродившимся.

Прожив большую жизнь, я считаю себя счастливейшим человеком, что в своей молодости находилась под окормлением такого святителя.

Я всю жизнь помню его на молитвах, а в день его тезоименитства, 2/15 июля каждого года, служу о нем заказную обедню.

Вспоминает Наталия Акимовна Юркова:

Я была совсем небольшой девочкой, когда ходила в собор на богослужения архиепископа Иувеналия и, можно сказать, знала его наглядно. Но меня поразило, что лицо у него было такое светлое, и выражение лица было такое благостное, что запомнилось на всю жизнь. Я все время хожу в Борисо-Глебский собор, почитаю многих священнослужителей, но такого светящегося лица и проникновенного взгляда больше ни у кого не видела.

ПИСЬМО ПАТРИАРХА ТИХОНА ЕПИСКОПУ ВОЛОГОДСКОМУ И ТОТЕМСКОМУ АЛЕКСАНДРУ¹

Публикация О.В. Моисеева

Преосвященнейший Владыко.²

Во многих местах в настоящее время, при реквизиции зданий, принадлежащих церковным учреждениям и школам и духовно-учебным заведениям, происходит разбор находящихся в них библиотек и архивов для передачи в государственный книжный и архивный фонды. Книги духовного содержания и архивы церковного значения, как ненужные для государственных фондов, в одних случаях предлагается убрать из реквизируемых помещений с предупреждением, что в противном случае книги и архивы будут уничтожены, в других же случаях духовные библиотеки и архивы удаляются из реквизируемых помещений без предупреждения и нередко подвергаются полному и частичному повреждению.

Такое отношение к церковным книгам и архивам не соответствует декрету 25 января 1918 г. о свободе совести и церковных и религиозных обществах,³ коим объявлено (ст. 3), что каждый гражданин может исповедовать любую религию, и тем самым, следовательно, допускается свободное существование особого религиозного учения и особого иерархического устройства и управления церковной или религиозной общины каждой религии. Религиозное же учение без книги, как орудия просвещения, легко может переходить в суеверие, а религиозное управление без означения его в письменных актах, составляющих содержание архивов, может послужить источником разного рода неправомерных действий и злоупотреблений, ускользаемых от наблюдения и проверки. Таким образом церковные библиотеки и

архивы получают значение не только собственно церковное, но и социальное, государственное, общечеловеческое, а разрушение или уничтожение церковных или религиозных библиотек и архивов неминуемо сопровождается вредом, одинаково ощутимым как для церковной или религиозной общины, так и для самого же государства.

Ввиду этого Делегация Высшего Церковного Управления⁴ по защите прав Православной Церкви обращалась к Совету Народных Комиссаров с ходатайством об охране особым декретом библиотек и архивов православных церковных учреждений и обеспечении возможности их существования и функционирования путем передачи их повсюду уже в настоящее время сформированным органам церковного управления на местах, т.е. Епархиальным Советам и Приходским Советам.⁵ При этом Делегация ходатайствовала и об обеспечении церковных библиотек и архивов зданиями, гарантируемыми в их неприкосновенности, т.к. перемещение библиотек и архивов в настоящее время и при нынешних условиях влечет за собою во многих случаях их неизбежное разрушение.

В последствие такового обращения Делегация Высшего Церковного Управления к Совету Народных Комиссаров Управление Делами Совета Народных Комиссаров препроводило в Делегацию копию заключения по данному вопросу Отдела по проведению в жизнь декрета об отделении Церкви от Государства,⁶ от 30 декабря 1918 г. № 551. В заключении этом изложено, 1) что Отдел не видит оснований к изданию особого декрета, охраняющего церковные библиотеки, ибо все библиотеки должны быть взяты под охрану Советской власти (ст. 592 Собр. Узак. и Расп. Раб. и Кр. Пр/авительства/), а богослужебные книги могут быть передаваемы в пользование группам граждан на общих основаниях, предусмотренных инструкцией по проведению в жизнь декрета об отделении Церкви от Государства;⁷ 2) что касается архивов, то все бумаги, имеющие значение для внутренней церковной жизни, могут быть, по разборке архивов, переданы заинтересованным лицам, с ведома

Управления Государственными архивами,⁸ и 3) что касается помещений для вновь основывающихся библиотек и частных архивов того или иного культа, то вопрос этот является чисто местным вопросом, разрешаемым на местах жилищными отделами в общем порядке.

Между тем и в настоящее время до Высшего Церковного Управления доходят сведения, что в некоторых местах духовные книги, в особенности из библиотек бывших церковных школ, подвергаются опасности уничтожения вследствие того, что по неправильному предположению, будто в настоящее время вовсе не допускается образование и содержание собственно церковных или религиозных библиотек, никем не предъявляются требования о передаче этих книг для церковного или религиозного пользования во вновь основывающиеся церковные или религиозные библиотеки. То же и в отношении архивов.

Вследствие этого признаю необходимым осведомить Ваше Преосвященство о сообщенном Делегации Высшего Церковного Управления Управлением Делами Совета Народных Комиссаров изложенном заключении VIII Отдела — в надежде, что Вы не преминете принять все с своей стороны меры к широкому оповещению вверенной Вам паствы о возможности сохранения, при ее желании, разрушаемых ныне церковных библиотек и архивов, — в случае крайней необходимости находя для них помещение в притворах и даже самых храмах в приличествующих местах.

Патриарх Тихон. Марта 8 (21) дня 1919 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подлинник хранится в Государственном архиве Вологодской области, в фонде Губернского архивного бюро (Ф. 62). Оп. 1. Д. 1. ЛЛ. 116 об.-117.

² Письмо адресовано епископу Александру (Трапизину), занимавшему Вологодскую кафедру в период с 1912 по 1921 год. В 1933 г. репрессирован.

³ 11 декабря 1917 г. Совнарком принял постановление «О передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение Комиссариата по народному просвещению». В нем впервые официально сообщалось о подготовке декрета об отделении церкви от государства. Текст проекта был опубликован в газете «Дело Народа» 31 декабря 1917 г., и затем в прессе, в том числе и церковной, появились многочисленные перепечатки и комментарии. 20 января 1918 г. он был изучен Лениным, который внес в него ряд важных поправок и дополнений, и в этот же день утвержден Совнаркомом. 21 января в оперативном порядке декрет публикуется в газетах «Правда» и «Известия», 23 января — в официальном правительственном органе — «Газете Временного Рабочего и Крестьянского правительства» под названием «Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах». Последняя дата является общепринятой в отечественной историографии. Судя по всему, дата, указанная в письме — 25 января — была принята в церковной прессе. В дальнейшем Патриарх Тихон называет настоящий декрет иначе, что вполне правомерно, ибо уже 26 января того же 1918 г. — в «Собрании узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства» — тот же декрет назван «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Именно это название, наряду с датой 23 января, утвердилось затем в официальных документах и литературе.

⁴ Высшее Церковное Управление — главный орган, ведавший делами Православной Российской церкви и избранный на Поместном соборе 1917-18 гг. Состоял из наиболее авторитетных иерархов Церкви под главенством Патриарха, бывшим первым среди равных.

⁵ Определение Священного Синода от апреля 1918 года вводило новую структуру управления епархиями, в каждой из которых образовывался Епархиальный Совет под председательством архиерея — орган, фактически принимавший на себя функции Духовной консистории, но формировавшийся на гораздо более демократической основе. В него, как и в Приходской Совет, наряду со священнослужителями входили непременно и миряне.

⁶ 8 мая 1918 г. Совнарком своим постановлением поручает особому отделу при Народном Комиссариате Юстиции проведение в жизнь закона об отделении церкви от государства. Таким отделом и стал VIII «ликвидационный» (отсюда можно судить уже о характере его деятельности!) — впослед-

ствии V — отдел Наркомюста. В 1924 году его функции переданы ГПУ.

⁷ Одной из главных задач VIII Отдела была выработка инструкции по применению декрета об отделении церкви от государства, якобы с целью исключения разного толкования его положений и введения единообразия «в осуществление провозглашенных начал». Однако на одном из первых обсуждений Инструкции П.А. Красилов — в течение трех лет (1918 — 1921 гг.) возглавлявший Отдел и редактировавший его орган журнал «Революция и Церковь» — заметил, что «крупные церкви (православная, католическая) безусловно враждебны Советской власти. Это враги, с которыми нужно бороться...».

⁸ Нам удалось выяснить трагические судьбы некоторых церковных архивов; в частности — уничтожение в конце 1918 года архива Вологодской Духовной Семинарии расквартированными в помещениях Семинарии красноармейцами.

ХИРОТОНИЯ И ИНТРОНИЗАЦИЯ АРХИЕПИСКОПА СЕРГИЯ

27 июня в парижском кафедральном соборе Александра Невского за Божественной литургией совершалась хиротония и интронизация архиепископа Сергея (Коновалова), избранного преемником недавно скончавшегося Высокопреосвященного Георгия (Вагнера), архиепископа Франции и Западной Европы.

Хиротонию совершил митрополит Иеремия в сослужении пяти епископов и сонма духовенства, в присутствии представителя Патриарха Вселенского — митрополита Константина, многочисленных гостей, приехавших на торжества не только из разных уголков Франции, но и из других стран Западной Европы. На богослужении присутствовали ответственные сотрудники парижских городских властей, министерства культуры, министерств иностранных и внутренних дел.

Новый предстоятель Архиепископии русских православных церквей в Западной Европе (в лоне Константинопольского Патриархата) родился 8 июля 1941 года в Лувене (Бельгия) у русского отца и матери-голландки. Окончив филологический факультет Католического Университета в Лувене, он с 1964 г. преподавал иностранные языки и историю Древнего мира в одной из брюссельских средних школ. В 1968 он посвящается в диаконы, в 1980 становится священником и настоятелем св. Пантелеймоновского храма в Брюсселе. Отец Сергей, отец троих детей, овдовел в 1984 г. В течение ряда лет он окормлял летние лагеря организации Витязей во Франции и в Бельгии.

Чрезвычайное собрание Архиепископии собрало 151 человек духовенства и мирян для предизбрания нового предстоятеля. Из трех кандидатов (дьякон Михаил Стороженко и еп. Павел Альдерсон), архим. Сергей получил сразу большее

количество голосов, а на третьем туре был избран большинством в 103 голоса против 40, поданных за еп. Павла.

Речь владыки Сергея при наречении

Ваши Преосвященства, богомудрые отцы и архипастыри!

Как любой человек, я долго слепо верил, что мне надо в моей жизни добиться чего-то своими усилиями. Уже будучи священником, я себе уяснил, что от меня требуется одно: смирение и послушание. Уроков в этом смысле было много: все время со мной делалось то, чего я либо боялся, либо по разным причинам не желал.

Когда я пытался доказать покойному владыке архиепископу Георгию (Тарасову), что мне никак нельзя было стать дьяконом, то он мне попросту сказал повиноваться.

Когда я — годы спустя — убеждал его, что иерейский сан для меня невозможен по причине недостойности, неподготовленности, занятости преподаванием в средней школе и т.д., он меня называл неразумным и спросил, помню ли я, чья сила из человека делает священника. Я ответил, что это — благодать Святого Духа. И тут он мне сказал: «Вот этого-то ты и не хочешь принять. А надо». Месяц спустя я стал священником.

Со временем слова Спасителя о том, что придет время, когда «иный тя пояшет и ведет, аможе не хочещи» (Иоанн 21, 18), стали для меня повседневной реальностью. Сейчас, по воле Божией, мне предстоит принять тот самый крест, которого, по немощи человеческой, я боялся и продолжаю бояться. Но боязнь проходит, когда вспоминаю иные слова Господа Иисуса: «Да не смущается сердце ваше; веруйте в Бога и в Мя веруйте» (Иоанн 14, 1).

Хотелось бы осуществить в ближайшем нашем окружении заветную мечту о прекращении раздоров церковных. С малолетства я их ощущал как нечто противоестественное. Каждый раз, когда я встречал в Евангелии эту фразу «да будут едино, якоже и мы»

(Иоанн 17, 11), мне становилось стыдно за наше человеческое стремление возвышать одного над другим и навязывать своему ближнему свои взгляды и волю. Одним из самых радостных моментов во время служения Евхаристической литургии для меня был возглас: «Возлюбим друг друга, да единомыслием исповемы».

Смиренно прошу вас, владыки святые, молиться о мне скудном, да укрепит меня Господь и да умудрит.

Интервью с новопоставленным архиепископом Сергеем

— Всякое священническое служение, а архиерейское служение в особенности — тяжкий крест. В своей речи Вы сказали, что страшитесь принять на себя этот крест...

— Это естественно: без страха служение в святом храме — перед Престолом — немыслимо. И конечно, архиерейское служение — это тяжелый крест. Но ведь там, где нет страха — нет и веры. Правда, есть человеческий страх перед своей немощью, перед возлагаемой на нас ответственностью, а вместе с тем мы знаем, что без Божией воли вообще ничего не делается в этом мире и что страхи наши — от нашего невнимания к Промыслу Божию, от нашего неведения. Однако Господь помогает побороть и маловерие, и сомнения, и немощи, а значит, помогает побороть и страх. Нам же остается повиноваться Его воле.

— Ваше Высокопреосвященство, Вы вступаете на путь архиерейского служения в сложное время. Я имею в виду, прежде всего, события в России, с которой мы, находясь в рассеянии, неразрывно связаны. Как Вам видится Ваше служение в свете этих событий?

— Видите ли, Вы ставите вопрос так, как будто ждете от меня изложения программы, которую я собираюсь проводить. Я Вам скажу прямо: такой программы у меня нет и быть не может. На меня возлагается ответственность за паству в первую очередь здесь, за границей, в Западной Европе. Мы безусловно связаны с Россией

своими корнями и действительно болеем за положение российской Церкви, за экономическое, нравственное и культурное положение в стране.

Чего можно ожидать от русских в рассеянии, чем мы можем быть полезны нашим соотечественникам в России, в коренной России? Это очень сложный вопрос. Я часто думаю об этом. Раньше думал, правда, несколько отвлеченно, а теперь приходится думать конкретно.

Я полагаю, что здесь, за границей, нам удалось сохранить кое-что из того, что в России за эти прошедшие семьдесят пять лет успели растерять. В каком-то смысле русское рассеяние — это своего рода резервуар, хранилище традиций, определенных устоев — нравственных, культурных, духовных. И, конечно, мы не вправе уподобляться тому рабу, который, получив свой талант, зарыл его в землю.

Наши духовные связи со своим отечеством не прерывались никогда, да и не могут прерваться. За каждым богослужением, как вы знаете, возносятся молитвы *«о многострадальной родине нашей земле российской, о верных чадах ея, во отечестве и рассеянии сущих»*.

Однако на нашей Церкви, на нашем духовенстве лежит и другая ответственность: перед людьми, среди которых мы живем. Мои предшественники — владыка Георгий Тарасов и владыка Георгий Вагнер — вели, я бы сказал, «политику внедрения» православия в западноевропейское общество. Я намерен следовать этой линии.

Это ни в коей мере не означает, что мы в чем-то отступаем от своего русского прошлого, от своих традиций. Наш духовный опыт мы хотим сохранить в наилучшем виде, но вместе с тем мы хотим, чтобы здешние люди имели возможность во всей полноте принимать участие в жизни православной Церкви. Ведь православие, оно существует не только для русских, греков или румын, не только для какого-нибудь отдельного народа. Православие — это путь и истина.

Христос обращался не только к определенному народу, не к отдельной группе или группам людей. Он обращался ко всему человечеству. И мы, православные,

можем действительно помочь нести благую весть, православное понимание христианства народам западных стран.

— В своей речи на поставление во епископы Вы высказали заветную мечту о прекращении церковных раздоров между тремя ветвями Русской Православной Церкви: юрисдикции Московской Патриархии, Русской Зарубежной Церковью и, наконец, той, что под омофором Константинопольского Патриархата, архиепископом которой Вы являетесь. Предполагаете ли Вы предпринять конкретные шаги для сближения этих Церквей?

— У них не только корень один. Это, в сущности, вообще одно дерево, хотя отдельные отростки слишком буйно разрослись в разные стороны.

Какие конкретные шаги предпринять для сближения, как это сделать, сегодня я не могу ответить. Потому что, право, пока не знаю. Но лично я чужд духу враждебности к любому человеку. Тем более — к брату во Христе. Я говорил и повторю еще раз: всю свою жизнь я смотрел на разделение православия как на что-то совершенно противоестественное. *Неестественное, а противоестественное.*

Дух враждебности нужно изживать личным примером, личной жизнью. В первую очередь, не делать резких разграничений: это наши, а те не наши. Хороши только наши, а остальные нехороши (к сожалению, это слишком часто приходится слышать).

Для того, чтобы попытаться изжить дух враждебности, нужно чаще встречаться, нужно уметь установить диалог. Без этого сразу закрываются двери для понимания. Необходимо научиться говорить друг с другом открыто и терпеливо. Я думаю, на большее пока надеяться не приходится.

— В парижский кафедральный собор Александра Невского приходят и те, кто приезжает из России... Так само собой в жизни как бы уже происходит единение. Значит, оно в принципе возможно?

— На таком уровне — несомненно. Но оно немыслимо на уровне иерархическом. Я сегодня не представляю литургического сослужения архиереев или священни-

ков трех разных юрисдикций, хотя случайно это и возможно. Например, при отпевании моей покойной жены в брюссельском храме служили священники трех юрисдикций, чего, насколько я знаю, не происходило ни разу.

Много лет я работал в лагерях «Витязей». Я не спрашивал подростков, какой они юрисдикции. Я не спрашивал, православные они или нет. Нередко случалось, что они мне говорили: я — католик или я — католичка. На что я неизменно им отвечал: «А ты христианин или не христианин? Ты веруешь?» — «Верую». — «Вот и хорошо: будешь участвовать в нашей общей молитве. А дальше, если тебе с нами будет хорошо, — значит, вероятно, тут и есть твое место».

— Владыка, сейчас открылись большие возможности практической помощи России, церквям, приходам, благотворительным обществам. Что Вы думаете о такого рода деятельности?

— Действительно, поле деятельности тут очень широкое, особенно для Запада. Однако следует, вероятно, сразу сделать оговорку.

Первый порыв, стремление помогать, порыв солидарности с освободившейся страной, с освободившимся народом, по-моему, уже начинает проходить. Первую жатву сняли. Сегодня надо быть более терпеливым. Трудно ожидать, что русское зарубежье будет по-прежнему жертвовать столь же щедро. Этому тоже, видимо, придет конец. Тут надо быть реалистом.

Как можно помочь конкретно? Думаю, что не следует посылать помощь просто так — вслепую. Если мы знаем, что в каком-то городе, в каком-то селе, в каком-то приходе есть определенные нужды, и нас просят, чтобы мы помогли, то, безусловно, надо сделать все, что от нас зависит, чтобы эти нужды удовлетворить.

Я понимаю, что в каком-то смысле это, может быть, не совсем справедливо: те, кто не просит, или те, о нуждах которых мы не знаем, — не получают помощи. И это, конечно, очень горько. Хотелось бы помочь всем. Но сделать это сегодня просто физически невозможно.

У меня есть несколько корреспондентов в России. Это священники, с которыми я переписываюсь. Им я всегда задаю вопрос: скажите, что вам конкретно нужно. Мы помогаем им. Не один я, а весь наш брюссельский приход.

— Владыка, собор Святого Александра Невского в Париже, настоятелем которого Вы теперь являетесь, где теперь Ваша кафедра, — это в своем роде посольство России во Франции. Как Вам видится Ваша роль в этом отношении?

— Честно говоря, я даже никогда над этим и не задумывался. Действительно, и самой нашей Церкви на Западе, и собору, и тем, кто в нем служит, и прихожанам судьба отвела особую роль. Мы представляем здесь русское православие, и по тому, как мы его представляем, судят и о глубине нашей веры, и о красоте Православия, и об истинности его благовествования. Мой покойный отец мне всегда говорил: «Помни, по твоим поступкам, по твоим словам будут судить и о стране, из которой ты произошел, хотя ты родился за границей».

Я думаю, что этот урок я себе усвоил. Это больше, чем призвание, это — долг: не терять престиж русского православия, достойно представлять свой народ и свою веру.

Вероятно, есть Божий Промысл в том, что какая-то часть Российской Православной Церкви должна была покинуть родину, стать закваской чего-то другого вне России. Я думаю, что в будущем Запад, может быть, еще вспомнит о той роли, которую Россия сыграла в его духовной жизни. Но к этому времени нас уже не будет в живых. Это, однако, неважно — закваска останется.

Интервью взял Николай Тюльпинов (Париж «Русская Мысль»).

Открытие передвижной выставки в Тобольске.
Слева направо: Н.А. Струве, Е.Ю. Гениева, Евг. Кузмин, В.Я. Скворцов, В.А. Москвин.

«YMCA-Press» в Рязани, Тюмени и Тобольске (май-июнь 1993 г.)

В ходе программы установления библиотек ИМКА-Пресс по разным городам и уголкам России, в конце мая и начале июня, русско-язычное парижское издательство побывало, по их нарочитому приглашению, в трех городах — в Рязани, Тюмени и Тобольске.

В Рязани, находящейся в трех часах езды на машине от Москвы, делегация подобралась особо обширная: она состояла из директора ИМКА-Пресс Никиты Струве с супругой, замдиректора Библиотеки Иностранной Литературы Екатерины Гениевой (в сопровождении ее помощницы и двух гостей), директора совместного предприятия Виктора Москвина, директора культурного Центра в Москве Клода Круая, заведующего библиотечным делом при министерстве культуры Евгения Кузмина, представителя посольства Франции Пьера Тороманова и Натальи Солженицыной, находившейся в те дни в Москве. По дороге в Рязань гости остановились в Бобреновом монастыре, близ Коломны, где настоятельствует игумен о. Игнатий Крекшин. Открытие выставки ИМКА-Пресс было приурочено к празднику города. По сложившейся традиции, оно началось с молебна, отслуженного архиеп. Рязанским и Касимовским Симоном, и сопровождалось речами, в которых излагались история ИМКА-Пресс, планы совместного предприятия «Русский Путь», программа французского культурного центра. Одновременно с даром возможно полной коллекции изданий ИМКА-Пресс Областной Рязанской библиотеке было также передано французским посольством немалое количество французских книг. На следующий день в читальном зале той же библиотеки Н.А. Струве прочел лекцию, посвященную Солженицыну, в которой настаивал на непреходящих моментах его творчества, в частности, на теме христианского кенозиса, проходящей красной нитью во всех его книгах. Вопросы ставились докладчику, но в первую очередь, разумеется, Наталье Дмитриевне, присутство-

вавшей на лекции. Она поведала собравшимся о намерении Александра Исаевича посетить Рязань после того, как он вернется на родину.

«Но так случилось, что ИМКА-Пресс опередило нас, проложив тем самым путь в Россию... Александр Исаевич высоко ценит деятельность «Русского Пути» по распространению книг ИМКА-Пресс по далеким или глухим местам России, ведь он почти всегда жил в провинции. Он считает, что именно с нее начнется возрождение России. По его мнению, в стране должно существовать множество очагов культуры. Поэтому он всегда так живо интересуется открытием выставок издательства ИМКА-Пресс, которые прошли уже во многих городах России». На вопрос, чем привлекает Солженицына это издательство, Наталья Дмитриевна ответила: «Просто пересеклись ось деятельности ИМКИ и ось творчества Александра Исаевича. Они вместе шли не по линии противостояния, а лепились ближе к Богу».

Гости присутствовали на воскресной литургии в рязанском соборе, осмотрели Кремль, посетили ряд мест, связанных с десятилетним пребыванием А. Солженицына в Рязани: дом, где он жил и где висит мемориальная доска, школу, где он преподавал. К сожалению, не хватило времени посетить за городом «укровище», где был написан «Архипелаг ГУЛАГ».

На следующий день после возвращения в Москву та же делегация, но в меньшем составе, вылетела в столицу Западной Сибири Тюмень (Наталья Дмитриевна оставалась в Москве, Кл. Круая и Тороманова заменил советник по культуре французского посольства Филипп Этьен), где стараниями директора областной библиотеки, Виктора Яковлевича Стрельцова, делегация была встречена с особым радушием. Открытие выставки прошло при большом стечении народа, епископом Тобольским Дмитрием был отслужен торжественный молебен, экспонаты были удачно расставлены в просторном зале. Отметим выступления Ф. Этьена и Н.А. Струве перед тюменской общественностью, лекцию Н.А. Струве в Университете, посещение собора, а также бывшего мужского монастыря, все еще не переданного Церкви.

Вместе с епископом Дмитрием делегация отправилась на машинах в Тобольск на открытие передвижной имковской библиотеки, которой предстоит обслуживать обширнейшую Тюменскую область. Посещение Кремля привело гостей в недавно возродившуюся семинарию, где Н.А. Струве прочел лекцию о религиозном опыте эмиграции и ответил на многочисленные вопросы семинаристов. Гости посетили нижний город и, в частности, дом, где в начале 1918 года находилась под стражей царская семья. На обратном пути они остановились у руин Абалакского монастыря, недавно переданного церкви, любуясь потрясающим видом разлившегося по весне Иртыша.

Презентация «Вестника РХД» в Воронеже (25 июня 1993 г.)

Частная авиакомпания «Полет», по инициативе В. Бойкова, снарядила самолет, который привез из Москвы в Воронеж членов редакционной коллегии или просто сотрудников «Вестника РХД», чтобы ознакомить воронежскую общественность с задачами и целями старейшего зарубежного журнала. В Воронеже уже проходила выставка издательства ИМКА-Пресс, но обыкновенно история издательства и разнообразие и богатство его деятельности заслоняют журнал. Осенью 1992 года отдельная презентация «Вестника» успешно прошла в Твери и принесла журналу несколько десятков подписчиков, а также и трогательную денежную помощь от частных поклонников журнала.

Вот как описала презентацию в Воронеже (под подписью В. Силин) областная газета «Коммуна» от 23.VI-1993 г.:

«Эта своеобразная презентация старейшего издания русского зарубежья явилась как бы продолжением двух других, проходивших в нашем городе. Читатели «Коммуны», наверное, помнят выставки современной французской литературы издательства ИМКА-Пресс и встречи с ее директором, профессором Парижского

университета Никитой Алексеевичем Струве. Затем состоялась выставка «Российская эмиграция в Чехословакии в межвоенный период. Вклад в науку и культуру». И вот теперь — новая встреча.

Эта акция предпринята в рамках воссоединения русской культуры, возврата духовных ценностей на Родину. Об этой высокой миссии деятелей культуры эмиграции, о той роли, какую играет «Вестник РХД», говорил член редколлегии Александр Николаевич Богословский.

— Наш журнал начал выходить в 1925 году в Париже. Это было тоненькое издание, всего лишь на 30–40 страниц. А первым редактором стал известный философ Г.П. Федотов. «Вестник РХД» всегда выступал как орган, связующий все русское христианское движение. В тяжелые годы, а точнее с 1940 по 1949, издание не выходило в свет, так как шла война. Возобновлен выпуск в ФРГ в 1950 году. А потом редакция вновь вернулась в Париж.

К нам, в Россию, «Вестник РХД» проникал с огромным трудом, так как считался изданием антисоветским. Хотя именно здесь увидели свет неизвестные ранее произведения А. Солженицына, А. Ахматовой, О. Мандельштама, материалы, связанные с именами крупнейших писателей русского зарубежья.

— Когда в начале 70-х редакторский пост занял Н.А. Струве, — продолжал свой рассказ А.Н. Богословский, — то он стал обращать первостепенное внимание на материалы, присылаемые из России. Так на обложке журнала к словам «Париж-Нью-Йорк» добавилось еще одно — «Москва». С 1989 года открыта подписка на журнал в нашей стране. Сейчас у него в России около тысячи постоянных читателей. Может, кому-то эта цифра покажется незначительной, но ведь мы практически не имели никакой рекламы.

Интересным было выступление одного из авторов «Вестника РХД» отца Андрея Кураева. Он подчеркнул, что журнал всегда сохранял нераскольническую позицию по отношению к церковной жизни в России.

— Сейчас же идеи журнала, как ни печально, официальной церковью не воспринимаются. А ведь его заслуга еще и в том, что журнал пытается осмыслить происходящее с нами именно в тот момент, когда человек обращается к Богу. Кредо «Вестника РХД» я бы выразил словами: «В церкви есть место и для молитвы, и для творчества, и для мысли».

В презентации участвовал книгоиздатель из Германии, который 12 лет возглавлял лондонское издательство «ОРІ», Серафим Николаевич Милорадович. Московская кинорежиссер-документалист Ирина Бессарабова, которую мы хорошо знаем по фильму «Петр Столыпин», сказала:

— Я, наверное, не смогла бы написать сценарий фильма, если бы не помощь журнала. Помогли мне и те публикации о Столыпине, которые появлялись в «Вестнике РХД», и его сотрудники. А потом Ирина прочитала свои стихи, обращенные к детям.

И последнее. Наши гости привезли в дар воронежским школам христианскую литературу. А С.Н. Милорадович со своей стороны пообещал тоже прислать книги, которые выходили в его издательстве.

Связь культур продолжается».

«YMCA-PRESS» В РОССИИ

Читателям «Вестника РХД» уже известно, что с 1990 г. ИМКА-Пресс предприняла развернутую программу устройства выставок и читальных залов по большим и малым городам России: Москва, Петербург, Киев, Тверь, Орел, Воронеж, Ставрополь, Смоленск, Рязань, Тюмень (а в скором времени очередь и за Иркутском) получили в дар максимально полный комплект книг, изданных за 70 лет ИМКА-Пресс. В Тверской, Ставропольской и Тюменской областях действует дополнительная передвижная библиотека, которая дает возможность и уездным городам ознакомиться с духовным и художественным богатством эмиграции. Так, по месяцу в каждом городе действовали библиотеки ИМКА-Пресс в Торжке, Осташкове, Ржеве, Вышнем-Волочке, Бологом, Кашине, Талдоме, Георгиевске, Пятигорске, Кисловодске, Ессентуках, Тобольске и т.д.

Получены приглашения устроить подобные выставки-читальни из Минска, Таллина, Екатеринбурга, Перми, Саратова, Волгограда, Астрахани, Омска, Мурманска, Вятки, и т.д.

Но легко себе представить, что эта программа обходится дорого и без того маломощному, чтобы не сказать нищему зарубежному издательству. Она не может быть выполнена без помощи всех, кому дорога русская религиозно-философская и художественная традиция, расцветшая за рубежом и столь нужная теперь возрождающейся из-под развалин России. Каждая библиотека-читальня (больше 300 названий), подаренная городу, стоит 30.000 франков.

Денежную помощь просим направлять на адрес

«YMCA-Press», 11 rue de la Montagne-Ste-Geneviève, 75005 Paris, или прямо переводом в банк с указанием «на библиотеки в России»

«YMCA-Press», *Morgan Guaranty Trust Company, Paris*, (banque 30778, guichet 00041), N° compte : 097 300 L 1000/23.

Всех заранее сердечно благодарим.

Исправления к «Вестнику» № 165

Первое: к стр. 209.

Эта статья — сокращенная версия одной главы книги Ральфа Дутли о Мандельштаме «Диалог с Францией», которая была издана на немецком языке в Швейцарии:

Ralph Dutli, OSSIP MANDELSTAM. "Als riefte man mich bei meinem Namen". Dialog mit Frankreich. Ein Essay über Dichtung und Kultur. Zürich, Ammann Verlag 1985.

© Ammann Verlag Zürich

Книги того же автора об Осипе Мандельштаме:

Ralph Dutli, EIN FEST MIT MANDELSTAM. Über Kaviar, Brot und Poesie. Ein Essay zum 100. Geburtstag. Zürich, Ammann Verlag 1991.

Ossip Mandelstam, IM LUFTGRAB, Ein Lesebuch. Mit Beiträgen von Paul Celan, Pier Paolo Pasolini, Philippe Jaccottet, Joseph Brodsky. Herausgegeben von Ralph Dutli. Zürich, Ammann Verlag 1988.

Второе: к стр. 181.

Автор публикации и перевода письма М. Цветаевой к Анне де Ноай — Н. А. Струве.

Издательство « YMCA-Press »

Переиздание

Епископ КАССИАН (Безобразов)

(1892–1965)

**ХРИСТОС И ПЕРВОЕ
ХРИСТИАНСКОЕ
ПОКОЛЕНИЕ**

Введение в историю Нового Завета

Исчерпывающее историческое введение в эпоху первохристианства, составленное на основании строго проверенных и научно обоснованных данных и источников.

1992, 370 стр.

Цена : 120 фр. фр.

того же автора :

ЦАРСТВО КЕСАРЯ ПЕРЕД СУДОМ НОВОГО ЗАВЕТА.

1949, 50 стр.

Цена : 60 фр. фр.

заказы направлять в Русский книжный магазин

“ LES EDITEURS REUNIS ”

11 rue de la Montagne-Ste-Geneviève, 75005 Paris, France

тел. : 43.54.74.46

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции — Никита Струве 3

БОГОСЛОВИЕ, ФИЛОСОФИЯ

Пророчество (тезисы к докладу) —
прот. Сергей Булгаков 5

Искания (1914–1916): глава из документального
повествования о матери Марии — А.Н. Шустов 13

■ К столетию со дня рождения А. Ф. Лосева
Алексей Федорович Лосев (1893–1988) —
Геннадий Зверев 45

Основные категории абсолютной диалектики
(из рукописи) — А.Ф. Лосев. (Публикация и
комментарии А.А. Тахо-Годи) 53

О методах религиозного воспитания —
А.Ф. Лосев. (Публикация и комментарии
А.А. Тахо-Годи) 63

Дела и дни Льва Платоновича Карсавина —
А. Клементьев 88

Обретение Розанова — Ю. Кублановский 109

ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ

Три стихотворения — Элла Крылова 115

Два стихотворения — Ольга Ермолаева 118

Владимир Маяковский: путь к самоуничто-
жению или прорыв в бессмертие? —
Леонид Долгополов (СПб) 121

«Я его знаю давно и близко». М.А. Волошин
и П.Б. Струве — Вл. Купченко 156

Блок и Кузмин в архиве П.Н. Медведева —
Юрий Медведев 167

СУДЬБЫ РОССИИ

Памяти архиепископа Рязанского и Шацкого Иувеналия (Масловского) (1878-1937).....	183
Письмо патриарха Тихона епископу Вологод- скому и Тотемскому Александру — публикация О.В. Моисеева	240
Хиротония и интронизация архиепископа Сергия в Париже	245
«УМСА-Press» в Рязани, Тюмени и Тобольске (май-июнь 1993 г.)	252
Исправления к «Вестнику» № 165	259

SOMMAIRE

Editorial — <i>Nikita Struve</i>	3
--	---

THEOLOGIE — PHILOSOPHIE

<i>De la prophétie</i> — P. Serge Boulgakov	5
<i>Les années de quête (1914-1916): Mère Marie</i> Skobtsova — A. Choustov	13

■ Centenaire de A. F. Lossev (1893-1988)

A. Lossev — G. Zverev	45
<i>Les catégories essentielles de la dialectique</i> absolue — A. Losev	53
<i>Des méthodes dans l'éducation religieuse</i> — A. Losev	133

<i>L. Karsavine : essai de bio-bibliographie</i> — A. Kle- mentiev	88
<i>Rosanol redécouvert</i> (deux livres de V. Fateev et S. Nossov) — Ju. Kublanovski	109

LITTERATURE ET VIE

<i>Poésie</i> — Ella Krylova	115
— Olga Ermolaeva	118
<i>Vladimir Maïakovski : pulsions de mort ou</i> <i>d'immortalité?</i> — Léonide Dolgopoloov	121
<i>“Je le connais bien depuis longtemps” : M. Voloshin</i> et P.B. Struve — Vl. Kuptchenko	156
<i>Blok et Kouzmine d'après les archives de P. Medve-</i> <i>dev</i> — Ju. Medvedev	167

DESTINEES DE LA RUSSIE

<i>A la mémoire de Mgr Juvenal, archevêque de Riazan (1878-1937)</i>	183
<i>Une lettre du patriarche Tikhon à Mgr Alexandre, évêque de Vologda (publ. de O. Moisseev)</i>	240
<i>Election et intronisation de Mgr Serge, archevêque des églises russes d'Europe occidentale</i>	245
<i>Les éditions "YMCA-Press" à Riazan, Tioumen et Tobolsk (mai 1993)</i>	252

ВЕСТНИК Р.Х.Д.

Издание РСХД – YMCA-Press

ВНИМАНИЕ !

в России :

Представитель „ВЕСТНИКА“

Богословский А. Н.
Проспект Мира, д. 110/2, кв. 291
129626 Москва

ПРЕДСТАВИТЕЛИ « ВЕСТНИКА » на Западе

в Америке (West) :

Mrs Olga Hughes-Racvsky, P.O. Box 1207, Berkeley, Ca 94701, USA.

в Америке (East) :

Mrs T. Ertl, 6691 Lakeview drive, Boulder, Colorado 80303, USA.

в Канаде :

«Parish News», 1175 A rue de Champlain, Montreal, P.Q. H2L 2R7

в Англии :

«Aid to the Russian Christians», P.O. Box 200, Bromley, Kent, BR1 1QF

Русское Студенческое Христианское Движение за рубежом имеет своей основной целью объединение верующей молодежи для служения Православной Церкви и привлечение к вере во Христа равнодушных к вере и неверующих. Оно стремится помочь своим членам выработать христианское мировоззрение и ставит своей задачей подготовить защитников Церкви и веры, способных вести борьбу с современным атеизмом и материализмом.

Р.С.Х.Д. утверждает свою неразрывную связь с Россией. Наша принадлежность к русскому народу и к русской православной Церкви налагает на нас духовные обязательства, независимо от того, мыслим ли мы себя временными изгнанниками-эмигрантами или решили связать свою жизнь с другой страной. Подлинная русская культура неотделима от Православия: поэтому в хранении и продолжении ее мы видим наш долг. Мы видим наш долг также в свидетельстве перед миром о подлинном лике России, в напоминании о страданиях русского народа.

(Из Устава Р.С.Х.Д. 1959 г.)